Н. О. ЛОССКИЙ

ЛОГИКА

I

ОБЕЛИСК
1923

Библиотека "Руниверс"

ПРЕДИСЛОВИЕ

Система логики, изложенная мною, опирается на гносеологию интуитивизма (см. мои сочинения: „Обоснование интуитивизма" и „Введение в философию", ч. I) и на идеал-реалистическое миропонимание (см. мою книгу „Мир как органическое целое").

Основная задача моей системы логики — преодоление противоположности иррационализма и рационализма, апостериоризма и априоризма, противоположности опыта и мышления. Согласно той разновидности интуитивизма, которую я отстаиваю, все предметы, как реальные, так и идеальные, даны в непосредственном созерцании, т. е. в опыте, а согласно идеал-реализму все реальное пропитано идеальными моментами, и некоторые из них при вступлении предмета в кругозор сознания образуют логическую сторону суждения и умозаключения. Таким образом даже первичное знание, констатирующее данные чувственного восприятия, рассматривается мною, как обоснованное не только эмпирически, но и логически.

Особенно выдвинуто мною на всем протяжении логики понятие синтетически-логического, впервые разработанное Кантом в гносеологии в его трансцендентальной логике, но неиспользованное им в формальной логике для теории умозаключений и для преодоления аналитических теорий, т. е. теорий, опирающихся на закон тожества и противоречия. Даже определения рассматриваются мною, как синтетические суждения; точно также, исследуя умозаключения, я стараюсь показать, что силлогизм есть синтетическая, а не аналитическая система.

Библиотека "Руниверс"

Отрицание противоположности опыта и мышления, а также подчеркивание во всех логических образованиях синтетически-логической стороны, имеющей вместе с тем онтологическое значение, приводит к сближению формы и материи и освобождает от крайнего формализма в логике; это сказывается в особенности *в моем учении о существовании не только* формально-синтетических, но и материально-синтетических умозаключений, а также в учении об индукции.

Глава о гипотезе обработана мною так, чтобы показать, что, несмотря на смену гипотез, несмотря на множественность их и противоположность друг другу, наука есть не условная, не символическая и т. п. конструкция человеческого ума, а система абсолютных знаний о самом подлинном бытии, правда не полная, не совершенная, но все же неуклонно развивающаяся в направлении к бесконечному идеалу Абсолютной Истины.

Библиотека "Руниверс"

Гносеологическое введение в логику

1. Гносеология как основа логики

§ 1. Кант говорит, что логика, исследующая «лишь формальные правила всякого мышления», есть наука, повидимому, вполне замкнутая и законченная: «со времени Аристотеля она не принуждена была сделать ни одного шага назад», но «также до сих пор она не могла сделать и ни одного шага вперед»[1]).

Если заглянуть в элементарный учебник, то можно вообразить, что замечание Канта сохранило силу и до нашего времени. В самом деле, в элементарных курсах логики на первом плане стоят учения, которым насчитывается более двух тысяч лет, напр. учение о строении силлогизма. Но если бы Кант воскрес и взял в руки современные философские курсы логики, он отказался бы от своего мнения. Влияние гносеологии, распространившееся также и на формальную логику, углубило эту науку, а вместе с тем внесло в нее и раздоры, создало в ней борьбу множества разнородных теорий. В подтверждение достаточно указать на «Систему логики» Милля и рядом с нею «Логические исследования» Гуссерля, или на столь отличные друг от друга системы логики Липпса, Шуппе и Зигварта [2]), или же в русской литературе, на книгу, А. И. Введенского «Логика, как часть теории познания» и книгу М. И. Каринского «Классификация выводов». Новичком может овладеть отчаяние, если он слишком поспешно познакомится сразу со всеми этими сочинениями. Он не в силах будет выплыть из водоворота борющихся друг с другом течений и найти направление для поступательного движения вперед; в то же время он с ужасом заметит, что старые знания, из элементарных учебников логики, в нем расшатаны, так как современные исследователи вскрыли в старых, тысячелетних учениях несомненные ошибки и недосмотры, воспрещаемые самою же логикою, они с очевидностью показали, что даже правила формальной логики (напр., силлогизма) нужно излагать иначе, в ином количестве и в ином виде, чем это принято традициею.

---

[1]) Кант, Критика чистого разума, перев. Н. Лосского (2 изд. 1915 г. стр. 9).

[2]) Липпс, Основы логики, перев. Н. Лосского: Schuppe, Erkenntnisstheoretische Logik, а также его Logik und Erkenntnisstheorie; Sigwart, Logik.

Библиотека "Руниверс"

Замечательно, что подлинным виновником революционного состояния современной логики приходится считать Канта, и притом ту его книгу («Критику чистого разума»), в предисловии к которой он называет формальную логику «вполне замкнутою и законченною» наукою. Это яркий образец того, как великий мыслитель зачастую сам не знает всех зародышей дальнейшего развития, таящихся в его открытиях.

В виду войны всех против всех, царящей в современной логике, как следует излагать содержание этой науки? — Конечно, не затушевывать разногласий между различными направлениями, а наоборот, отчетливо выдвинуть одно из направлений, сопоставляя его с другими и противополагая им так, чтобы для читателя была облегчена работа критического анализа и выбора между ними. При этом, конечно, нельзя угнаться за всем множеством существующих направлений. Такая попытка привела бы к нарушению стройности изложения общей системы логики. В этой книге я буду иметь в виду систему логики, основанную на гносеологии интуитивизма [1]), а сопоставлять ее я буду главным образом с традиционною классическою логикою и, кроме того, с двумя другими направлениями, именно с логикою, опирающеюся на гносеологию индивидуалистического эмпиризма, и с логикою, обоснованною на критицизме Канта. Образцом эмпиристической логики будет служить нестареющий труд Милля «Система логики», а образцом кантианства — книга проф. А. И. Введенского «Логика, как часть теории познания». Конечно, при этом предполагается, что читатель знаком уже с элементарным курсом логики.

§ 2. Дать определение понятия логики не легко. Указание на то, что предметом исследования логики служит знание, еще не отграничивает логику от ряда других наук. В самом деле, знание служит предметом исследования нескольких наук; в психологии, кроме отделов, посвященных изучению воли и чувств, есть еще отдел, посвященный изучению знания; мало того, в основу философии в настоящее время полагается новая наука, гносеология (теория знания или теория познания), ставшая на ноги лишь со времени Канта, но в короткое время достигшая высокой степени развития и почти всеми рассматриваемая теперь, как необходимый исходный пункт всякого философского исследования; предметом изучения этой науки, как видно из самого названия ее, тоже служит знание. Наконец, даже физиология, поскольку она изучает строение органов чувств и деятельность нервных центров, изучает процессы, имеющие значение для познавательной деятельности.

Если знание подвергается исследованию нескольких разнородных наук, то это значит, что познавательная деятельность сложна, что

[1]) См. мои сочинения „Обоснование интуитивизма“, также „Введение в философию“, ч. I.

Библиотека "Руниверс"

она имеет в себе глубоко различные стороны, изучение которых распределяется между различными науками, вроде того как изучение материальных процессов производится не только физикою, но и химиею.

Отсюда ясно, что тот, кто хочет отличить логику от психологии знания и гносеологии и дать точное определение этих наук, должен сначала познакомиться с составом знания и познавательной деятельности: только тогда можно будет дать отчет о том, какую сторону знания изучает каждая из перечисленных наук.

§ 3. Приступим для этой цели к анализу знания. Всякое знание осуществляется в чьем-либо сознании. Когда химик устанавливает положение «химически-чистое железо имеет удельный вес 7,8», это знание есть нечто сознаваемое им. Знакомясь с геометриею, мы признаем, что «прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками», и это знание есть нечто сознаваемое нами. Наконец, если обратиться к простейшим случаям знания, основанного на чувственном восприятии, и в них окажется то-же самое. Выйдя в сад в мае, я говорю «сирень зацвела», и это знание есть нечто сознаваемое мною. Итак, знание осуществляется в сознании, а потому для изучения его состава следует подвергнуть анализу также состав сознания.

Сознание характеризуется тем, что в нем всегда есть две стороны: некто сознающий и нечто сознаваемое (напр., знание). Назовем первую сторону субъектом сознания, а вторую — содержанием сознания. Между субъектом сознания и содержанием сознания существует связь (отношение), характер которой мы рассмотрим позже, а теперь обратим внимание на следующее обстоятельство: такое содержание сознания, как знание, находится в отношении не только с познающим субъектом, но и еще с чем-то: всякое знание есть знание о чем-либо. То, о чем высказывается знание (в приведенных примерах это было железо, прямая линия, сирень), называется предметом знания или объектом. Итак знание стоит как бы посредине между познающим субъектом и познаваемым объектом. Оно принадлежит субъекту, но должно согласоваться с объектом; в самом деле, истинное знание о предмете должно как-то соответствовать предмету, более или менее выражать его.

Таким образом, чтобы получить точные сведения о строении познающего сознания, нужно исследовать отношение между субъектом и объектом, отношение между знанием и субъектом и, наконец, отношение между знанием и объектом.

2. Отношение между субъектом и объектом.

§ 4. Рассмотрим прежде всего отношение между познающим субъектом и познаваемым объектом. Вопрос о природе

Библиотека "Руниверс"

этого отношения решается крайне различно представителями различныхъ философских школ. Познакомимся сначала с тем, как представляется это отношение самому примитивному человеческому уму, раньше всяких философских исследований. Отыскать образцы этих примитивных представлений нетрудно: они были свойственны каждому из нас до занятий философиею и сохраняют свое влияние в течение всей жизни, по крайней мере в те моменты, когда человек забывает о философских теориях и возвращается к естественному миропониманию.

Приобретение истинного знания о предмете кажется такому уму делом весьма простым: для этой цели достаточно воспринять вещь путем зрения, слуха, осязания и т. п. Если на лесной поляне растет береза, то, проходя мимо нее, стоит обратить на нее внимание, и о н а в с т у п и т в кругозор моего сознания с а м о л и ч н о, в п о д л и н н и к е: наблюдаемый зеленый цвет листьев, белый цвет коры, шум ветвей суть не мои ощущения, а свойства самой березы, пребывающие в ней вот там на расстоянии трех саженей от меня, думает представитель этой естественной точки зрения. Уходя с поляны и переставая видеть березу, он думает, что там на поляне она осталась с тем же зеленым цветом, шумом и т. п., с какими она только что предлежала его наблюдению в кругозоре его сознания. Такое представление о знании, истине и отношении между субъектом и объектом называется н а и в н ы м р е а л и з м о м. Оно называется реализмом потому, что считает содержание чувственного восприятия не субъективными переживаниями, а самою действительностью (реальностью). Оно может быть названо наивным потому, что владеет примитивным умом инстинктивно, безотчетно, без всякой теоретической разработки. В самом деле, представитель наивнаго реализма неспособен даже описать свое представление об истине и предмете знания так, как это сделано нами только что. О том, что наш собеседник — наивный реалист, можно бывает только догадаться на основании его высказываний об отдельных вещах.

Возможность такого безотчетного мышления легко пояснить следующим примером. Человек, высказывающий суждения «это дерево сломлено ветром», «этот овраг вырыт ручьями дождевой воды» и т. п., несомненно пользуется для объяснения явлений понятием причинности, однако вполне возможно, что он никогда в своей жизни не мыслил закона причинной связи явлений в отвлеченной форме.

Подойдя к такому примитивному уму, в настоящем случае к уму наивного реалиста, зададимся целью выработать понятия, кроющиеся в его точке зрения на мир. Возможно, что они окажутся не менее здравыми и ценными, чем понятие причинности, таящееся в конкретных высказываниях «дерево сломлено ветром» и т. п. В таком случае точная отвлеченная формулировка этих понятий даст возможность защитить и обосновать их и приведет к возрождению здравых элемен-

Библиотека "Руниверс"

тов примитивного мировоззрения, утраченных культурным философским сознанием лишь по недоразумению. Нередко культура несет с собою не только освобождение от наивности, но еще и печальную утрату естественности, замену ее дурною искусственностью. Тогда задача еще более высоких ступеней культуры состоит в том, чтобы вернуться к примитиву и сознательно, т. е. не наивно возродить ценные стороны его.

Приступим к такой обработке наивного реализма, и вскроем своеобразные понятия, таящиеся в нем. Прежде всего, что такое истина? — В духе наивного реализма на этот вопрос можно ответить, что истина достигается в сознании путем обладания предметом в подлиннике. Иными словами, здесь предполагается maximum близости между истиною и предметом: не соответствие, не копирование и т. п., а совпадение, тожество содержания истины и предмета.

Отдавая себе отчет в том, как возможно, чтобы предмет вступал в кругозор сознания в подлиннике, необходимо притти к следующему различению понятий. Предмет внешнего мира, напр. дерево, может быть наблюдаем в подлиннике только в том случае, если, находясь в сознании субъекта, он тем не менее остается вне самого субъекта, как личности, как индивидуума: в самом деле, видимое, осязаемое и т. п. дерево есть только предмет наблюдения субъекта, но вовсе не душевное состояние субъекта. Лишь такие явления, как чувства или желания субъекта, напр. его горе, находятся и в его сознании, как предмет наблюдения, и в составе его личной, индивидуальной жизни, как переживания. В виде краткой формулы это различение понятий можно выразить следующим образом: такой предмет, как наблюдаемое дерево, имманентен сознанию субъекта, но остается трансцендентным субъекту сознания; а такой предмет, как печаль субъекта, имманентен и сознанию субъекта и самому субъекту [1]).

Ту же самую мысль можно выразить еще и следующими словами: наблюдаемое дерево входит в состав транссубъективного мира (т. е. мира внешнего для субъекта), но это не мешает

[1]) Слово „immanens" означает „остающийся внутри чего-либо", а слово „transcendens" „переходящий куда-либо или через что-либо". Отсюда ясно, что термины имманентный и трансцендентный имеют относительное значение, и смысл их становится понятным лишь тогда, когда нам известно, в отношении к чему нечто трансцендентно или имманентно. Напр., можно говорить в метафизике об имманентности или трансцендентности Бога в отношении к миру; можно говорить в гносеологии об имманентности или трансцендентности какого-либо предмета в отношении к чувственному опыту. Здесь мы обсуждаем вопрос об имманентности или трансцендентности предметов в отношении к сознанию, а также в отношении к субъекту.

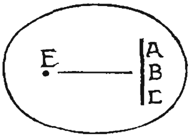
Библиотека "Руниверс"

ему входить *вместе с тем и в кругозор сознания субъекта*.

Итак в сознании есть две стороны: субъект и объект. Они вместе образуют единое целое сознания, следовательно, между ними есть связь, есть *отношение*. Что это за отношение? — Очевидно, это не есть пространственное отношение смежности, близости и т. п., это не есть временное отношение сосуществования или последовательности; это — некоторое специфическое, ни на что не сводимое, чисто *духовное* отношение «обладания в сознании», непосредственно усматриваемое нами тогда, когда мы говорим «я *имею* такой то предмет в кругозоре сознания». Благодаря этому отношению существует такой особый тип объединенности субъекта и предметов, в силу которого возможно, чтобы даже предмет *внешнего мира* мог предлежать в *подлиннике* для созерцания субъекта. Назовем поэтому такое отношение словом *координация* (сочетание) субъекта и объекта. Чтобы отметить, что этот вид координации обусловливает возможность истины, назовем его точнее словами *гносеологическая координация*. Возникающее благодаря этой *координации* непосредственное наблюдение предмета субъектом назовем словами *интуиция* (или по-русски *созерцание*).

Вырабатывая ряд изложенных выше понятий, мы собственно освобождаемся уже от наивного реализма и создаем новую гносеологическую теорию, которую можно назвать *интуитивизмом*[1]. Реализм присущ и этой теории так же, как наивному реализму, но сущность ее, конечно, не ограничивается приведенными выше положениями, которые отвечают только на вопрос об отношении между субъектом и объектом. Разъяснение недоразумений, вызываемых этою теориею, а также изложение других существенных сторон ее (особенно ее учения о строении предмета знания) будет выполнено ниже, а теперь необходимо вернуться к наивному реализму и отдать себе отчет в том, почему, как только философия начинает строить теорию истины, она отказывается от наивного реализма и переходит не к интуитивизму, а к другим типам гносеологических теорий, которые роковым образом ведут к *полной утрате реализма*.

§ 5. Учение интуитивизма об отношении между субъектом и объектом можно выразить схематически следующим образом:



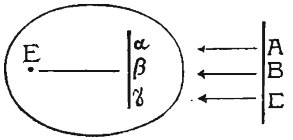
Кривою линиею обозначена сфера сознания; Е (ego)—субъект (я); АВС—объект; линия, соединяющая Е и АВС, *координация* субъекта с объектом.

[1]) Изложение ее в моих сочинениях „Обоснование интуитивизма“, „Введение в философию“, ч. I, „Введение в теорию знания“ и в статье

Библиотека "Руниверс"

Но как возможно, чтобы предмет внешнего мира дал о себе знать субъекту? Первые же попытки решения этого вопроса роковым образом направляются по такому пути, на котором приходится отказаться от наивного реализма и считать также интуитивизм неправильною теориею. В самом деле, прежде всего приходит в голову, что предмет внешнего мира должен, так сказать, задеть наше тело — причинно воздействовать на него, и тогда только может возникнуть знание о предмете. Так, световые лучи, отбрасываемые поверхностью дерева, попадают на сетчатую оболочку глаза, вызывают в ней химические изменения, которые в свою очередь служат причиною нервного тока, направляющегося к коре больших полушарий мозга, именно к зрительным центрам, и эти физиологические процессы, повидимому служат причиною (или частью причины) возникновения нашего душевного состояния — ощущения света и цветов. Точно так же, колебания частицъ воздуха, обусловленные движением ветвей дерева, потрясают нашу барабанную перепонку и вызывают нервный ток, который распространяется до слухового центра и служит причиною (или частью причины) ощущения звука (шума ветвей) и т. п. Таким образом мы познаем не самый предмет внешнего мира, а те состояния (ощущения), которые возникают в нашем теле и душевной жизни под влиянием предмета.

Схематически этот процесс можно выразить так:



Кривая линия — сфера сознания; E — субъект, ABC — объект; стрелки — причинные воздействия объекта на тело и душевную жизнь субъекта; α β γ — ощущения, сознаваемые субъектом; линия, соединяющая E и α β γ — координация субъекта и образа.

Согласно этому учению, как видно из схемы, знание не есть обладание подлинником в сознании: в сознании имеется лишь образ предмета, сложившийся из вызванных им ощущений, а сам предмет остался за пределами сознания. При таких условиях приходится мечтать самое большее лишь о том, чтобы в сознании была, по возможности, точная копия предмета.

Согласно этому учению образ предмета складывается из психических состояний субъекта, вызванных в нем предметом. Следовательно, сторонник этой теории думает, что в уме наблюдателя нахо-

„Восприятие чужой душевной жизни", журнал „Логос", 1914 г., а также в сборнике моих статей „Основные вопросы гносеологии". Метафизические основы возможности интуиции изложены в моем сочинении „Мир, как органическое целое", 1918 г.

Библиотека "Руниверс"

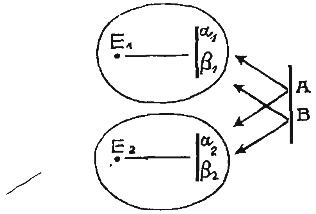
дится психическое дерево (мысленный образ дерева), которое должно быть, по возможности, копиею материального дерева.

На основе приведенных рассуждений очень быстро развивается то гносеологическое направление, которое принято называть в истории философии *эмпиризмом*. Эмпиризм существует в весьма разнообразных видоизменениях; какой вид эмпиризма развивается на основе приведенной схемы, будет сказано ниже [1]).

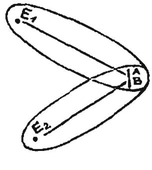
Характерная черта этого эмпиризма — склонность объяснять явления знания с помощью понятия причинного воздействия, понятия, заимствованного из области естествознания. Такой метод разработки гносеологии можно назвать натурализмом в гнесеологии. Он не усматривает своеобразия знания и особенно истины и не признает такого чисто духовного отношения, как гносеологическая координация субъекта и объекта внешнего мира; он полагает, что для возникновения истины достаточно таких отношений, какие существуют между двумя сталкивающимися в пространстве телами.

§ 6. Чтобы понять отчетливее сущность интуитивизма и намеченной выше разновидности эмпиризма, выразим некоторые особенности их путем противопоставления их друг другу.

Положим, несколько субъектов (два или даже двадцать) наблюдают один и тот-же предмет внешнего мира, напр., дерево. Этот случай может быть изображен с точки зрения эмпиризма следующею схемою:



С точки зрения интуитивизма этот случай изображается резко иною схемою:



Перечислим существенные различия между этими двумя теориями.

[1]) Словом эмпиризм (от греческого ἐμπειρία — опыт) должно называться всякое гносеологическое направленне, утверждающее, что основ-

Библиотека "Руниверс"

1. Состав сознания в изображении двух приведенных схем глубоко различен. Согласно эмпиризму, когда двадцать субъектов (двадцать различных я) наблюдают одно и то же дерево, то здесь имеется на лицо: двадцать я, одно материальное дерево и двадцать психических деревьев (двадцать образов—α_1 β_1, $\alpha_2 \cdot \beta_2$ и т. д.). Согласно же интуитивизму, здесь есть двадцать я и одно материальное дерево, созерцаемое в подлиннике (никаких психических деревьев нет). Таким образом, согласно интуитивизму, часть сферы сознания у нескольких субъектов оказывается общею, совпадающею[1]).

2. Согласно эмпиризму, отношение между предметом внешнего мира и субъектом есть причинное воздействие предмета, вызывающего в субъекте новые состояния, след., субординация субъекта предмету. Согласно же интуитивизму, между субъектом и объектом существует отношение координации: поскольку речь идет о знании, а не о каком-либо другом, предшествующем знанию или следующем за ним, процессе, здесь — не воздействие друг на друга, а сочетание, благодаря которому субъект есть созерцатель, а объект—созерцаемое. Это — чисто теоретическое отношение субъекта к предмету.

3. Но особенно важно следующее различие в учении о составе сознания. Согласно интуитивизму, сознаваемый предмет может быть частью транссубъективного мира, следовательно, не психическим, а материальным бытием; иными словами, сознаваемый предмет не обязан принадлежать к сфере индивидуальности субъекта, он может быть элементом чужой индивидуальности или может принадлежать к области надъиндивидуального. Наоборот, согласно эмпиризму, все сознание слагается только из индивидуально-психических переживаний субъекта: по этому учению, даже и внешний мир доступен наблюдению не в его собственном бытии, а посредством образов, слагающихся в нашем уме из ощущений, как наших индивидуально-психических состояний.

Если под словом эмпиризм разуметь всякое гносеологическое направление, утверждающее, что знание строится на основе наблю-

---

ной источник знания есть опыт. Очевидно, важнейщие различия между разными видами эмпиризма обусловлены тем, что разумеют под словом „опыт" (чувственный опыт, нечувственный опыт и. т. п.) различные представители этого направления. Здесь речь идет о таком эмпиризме, который полагает, что опытное знание внешнего мира создается причинными воздействиями внешних вещей на тело и душу познающего субъекта.

[1]) О совпадении части содержания нескольких индивидуальных сознаний и необходимотти этого совпадения для существования человечества см. Schuppe, Grundriss der Erkenntnisstheorie und Logik, 30 сс., см. также мое изложение гносеологии Шуппе в статье „Имманентная философия В. Шуппе (в моей книге „Основные вопросы гносеологии"); см. также Фихте, Tatsachen des Bewusstseins, 1813 г., Nachgelassene Werke, I т., стр., 517.

Библиотека "Руниверс"

дения, то обе рассмотренные теории можно назвать эмпиризмом. Но для обозначения различия между ними следует назвать только что рассмотренную теорию — индивидуалистическим эмпиризмом, а интуитивизм — универсалистическим эмпиризмом[1]).

4. Сводя весь состав сознания к психическим процессам, индивидуалистический эмпиризм принужден выводить свойства истины из законов психической жизни, устанавливаемых психологиею. Такой метод разработки гносеологии называется психологизмом. В современной гносеологии он считается ошибочным, так как многие очевидные свойства истины не могут быть выведены из законов психической жизни. Интуитивизм принадлежит к числу антипсихологистических направлений; он находит в сознании непсихологическую сторону и из нее именно выводит свойства истины.

5. Изложенное различие в учении о составе сознания можно выразить также следующим образом: согласно интуитивизму, содержание, имманентное сознанию, может оставаться трансцендентным субъекту сознания, между тем как индивидуалистический эмпиризм полагает, что все имманентное сознанию должно быть вместе с тем имманентным и субъекту сознания.

6. Истина, согласно интуитивизму, достигается путем обладания в сознании самим предметом в подлиннике. Согласно же индивидуалистическому эмпиризму, истина о предмете внешнего мира достигается путем обладания в сознании образом предмета, более или менее соответствующим предмету (теория истины, как отображения предмета). Наибольшее согласие между образом и предметом было бы достигнуто, если бы образ был точною копиею с предмета (теория истины, как копирования предмета). Посмотрим, возможно-ли это.

§ 7. Если образ предмета есть результат причинного воздействия предмета на тело и душевную жизнь субъекта, то не может быть и речи о получении точной копии. Уже то обстоятельство, что предмет внешнего мира в рассматриваемом примере материален (дерево), а образ его есть психическое явление, наводит на мысль, что здесь не может быть точного соответствия. Даже такой простой процесс, как давление печати на сургуч, не дает абсолютно точного отпечатка: свойства действия обусловлены даже и здесь свойствами обоих взаимодействующих факторов, т. е. не только печати, но и сургуча. Тем более, когда речь идет о сложном взаимодействии между внешним предметом и субъектом, приходится предполагать, что свойства образа предмета зависят не только от

[1]) От слова universum—вселенная.

Библиотека "Руниверс"

самого предмета, но и от строения тела субъекта и его душевной жизни. Мало того, можно привести ряд соображений в пользу того, что умственный образ предмета даже в большей степени зависит от строения органов чувств субъекта и его нервной системы, чем от свойств самого предмета.

1. В самом деле, раздражения, глубоко отличающиеся друг от друга, дают одинаковые ощущения, если действуют на один и тот же орган чувств. Так, световой луч, действуя на глаз, дает ощущение света, но и давление пальцем на глазное яблоко тоже дает ощущение светового кружка.

2. Наоборот, одно и то же раздражение, действуя на разные органы чувств, дает разные ощущения. Так, давление пальцем на глазное яблоко дает ощущение света, а на руку — только осязательное ощущение.

3. Два наблюдателя нередко воспринимают один тот-же предмет не одинаково. Так, лица с нормальным строением глаза воспринимают листья вишни и спелые плоды ее, как окрашенные в два различные цвета (зеленый и красный), тогда как лица, страдающие дальтонизмом, видят листья и плоды вишни окрашенными в один цвет.

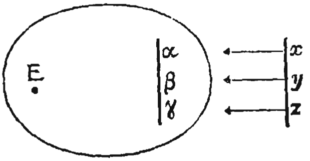
Перечисленные факты приводят к убеждению, что цвета, звуки, запахи и т. п. не составляют копии свойств подлинного транссубъективного мира и существуют только в уме субъекта. Однако, индивидуалистический эмпиризм, обыкновенно, не решается сразу признать все представления субъективными; он надеется еще на то, что, например, представление пространства и движения суть точные копии свойств внешнего мира (таково, напр., учение Локка). Согласно такому учению, утверждение физики, что 435 полным колебаниям камертона в секунду соответствует музыкальный тон la_3, нужно понимать следующим образом: вне ума субъекта происходит в секунду 435 пространственных колебательных перемещений ножек камертона, которые служат причиною (вернее, частью причины) возникновения в уме субъекта звука la_3.

Однако это половинчатое решение вопроса не может удержаться надолго. Доводы, приведенные в пользу субъективности цветов, звуков, запахов, могут быть повторены также и в отношении к образу пространства и движения. Поэтому всякий, кто счел их достаточными для субъектирования цветов, звуков и т. п., обязан пойти дальше и признать, что также и пространство и движение известны нам лишь, как образы, существующие в нашем уме (лишь как наши представления), а существует ли за пределами нашего ума что либо похожее на представляемое нами пространство и движение, мы не знаем.

Итак, индивидуалистический эмпиризм принужден придти к мысли, что ни одного свойства внешнего мира познать нельзя. На

Библиотека "Руниверс"

этой стадии своего развития он может быть выражен следующею схемою:



Свойства предмета внешнего мира — x y z остаются неизвестными; субъект познает только вызванные ими в нем ощущения $\alpha\ \beta\ \gamma$.

Теперь остается только надеяться на следующее минимальное соответствие между ощущениями субъекта и свойствами внешних предметов: быть может, каждому особому свойству предмета соответствует особое, всегда одно и то же ощущение каждого познающего субъекта; напр., свойству x соответствует ощущение α, свойству y — ощущение β и т. д. Тогда можно было бы сказать, что каждое свойство внешнего мира заменяется в уме субъектов одинаковым символом. Однако и на такое соответствие надеяться нельзя, если ощущения обусловлены не столько внешними раздражениями, сколько строением органов чувств субъекта. И в самом деле, дальтонист видит один цвет там, где человек с нормальным зрением видит два цвета.

Остается теперь только мечтать о том, чтобы у одного и того-же субъекта определенное ощущение соответствовало одному и тому же x. Однако и это минимальное требование, повидимому, невыполнимо: тело субъекта, его нервная система и органы чувств меняются, а, следовательно, возможно и то, что сейчас субъект реагирует на раздражение x ощущением α, а через минуту он будет реагировать на него ощущением β. И в самом деле, например, при отравлении сантонином, ярко освещенные предметы представляются окрашенными в желтый цвет.

Таким образом, исходя из своей схемы возникновения знания, индивидуалистический эмпиризм принужден притти к выводу, что субъект знает только свои впечатления и не может посредством них познать ни одного свойства внешнего мира.

Мало того, отсюда приходится сделать вывод, что даже самый факт существования внешнего мира не может быть доказан с достоверностью. Классическое выражение этого результата индивидуалистического эмпиризма дано философией Юма, который бестрепетно высказывается в пользу солипсизма [1]): «Что касается тех впечатлений, источником которых являются чувства» (глаз, ухо и т. п.), «то их последняя причина, по моему

[1]) Солипсизм (от латинского solus ipse—„один только я“) учение о том, что достоверно известный мир есть только мир моего я.

Библиотека "Руниверс"

мнению, совершенно необъяснима для человеческого разума, и мы никогда не будем в состоянии решить с достоверностью, происходят ли эти впечатления непосредственно от объекта, порождаются ли они творческой силой духа, или же обязаны своим происхождением Творцу нашего бытия» [1]).

В самом деле, согласно индивидуалистическому эмпиризму, мы не наблюдаем непосредственно самого внешнего мира; следовательно, доказать его существование можно было бы только путем умозаключения. Но, согласно теориям того же эмпиризма, сущность всякого умозаключения состоит не в открытии чего-либо принципиально нового, а только в мысленном перенесении данных прошлого опыта в новую обстановку (напр., прежде я наблюдал, что охлаждаемая вода замерзает; теперь, заметив охлаждение воды, я ожидаю опять замерзания ее). Но если непосредственные данные опыта суть всегда только мои психические состояния, то отсюда следует, что как бы я их ни комбинировал, какие бы умозаключения я ни строил, я никогда не получу из них знания о внешнем, о транссубъективном мире.

Иногда сторонники индивидуалистического эмпиризма ссылаются, во избежание юмовского скептицизма, на закон причинности. Они говорят, что у всякого явления должна быть причина, и так как для некоторых явлений, напр., для ощущений мы не можем найти причину в себе, то мы должны искать ее вне себя, т.-е. допускать существование внешнего мира. В ответ на это нужно заметить следующее. Закон причинности сводится лишь к уверенности в том, что ко всякому данному явлению можно подыскать совокупность других явлений, наличность которых необходимо сопутствуется данным явлением. Согласно этому закону, встречаясь с новым явлением, я уверен, что существует причина его, и я ищу этой причины, произвожу исследования с этой целью; но в законе причинности ничего не сказано о том, где я могу отыскать эту причину, не сказано также и того, что мои искания непременно должны увенчаться успехом; если материалы знания складываются только из моих состояний сознания, то я естественно принужден искать причину нового явления среди этих моих состояний сознания; это искание причины может оказаться безуспешным, тем более, что моя душевная жизнь очень сложна, и многие элементы в ней втечение продолжительного времени остаются незамеченными мною; отсюда следует, что я нередко принужден отложить свое исследование или при теперешнем состоянии моих знаний совсем отказаться от него, но притти к мысли, что искомая причина находится вне меня, если у меня нет никаких материалов для идеи «внешнего мира», я бы никоим образом не мог [2]).

[1]) Юм, Трактат о человеческой природе, перев. С. Церетели, стр. 82.
[2]) См. об этом Н. Лосский, Обоснование интуитивизма, 2 изд. стр. 31—35.

Библиотека "Руниверс"

Солипсизм есть логически неизбежный, но в то же время противоречивый результат индивидуалистического эмпиризма, обнаруживающий таким образом несостоятельность его основных предпосылок. В самом деле, если знание о внешнем мире есть продукт причинного воздействия извне на субъекта (см. схему на стр. 16), то субъект наблюдает только свои индивидуально-психические состояния; но если субъект наблюдает только свои индивидуально-психические состояния, то он не может знать и даже предполагать существования причинных воздействий извне.

Безвыходный тупик, к которому мы пришли, обусловлен натуралистическим характером индивидуалистического эмпиризма, именно предположением, будто знание о внешнем предмете создается причинным взаимодействием между предметом внешнего мира и телом субъекта. Наличность этого причинного взаимодействия так несомненна (действие лучей света на глаз, сотрясение барабанной перепонки звуковыми волнами и т. п.) и так существенно важна для возникновения знания, что кажется нельзя не согласиться с основными предположениями индивидуалистического эмпиризма. Но стоит только принять схему его и в результате придется дойти до солипсизма. Мысль человеческая более 2000 лет бьется в тисках этого гносеологического капкана и не может дать вполне удовлетворительного решения проблемы.

Сознание трагизма положения иногда вызывает у философов выражения отчаяния. Образцом могут служить заявления Р. Авенариуса, основателя эмпириокритицизма в «Предисловии» к его сочинению «Человеческое понятие о мире». «К обсуждению, действительно ли старый путь есть в то же время верный путь», говорит Авенариус, «меня привело неотвратимое убеждение в безплодности философского теоретического идеализма» [1]). Даже исследование психических явлений оказалось бы более плодотворным, говорит Авенариус, «если бы явилась возможность с полным — с точки зрения теории познания — основанием вступить в область отношений между окружающей средой и нервным центральным органом человека, чтобы «исходить» отсюда. Но путь к этой области преграждало идеалистическое открытие «непосредственной данности сознания» [2]).

«Правда, пока речь идет лишь о психологии, то даже философ-идеалист не бывает столь преувеличенно щепетильным, чтобы не привлекать иногда при случае состояния мозга для «объяснения» «явлений сознания»; но что, если зайдет речь о теории познания!» Но,

---

[1]) Под идеализмом Авенариус подразумевает здесь гносеологическое учение о том, что познаваемый внешний мир есть не более, как представление субъекта.

[2]) Под идеалистическим открытием „непосредственной данности сознания" Авенариус разумеет учение о том, что „данные сознания" суть внутренние психические состояния субъекта.

Библиотека "Руниверс"

по счастию, теория познания в школьном смысле этого слова давно перестала быть моей задачей; и я был настолько уже подготовлен, что обсуждение верного пути навело меня на мысль о естественном исходном пункте всякого научного исследования, и я мог возвратиться к нему и отказаться ради чистого опыта от школьной исходной точки мнимой «непосредственной данности сознания», как от менее всего «достоверного» результата теории, истинность которой еще следовало подвергнуть испытанию» [1]).

Далее Авенариус заявляет, что его «Критика чистого опыта» поставила будущей философской системе задачу определить, что именно можно принять за содержание чистого опыта, и с тревогою задает вопрос: «Что если при обсуждении этой главной задачи системы последовательное прохождение нового пути вновь приведет меня от естественного исходного пункта к тому месту, от которого я счастливо повернул назад ради Критики? Согласовалось же это с моим собственным воззрением, что и философский идеализм возник (хотя бы сам он и не сознавал более этого), исходя из естественного отправного пункта; знал же я очень хорошо, что идеализм является совершенно неизбежным следствием как раз физиологического рассмотрения отношения наших «ощущений» к раздражению и, следовательно, нашего сознания» к окружающей среде. И если я, последовательно рассуждая, вновь пришел к идеализму и к «сознанию», как «непосредственно данному», и, следовательно, к единственно допустимой исходной точке, то выходит, что я вращался в настоящем круге и, в конце концов, снова очутился на «скудном пастбище» философского идеализма, а вокруг меня расстилался опять-таки загражденный от меня «зеленый луг» так называемаго реализма, на котором так пышно расцветают естественные науки».

«Что же! Если такова судьба философии, то так и должно быть!»

«Но должно ли так быть? Действительно ли мир устроен так, что лишь поверхностному взгляду он кажется единым и свободным от противоречий, но всякого, кто хотел бы глубже постичь его в целом, вводит в заблуждение — и тем вернее, чем с большею строгостью в выводах подвигается вперед мыслитель? Или, быть может, мир в основе своей действительно един и свободен от противоречий и лишь какой-то «злой гений» «водит в круге» как раз того отважного мыслителя, который старается быть последовательным? В первом случае — на чем основывается неизбежность противоречия, к которому еще до сих пор приводит всякое действительно общее миропонимание? Во втором случае — кто же этот «злой гений», ко-

[1]) Под „естественным исходным пунктом всякого научного исследования" Авенариус разумеет реалистическое учение о том, что данные внешнего опыта суть сама внешняя среда, а не психические состояния субъекта.

Библиотека "Руниверс"

торый томит алчущих и жаждущих познания мира? Таковы были вопросы, которые я пытался выяснить себе в этом сочинении» [1]).

Эти заявления находятся в предисловии той самой книги Авенариуса, в которой он нашел выход из затруднений, чрезвычайно простой и освобождающий от всяких противоречий. Заключается он в учении Авенариуса «о принципиальной координации» между я и средою, т. е. в учении о лежащем в основе знания непричинном отношении между субъектом и объектом. Это то же самое понятие координации, которое изложено было выше с точки зрения интуитивизма. Повидимому, с Авенариусом случилось то, что встречается нередко в истории открытий: он нашел новый путь, но сделал это так безотчетно, что сам не мог определить точно его направления и проникнуть во все те области, куда он ведет.

И не удивительно: учение о координации между субъектом и предметами внешнего мира вызывает серьезные недоумения, между прочим, потому, что оно отодвигает в сторону причинное взаимодействие между внешним миром и телом субъекта, которое, однако, несомненно существует. Чтобы преодолеть это препятствие, нужно построить новую гипотезу относительно роли органов чувств и физиологических процессов для знания, гипотезу, которая сделала бы понятным, как возможно то, что хотя физиологические процессы и соучаствуют в возникновении знания, все же они не создают содержания знания, и потому роль их в знании с гнесеологической точки зрения второстепенна. Трудную задачу построения такой гипотезы выполнил французский философ Бергсон. Здесь будет вкратце намечен основной замысел этой гипотезы без старания придерживаться в деталях той именно формы, в какой она изложена у Бергсона [2]).

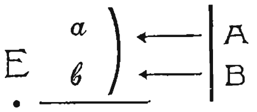
§ 8. Если в комнате горит лампа, то лучи от нее падают на сетчатую оболочку моего глаза, затем физиологический процесс распространяется по зрительному нерву вплоть до моей центральной нервной системы, наконец, после ряда изменений в центрах, физиологический процесс направится опять от центра к поверхности тела и выразится в каком-нибудь поступке, напр. в том, что я пойду к лампе и погашу ее. Исследуя этот ряд физических и физиологических причин и действий, в нем нельзя найти познавательных процессов восприятия лампы или суждения «вот там в двух саженях от меня горит лампа»: весь описанный ряд процессов состоит только из движений и не способен создать того, что интересно гносеологу, — истинных или ложных утверждений. Однако, перед совершением поступка в моем уме было восприятие или суждение о горящей лампе. Как же оно возникло? — Согласно новой гипотезе

[1]) Авенариус, Человеческое понятие о мире, стр. IX с., перев. Самсонова.

[2]) Популярное изложение философской системы Бергсона и особенно его учения о роли тела для жизни духа дано в моей брошюре „Интуитивная философия Бергсона“.

Библиотека "Руниверс"

это добавочное явление объясняется так: процесс движения, распространяющийся по зрительному нерву до нервных центров, есть *повод*, подстрекающий мое я, т. е. меня, *как духовное существо*, направить свое внимание *вне себя* на сам тот внешний предмет, который задел своим влиянием мое тело. В результате этого направления внимания, этого чисто духовного акта, получается знание, именно созерцание *самого подлинного предмета* внешнего мира, как это выражено на прилагаемой схеме.



Е—я; АВ—предмет внешнего мира; дуга—телесная сфера субъекта; стрелки—причинные влияния предмета на тело субъекта, вызывающие физиологические процессы *a* и *b*; черта от Е к предмету АВ—координация между субъектом и предметом, благодаря которой внимание субъекта может быть направлено не на свои субъективные процессы, а на сам предмет внешнего мира в подлиннике.

Остается теперь лишь устранить следующие недоразумения. Допуская начерченную схему, т. е. теорию интуитивизма, повидимому, приходится утверждать, что различные наблюдатели воспринимают один и тот же предмет во всех подробностях совершенно одинаковым образом; мало того, повидимому, каждый наблюдатель должен воспринимать внешнее раздражение совершенно одинаковым образом и тогда, когда оно подействует на его глаз, и тогда, когда оно подействует на кожу его руки и т. п. В действительности, это не так, и как раз факты этого рода[1]) особенно удачно объясняются сторонниками индивидуалистического эмпиризма и вообще теми философами, которые полагают, что содержание ощущений *причинно* обусловлено воздействиями извне на тело или душу субъекта. Спрашивается, как объясняет эти факты интуитивизм? — Сторонник интуитивизма укажет прежде всего на то, что всякое восприятие есть созерцание *не всего состава* предмета, а только незначительной части его, привлекшей к себе наше внимание сообразно нашим *интересам*. Мир содержит в себе всегда бесконечно больше, чем сколько мы воспринимаем. Восприятие есть только *выборка* из состава предмета некоторых сторон его. Отсюда нетрудно объяснить, напр., почему два *разные* раздражения при действии их на *один и тот же* орган чувств воспринимаются одинаково (напр., когда световой луч действует на глаз, получается ощущение света, но и простое давление пальцем на глазное яблоко

[1]) См. выше 15 стр.

Библиотека “Руниверс”

дает восприятие светового кружка). Световой луч, действующий на сетчатку, и давление на глаз — процессы сложные. В общем они отличны друг от друга, но возможно, что в их составе есть и однородная сторона. Напр., возможно, что световой процесс состоит из явлений a b c, а давление на глаз — из a m n. По поводу раздражения глаза мы воспринимаем и в первом, и во втором случае сторону a, т. е. свет. Допустить же, что явление света возникает при давлении на твердое тело не трудно, исходя как раз из современных учений физики: давление на твердое тело должно сопровождаться электро-магнитными возмущениями, а свет именно и есть явление, возникающее при электро-магнитных возмущениях. Итак, однородность восприятия в обоих приведенных случаях вовсе не служит доказательством субъективности света [1]).

Аналогичным способом объясняется и обратное явление: разнородность восприятий от одного и того же раздражения при действии его на различные органы чувств. В самом деле, если транссубъективный состав раздражения сложен, и всякое восприятие есть усмотрение только части этого сложного состава, то возможно, что по поводу действия его на сетчатую оболочку глаза мы воспринимаем одну сторону его, по поводу действия на кожу — другую сторону и т. д. Так, давление на глаз дает восприятие света, а на кожу руки — восприятие прикосновения. Точно так же объясняются и явления дальтонизма. Такие предметы, как листья или плоды растений, отбрасывают в большем или меньшем количестве все лучи света, и соответственно этому можно допустить, что они тренссубъективно окрашены во всевозможные цвета, так что красочное богатство и великолепие окружающего нас мира, бесконечно превосходит все известное нам из наших восприятий. Воспринимаем мы в каждом предмете лишь одну какую-либо краску, лишь настолько, чтобы удовлетворить своим практическим потребностям, именно отличить один предмет от другого; эта выборка воспринимаемого цвета делается различными лицами различно сообразно строению их глаза. Во всех рассмотренных выше случаях различия в восприятиях не дают права субъектировать содержание восприятия или же утверждать, что одно восприятие было правильным, а другое неправильным. Вопрос решается так же, как в анекдоте, рассказанном во «Введении в философию» Паульсена. — «Два рыцаря заспорили о цвете одного щита; один говорил, что он белый, другой — что он черный. После горячей перебранки дело дошло до кровавой схватки. Третий, проходивший мимо, узнав в чем дело, заметил: да разве вы не видите, что щит действительно на одной стороне бел, а на другой черен» [2]).

---

[1]) Аналог. соображения см. в кн. H. Schwarz, Das Wahrnehmungsproblem vom Standpunkte des Physikers, des Physiologen und des Philosophen, 337—380.

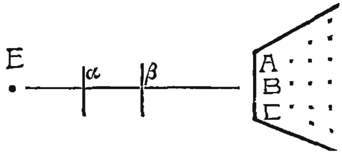
[2]) Паульсен, Введение в философию, Предисловие к III изд., стр. XIV.

Библиотека "Руниверс"

3. Строение объекта и знания о нем.

§ 9. Рассмотрев вопрос об отношении между субъектом и объектом (предметом), можно теперь перейти ко второй важной задаче гносеологии: к изучению строения предмета и знания о нем.

Перечисление указанных выше трех элементов сознания (субъект, объект и гносеологическая координация между ними) не исчерпывает еще всего состава знания. Любой конкретный пример познавания откроет ту сторону знания, которая до сих пор еще не была рассмотрена. Положим, гуляя в саду осенью, мы заметили что-то лежащее на дорожке. Что это? — Обратив внимание на предмет самым беглым образом, отдаем себе отчет в том, что это «лист», и проходим мимо. Если теперь явится вопрос «какой это лист?», придется опять вернуться к нему и, заметив, напр., пространственную форму его, мы узнаем, что это лист «кленовый». Возможно, что теперь возникнет вопрос «какой цвет этого листа, весь ли он однородного цвета?» и т. п. и для ответа придется совершить новый акт познавания, после котораго мы будем в состоянии сказать, что «этот кленовый лист — желтый, сохранивший зеленый цвет только у своего основания». — Из приведенного видно, что гносеологическая координация объекта с субъектом делает его доступным сознанию, но еще не создает познанности его. Для познания предмета субъект должен совершить ряд актов сосредоточения внимания, различения в различных направлениях и т. п.; благодаря этим актам предмет становится познанным, однако не сполна, а всякий раз лишь с какой-нибудь стороны (пространственной формы, цвета), так что актов познавания может быть совершено по поводу одного и того же предмета бесконечное множество: предмет есть отрезок мира, бесконечно содержательный и неисчерпаемый в человеческом знании. Различение есть анализ, выделяющий из сложного состава предмета лишь те стороны его, опознание которых дает ответ на вопросы, возникающие в уме субъекта по поводу предмета. Каждую отдельную сторону предмета, опознанную благодаря вниманию и различению, назовем содержанием знания и выразим теперь состав знания следующею схемою.



Ego — субъект; α β — деятельности субъекта, внимание, различение и т. п., направленные на предмет; предмет обозначен, как незамкнутый отрезок мира; ABC — опознанные содержания; пунктир — множество других, неопознанных содержаний.

Библиотека "Руниверс"

Внимание, различение и т. п. деятельности субъекта составляют субъективную сторону знания, а предмет и содержание знания образуют объективную сторону знания. Субъективная сторона знания состоит из деятельностей субъекта; поэтому ее можно назвать также актом знания.

Между субъективною и объективною стороною знания существует резкое различие. Субъективная сторона, акт знания, всегда есть нечто психическое, она всегда есть процесс (т. е. протекает во времени), и притом совершается в субъекте, как этом определенном индивидууме; коротко говоря, она есть индивидуально-психический процесс. Что-же касается объективной стороны знания (предмет и содержание его), она может быть не только психическим, но и материальным бытием, не только индивидуальностью субъекта, но и любою другою индивидуальностью или даже сверх-индивидуальным бытием, не только реальным (временным), но и идеальным (вневременным) бытием.

Различие субъективной и объективной стороны знания имеет первостепенное значение в гносеологии. Очень многие заблуждения в гносеологии возникают, главным образом, вследствие отожествления этих двух сторон знания и перенесения свойств субъективной (т. е. индивидуально-психической) стороны знания на объективную: так, отсюда возникает убеждение, что материя в опыте не дана, что идеального, вневременного бытия нет и т. п. [1]).

Субъективная и объективная сторона знания сливаются для многих умов в одно нераздельное, мнимо однородное целое, потому что они всегда находятся в сознании вместе: нельзя познавать предмет без помощи индивидуально-психического акта знания (внимания, различения, припоминания и т. п.). При этом одни умы преимущественно не замечают акта знания (эта тенденция нередко сопутствуется склонностью к материалистическому мировоззрению), а другие умы склонны, наоборот, выдвигать на первый план акт знания и потому приписывают всему составу знания свойства, присущие индивидуально-психическому акту знания. Этой последней склонности особенно содействует терминология психологии и даже словоупотребление обыденной речи. Все такие слова, как представление, восприятие, воспоминание, суждение, умозаключение, мышление и т. п., употребляются и для обозначения акта знания (субъективной стороны), и для обозначения предмета и содержания знания (объективной стороны). Как отглагольные существительные, они более пригодны для того, чтобы направить внимание на субъективную сторону. Между тем в гносеологии и логике, да и в самой психологии чаще приходится говорить о стороне объективной. В конце концов во избежание смешений приходится иногда совсем от-

[1]) См. об этих ошибках мое „Введение в философию“, ч. I. стр. 249—254.

Библиотека “Руниверс”

казаться от термина представление и говорить «представливание» (субъективная сторона, акт представления) и «представляемое» (объективная сторона), «акт воспоминания» и «вспоминаемое», «акт мышления» и «мыслимое» и т. п.

§ 10. Теперь остается обратиться к объективной стороне знания и познакомиться подробнее с ее строением. Она состоит из предмета знания, т. е. того, что удалось узнать о предмете путем различения, путем анализа предмета или окружающей его действительности.

Предмет (напр., «этот кленовый лист») и содержание знания (напр., «желт») связаны друг с другом некоторым определенным отношением, так что объективная сторона знания слагается из трех элементов: предмет, содержание и отношение между ними. Такая трехчленная система называется с у ж д е н и е м. Первая часть ее есть п р е д м е т; вторая часть, содержание, опознанное в данном суждении, называется п р е д и к а т о м. Отношение между предметом и предикатом состоит в том, что е с л и е с т ь п р е д м е т, т о н е о б х о д и м о е с т ь и п р е д и к а т. Всякий пример отстаиваемой нами истины содержит в себе такую н е о б х о д и м у ю связь сопринадлежности: в суждении «прямая линия есть кратчайшее расстояние между точками» необходимая связь существует между «прямотою линии» и «кратчайшим расстоянием», в суждении «тело, погруженное в воду, теряет в весе столько, сколько весит вытесненная им вода» необходимая связь существует между «погруженностью тела в воду» и «уменьшением его веса» и т. п.; даже суждения о единичном факте, основанные на чувственном восприятии, содержат в себе необходимую связь предмета с предикатом и лишь постольку, поскольку составляют необходимую трехчленную систему, имеют характер истины, отстаиваемой познающим существом; так, и в приведенном выше примере «этот кленовый лист желтый» речь идет об «этом листе», который при наличности такого-то физиологического состояния своих тканей и такой-то теперь существующей физической среды не может не быть желтым (теперь).

Связь, состоящую в том, что если есть один мыслимый элемент S, то необходимо есть и другой элемент P, будем называть связью о с н о в а н и я и с л е д с т в и я.

В суждении такая связь существует между предметом и предикатом суждения. Обыкновенно, однако, не весь состав предмета, а только какая-либо часть его служит в точном смысле слова основанием предиката. Это ядро предмета, играющее важнейшую роль в суждении, следует обозначить особым термином, назовем его с у б ъ е к т о м суждения [1]).

[1]) Итак, в дальнейшем, встречая слово субъект, нужно обращать внимание, идет ли речь о субъекте сознания (о познающем индивидууме) или о субъекте суждения.

Библиотека "Руниверс"

Итак, *субъект суждения есть основание предиката*; что-же касается предмета суждения, о нем, в виду его большей сложности, т. е. в виду того, что он содержит в себе также элементы, не участвующие в обосновании предиката, будем говорить, что он *содержит в себе основание* для предиката.

Предмет знания есть отрезок мира, безконечно богатый содержанием. Посредством первого акта знания, направленного на какой-либо новый для нас предмет, получается суждение, в котором предмет не может быть еще выражен никакими словами или может быть обозначен лишь указательными местоимениями «это» «то», и т. п. Таково в приведенном выше примере суждение «это — лист». Схематически его можно выразить так:

$$\underbrace{:\;:\;:\;:}-S$$

Неопределенный знак, служащий первою частью схемы — обозначает, что предмет суждения имеет сложное еще неопознанное содержание.

В дальнейших актах знания о том же предмете содержания, опознанные в *предыдущих* суждениях, могут быть использованы для *обозначения* предмета, напр. «этот лист — кленовый», «этот кленовый лист — желт» и т. п. Схематически этот ряд суждений можно выразить так:

$$\underbrace{\genfrac{}{}{0pt}{}{.\;.\;S\;.\;.}{.\;.\;.\;.\;.\;.}}-P;\quad \underbrace{\genfrac{}{}{0pt}{}{.\;.\;SP\;.\;.}{.\;.\;.\;.\;.\;.}}-M;\quad \underbrace{\genfrac{}{}{0pt}{}{.\;.\;SPM\;.\;.}{.\;.\;.\;.\;.\;.}}-R \text{ и т. д.}^{1})$$

Нередко содержания, опознанные в предыдущих актах знания, высказываются в суждении не только для отчетливого *обозначения предмета*, но и по гораздо более важному мотиву, именно как те части предмета, которые служат основанием предиката, т. е. как части *субъекта* суждения. Напр., «эта вода, нагретая до 100°C, закипела».

§ 11. Кроме *объективного* состава, суждение имеет индивидуально-психическую *субъективную* сторону. Она состоит в актах внимания, различения и т. п., направленных на предмет и содержание знания. В особенности характерен для индивидуально-психической (субъективной) стороны суждения *акт согласия* (утверждение): только при наличности его можно сказать, что познающий индивидуум (я) отстаивает нечто, как истину. Сама же эта истина находится в объективном составе суждения; она есть не что иное, как сам объективный состав суждения, на который направлен акт согласия и который придает акту согласия *осмысленность*.

¹) Вследствие громоздкого характера этой схемы будем прибегать к ней только изредка и чаще выражать состав суждения лишь буквами „S есть P“.

Библиотека "Руниверс"

В осуществлении знания участвуют не только индивидуально-психические, но и физические акты, напр. физиологический процесс высказывания слов, кивание головою в знак утверждения истины и т. п. Эти физиологические акты находятся в таком же отношении к объективному составу суждения, как и психические акты: они получают смысл, благодаря направленности своей на объективный состав суждения, на истину.

Согласно интуитивизму, объективный состав суждения есть, не что иное, как сам предмет в подлиннике и стороны мира, необходимо связанные с ним, как со своим основанием. Поэтому можно сказать, что истина достигается в знании, все содержание которого состоит из различных сторон самого предмета и вытекающих из него следствий. Наоборот, ложь получается, в том случае, когда в объективный состав суждения (в сферу смысла суждения) внесено какое-либо содержание, чуждое предмету и вытекающим из него следствиям. Внести в состав суждения элементы, посторонние предмету, не может сам предмет: он не может, так сказать, сам себя подделать. Следовательно, виновником заблуждения может быть только познающий индивидуум, высказывающий в суждении нечто такое, что им не найдено в предмете и не находится в связи с ним, что не добыто из познаваемой действительности путем анализа ее, а присоединено к ней путем синтеза. Так, положим, кто-либо, приехав из Москвы, станет уверять, что «на Воробьевых горах построен величественно возвышающийся над Москвою храм в память Отечественной войны 1812 г. по известному проекту Витберга». В уме такого лица Воробьевы горы, виденные им, и проект храма, составленный Витбергом, предстоят, как элементы действительности, но сочетание их есть субъективное построение его воображения.

Итак, познавание есть наименее активная деятельность; она сводится только к созерцанию и различению (анализу), а то, что̀ созерцается и различается, дано самим предметом. Поэтому важнейшим логическим критерием истины служит наличность познаваемого предмета, самосвидетельство его о себе. Существует также и психологический критерий истины: он состоит в том, что психические акты знания, внимание, различение, высказывание и т. п. совершаются с характером подчинения их «требованиям», «внушениям», исходящим от предмета и его связей; коротко говоря, правильный акт знания сопутствуется чувством объективной принудительности.

Конечно, психологический критерий не надежен: чувство связанности может возникнуть у познающего индивидуума не только под влиянием «внушений» со стороны предмета, но и от каких-либо других причин. Указать на этот критерий следует лишь для того, чтобы

Библиотека "Руниверс"

еще раз подчеркнуть различие между объективною и субъективною стороною знания.

§ 12. Разграничив в составе знания субъективную и объективную сторону, можно определить область ведения двух наук — *психологии знания и гносеологии.*

Психология знания изучает субъективную сторону знания, т. е. акты знания — деятельность внимания, различения, восприятия, припоминания и т. п., а также зависимость их от неинтеллектуальных процессов, именно от чувства и воли.

Гносеология или теория знания есть наука о свойствах истины. Но истина есть не что иное, как объективная сторона знания, поскольку она находится в кругозоре сознания, т. е. стоит в отношении к субъективной стороне сознания. Следовательно, теория знания изучает *объективную сторону* знания и *отношение* ее к *субъективной* стороне. Таким образом, гносеология не есть наука, основанная на психологии. Центр тяжести ее лежит в исследовании непсихологической стороны знания и даже тогда, когда она изучает отношение между объективною и субъективною (индивидуально-психическою) стороною знания, *она занимается анализом состава сознания*, т. е. изучением предмета гораздо более сложного, чем область психических переживаний, заключающего в себе индивидуально-психическое лишь как незначительную часть своего состава. Можно сказать, что гносеология, анализируя состав сознания, впервые обосновывает психологию, так как, выделив из сознания психическое, она указывает психологии предмет ее исследования. При этот она отграничивается от психологии тем, что устанавливает следующее важное отрицательное положение: психический акт знания не создает объективной стороны знания, он только «находит» ее, «имеет ее в виду», интенционально направлен на нее.

Из развитого выше учения о составе сознания ясно также, что гносеология не зависит и от физиологии. Гипотезы, вроде развитой Бергсоном, о роли нервной системы и органов чувств делают понятным, как возможно то, что физиологические процессы, хотя и сопутствуют всякому человеческому акту знания, все же *не создают объективной стороны знания* и потому не обусловливают свойств истины.

Само собою разумеется, разработка таких наук, как психология знания или физиология органов чувств и нервных центров, участвующих в познавательной деятельности, необходима и в высшей степени ценна. Только на основе этих наук можно, напр., объяснить происхождение *заблуждений*, понять *историю развития знания* и т. п. Отграничение гносеологии от этих наук имеет целью не дискредитировать их, а только показать, что как-бы много они ни сообщали ценных сведений о свойствах знания, одного они

Библиотека "Руниверс"

не могут доставить — основ для теории истины; эта задача решается гносеологиею без положительного содействия других наук.

К сожалению, название гносеология и особенно русский перевод его «теория знания» [1]) дает повод к недоразумениям. Без сомнения, всякая наука о знании, и психология знания, и история знания и т. п., есть теория знания, т. е. теория какой-либо стороны сложного состава знания. Правда, гносеология есть теория знания по преимуществу, потому что она изучает важнейшую сторону знания — истину, однако это не дает ей права узурпировать название «теория знания» целиком в свою пользу.

§ 13. В качестве примера, поясняющего своеобразный характер проблем гносеологии и возможность решения их, освобожденного от психологизма и физиологизма (вообще натурализма), можно привести вопрос о том, абсолютна или относительна истина, т. е. имеет-ли она значение лишь в отношении к данному познающему субъекту или-же она обязательна для любого субъекта.

Философы, отстаивающие релятивизм, т. е. учение об относительности истины, ссылаются на то, что, напр., для здорового человека суждение «мед сладок» истина, а для больного печенью онб ложно, и он утверждает, как истину, суждение «мед горек». Точно так же, дальтонист утверждает, что листья и плоды вишни окрашены в один и тот же цвет, между тем как человек с нормальным зрением находит, что они окрашены в два разные цвета. Одним словом, перед нами рассмотренный уже выше вопрос о мнимой субъективности содержаний восприятия. Возвращаясь к нему для ознакомления с учением об истине, можно сказать, что всякий представитель индивидуалистического эмпиризма, будучи последовательным, должен притти к релятивизму.

Иначе представляет себе свойства истины интуитивист. Если знание достигается путем созерцания предмета в подлиннике (см. схему состава сознания согласно интуитивизму, 12 стр.), то ясно, что как бы ни сменялись познающие субъекты и сколько бы их ни было, объект, имеемый ими в виду, остается все тот-же, буквально численно один и тот-же. Итак, истина общеобязательна, она имеет абсолютное значение. Мало того, из той-же схемы ясно, что всякая истина численно тожественна. Если десять человек высказывают осмысленно теорему «площадь прямоугольного треугольника равняется половине произведения катетов», то осуществляется десять различных психических актов внимания, припоминания и т. п., десять разных физиологических актов высказывания слов и т. п., но истина, имеемая в виду этими

[1]) По-русски еще чаще эту науку называют словом „теория познания“. Однако такой термин уже совсем неудачен: он дает повод думать, будто гносеология изучает акт знания, т. е. субъективную сторону знания.

Библиотека “Руниверс”

актами, существует не в десяти экземплярах: она — одна, буквально численно одна и та же в сознании всех усматривающих ее субъектов [1]).

Если существует разногласие между двумя субъектами, высказывающими истину, то оно указывает лишь на то, что они имеют в виду разные предметы или разные стороны одного и того-же предмета. Выше было разъяснено, как в этом смысле можно примирить, напр., утверждение человека с нормальным зрением и человека, страдающего дальтонизмом.

§ 14. Объективная сторона суждения есть, как установлено выше (§ 10), трехчленная система, складывающаяся из предмета, содержащего в себе субъект суждения, из предиката и отношения между ними, состоящего в том, что субъект суждения есть основание, а предикат есть вытекающее из него следствие. Благодаря этой связи всякое суждение имеет характер необходимый. Это в высшей степени ценное свойство суждения нужно объяснить путем рассмотрения природы следования предиката из субъекта. Наиболее распространенное (и до сих пор, а в особенности в докантовской философии) учение о связи основания и следствия утверждает, что это — связь, вытекающая из логического закона тожества или, выражая ту же мысль с отрицательной стороны, — из логического закона противоречия (и закона исключенного третьего). [2]) Так, в суждении «квадрат есть прямоугольник» существует частичное тожество между субъектом и предикатом, потому что понятие «прямоугольник» мыслится уже в содержании самого понятия «квадрат».

Схематически состав таких суждений можно выразить формулою: «*SP* есть P». В них предикат составляет часть понятия субъекта (следовательно, часть опознанной стороны субъекта), и называются они аналитическими суждениями. Предикат в аналитических суждениях вытекает с необходимостью из субъекта уже в силу закона тожества. С другой стороны, эта необходимость становится понятною, также исходя из закона противоречия. В самом деле тот, кто попробовал бы отрицать аналитическое суждение, напр., признать, что «квадрат не есть прямоугольник», нарушил бы закон противоречия, так как высказал бы суждение внутренно-противоречивое: «квадрат, т. е. равносторонний прямоугольник, не есть прямоугольник».

Такую необходимость следования, опирающуюся на закон тожества или, с другой стороны, на закон

---

[1]) См. о численном тожестве истины Гуссерль „Logische Untersuchungen" II. т., 1 изд., стр. 43 с.

[2]) Гносеологическое введение в логику предполагает знакомство читателя с элементарным курсом логики и, следовательно, с логическими законами мышления.

Библиотека "Руниверс"

противоречия (и исключенного третьего), условимся называть аналитическою.

Ясность этой необходимости и прозрачность ее для мысли столь велика, что если бы удалось свести к ней всякую необходимость перехода от одной мысли к другой, было бы достигнуто полное удовлетворение. Так, напр., некоторые философы в докантовский период развития новой философии полагали, что математика состоит вся из аналитических суждений (не употребляя, однако, этого кантовского термина), и таким образом объясняли строгую необходимость всех ее положений. Однако, Кант показал несостоятельность такого легкого объяснения необходимости научных суждений. Аналитические суждения повторяют в предикате часть того содержания, которое уже известно нам из понятия субъекта. Следовательно, они не расширяют знания и уже поэтому немыслимо, чтобы из них состояла целая наука. Расширение знания достигается лишь в том случае, если предикат суждения сообщает о предмете нечто новое, не содержащееся в опознанной части субъекта суждения. Такие суждения называются синтетическими и формула их следующая: «*S* есть *P*» или (для более отчетливого обозначения синтетической связи, субъекта с предикатом) «где есть *S*, там есть *P*».

Кант с очевидностью показал, что наука состоит преимущественно из синтетических суждений. Так напр., положение «прямая линия есть кратчайшее расстояние между точками» имеет синтетический характер. «В самом деле», говорит Кант, «мое понятие прямой содержит в себе только признак качества, но ничего не говорит о величине. Следовательно, понятие кратчайшего расстояния целиком присоединяется к понятию прямой линии извне и никаким анализом не может быть извлечено из него» [1]).

Всякая теорема математики, любой закон физики, химии и т. п. имеет явно синтетический характер. В суждениях «снег тает от теплоты», «чем струна короче, тем при прочих равных условиях тон, издаваемый ею, выше» и т. п. явным образом предикат не мыслится в содержании понятия субъекта. Отсюда следует, что они не могут быть оправданы ссылкою на закон тожества или на закон противоречия, и перед гносеологиею вытекает трудная задача — объяснить, как возможно, чтобы суждение, будучи синтетическим, обладало в то же время характером необходимости.

В самом деле, в чем может состоять необходимость, в силу которой, если существует S, должно существовать еще и *P*, резко отличное от *S*, вовсе не похожее на *S*? Стоит лишь формулировать этот вопрос, как приходит и ответ на него. Это — та необходимость,

[1]) Кант, „Критика чистого разума", перев. Н. Лосского, стр. 32. — В дальнейшем я буду защищать мысль, что наука сполна состоит из синтетических суждений, и что аналитических суждений совсем нет ни в науке, ни в житейском мышлении, см. об этом § 52 и § 59.

Библиотека "Руниверс"

в силу которой богатое, разнообразное содержание мира образует не хаос, а *космос*, т. е. упорядоченное систематическое целое. Причинная связь между различными сторонами мира есть один из наиболее важных видов этой необходимости, господствующий как раз среди процессов *изменения* вещей во времени, так что это особенно явственный пример того, что необходимая связь может иметь характер перехода от S к новому в сравнении с ним P (если бы действие P не было чем-то хотя бы отчасти новым, отличным от своей причины S, то причинный процесс не имел бы характера изменения). Такую необходимость, образцом которой служит причинная связь, условимся называть *синтетическою необходимостью следования*.

Всякий человеческий ум, в особенности культивированный, способен представлять себе космос, как систему, упорядоченную в духе синтетической необходимости следования. Но вот вопрос: если такая система бытия существует, доступна ли она знанию? возможно ли и при каких условиях возможно, чтобы уму исследователя, открывалась не только необходимость «А есть А», но и необходимость «где есть А, там неизбежно есть В»?

Посмотрим, какой ответ на этот вопрос дают интуитивизм, индивидуалистический эмпиризм и критицизм.

§ 15. Согласно интуитивизму предмет вступает в сознание наблюдателя в подлиннике во всей своей полноте, со всею своею системностью, со всеми отношениями, связывающими различные стороны его друг с другом и с остальным миром. В самом деле, даже в чувственном восприятии окружающая нас среда предстоит перед нами не как хаос, а как нечто упорядоченное. Никто не станет отрицать, что пространственный порядок, отношения направо, налево, вверх, вниз и т. п. составляет неотъемлемую часть наглядного представления моего письменного стола, комнаты, улицы и т. п. Мало того, также и гораздо более глубокие отношения входят в состав восприятия. Среда представляется нам состоящею из *вещей*, а вещь есть то, чему *принадлежат* многие свойства,—напр. цвет, твердость, холодность и т. п.; таким образом отношения принадлежности, единства, множества (единство многих свойств) и т. п. входят в состав представления вещи. Даже причинное отношение входит, как конститутивный элемент, напр., в восприятие порыва ветра и гонимых им по дороге сухих листьев; точно так-же отношение *взаимодействия* входит в состав восприятия полки книжного шкафа, прогибающейся под тяжестью книг, или группы детей, стоящих на длинной скамье, доска которой прогибается и качается под ними.

Все то, благодаря чему множество содержаний восприятия имеет характер системы, напр. идея *вещи*, как носителя свойств, близкая к ней идея *субстанции*, а также всевозможные *отношения*

Библиотека "Руниверс"

суть нечто резко отличное от конкретных событий, совершающихся в пространстве и времени, и от содержания событий. В самом деле, перечисленные элементы бытия непространственны и невременны: напр., единство свойств яблока, его желтизны, холодности, твердости, округлости и т. п. есть нечто такое, что стоит над пространственною внеположностью его частей и придает ему характер целого. Точно так же спор, длящийся во времени четверть часа, есть единство вопросов, ответов и возражений; каждое событие в составе спора есть временный процесс, состоящий из бесчисленного множества частей, находящихся вне друг друга во времени, но само единство спора есть в нем нечто надвременное, выражающее его характер целостности. Стоит только сосредоточить внимание на этой стороне конкретного процесса, отвлечь ее и поставить отчетливо в своем мышлении, чтобы тотчас же убедиться, что отношения суть нечто резко отличное от чувств, настроений, движения в пространстве и т. п.: в них нет никакого временного течения. Даже сами пространственные и временные отношения (направо-налево), (прежде-после и т. п.) надвременны и надпространственны, иначе они не сочетали бы воедино пространственно-временную множественность.

Условимся называть конкретные пространственно-временные процессы реальным бытием, а надвременную и надпространственную сторону их идеальным бытием.

Все, что относится к области идеального, напр. отношение единства, есть предмет нечувственного созерцания. В самом деле, видимое и осязаемое мною яблоко есть единство таких свойств, как желтизна, твердость, холодность и т. п.; о желтизне можно сказать, что ее я вижу, о твердости, что я ее осязаю, но осязать единство твердости и желтизны или видеть такое единство нельзя уже потому, что эти два качества воспринимаются при соучастии двух различных органов чувств. Тем не менее, единство составляет неотъемлемую сторону восприятия вещи. Следовательно, даже чувственное восприятие вещи не сполна чувственно: в нем есть идеальная сторона, познаваемая при соучастии умственного созерцания (интеллектуальной интуиции), при соучастии умозрения.

Реальное бытие имеет характер системы лишь постольку, поскольку в нем есть идеальная сторона. Благодаря этой системности бытия отрезок мира, вступивший в кругозор сознания и подвергнутый анализу, может быть разложен на две стороны, относящиеся друг к другу, как основание к следствию; таким образом, системность самого бытия образует систему объективной стороны синтетического суждения. Поскольку системность космоса слагается из необходимых синтетических связей между разными сторонами его, постольку и синтетические суждения имеют необходимый характер.

Библиотека "Руниверс"

До сих пор речь шла о единичных синтетических суждениях. Но некоторые синтетические суждения, напр., суждение «3+5=8» или суждение «две величины, равные порознь третьей, равны между собой» принадлежат к числу общих суждений. И это свойство их также объяснимо идеальною стороною бытия. В самом деле, идеальное бытие сверхвременно и сверхпространственно; поэтому и возможно, что одна и та же идеальная форма (напр., число три) имеет значение для всевозможных вещей и событий, находящихся в различных местах пространства и временах.

Идеальная сторона мира, будучи условием системности мира, есть вместе и условие познаваемости мира в суждениях, т. е. условие возможности истины о мире. В самом деле, системность самого бытия, вступив в кругозор сознания, образует систему объективной стороны суждений и умозаключений о мире. Онтологические идеальные основы мира, вступив в кругозор сознания, играют роль логических основ знания (точное определение понятия «логический» будет дано позже).

Системность мира есть также условие возможности добра и красоты в мире. Истина, добро и красота придают миру характер осмысленности и разумности. Поэтому идеальную основу мира можно назвать термином Мировой Логос, не придавая ему только интеллектуалистического значения, так как идеальные начала не образуют только область мышления и знания: они суть само бытие или, точнее, тот момент бытия, которым обусловлена не только истина, но и все другие возвышенные стороны мира.

§ 16. Посмотрим теперь, как отвечает на вопрос о необходимости и всеобщности суждений индивидуалистический эмпиризм. Это направление мы рассмотрим здесь приблизительно в том виде, как оно развито Юмом, и притом главным образом в отношении к вопросу о знании внешнего мира.

Индивидуалистический эмпиризм утверждает, что всё знание основывается на опыте, а под опытом он разумеет ощущения («впечатления», по терминологии Юма), возникающие у человека первично под влиянием воздействия на него каких-то неизвестных причин и затем [1]) воспроизводимые в памяти в виде более или менее бледных копий, которые Юм называет «идеями».

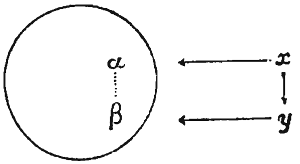
Итак, по учению Юма, человек познает не самый внешний мир в подлиннике, а только свои впечатления, именно — только ощущения — тепло, холод, свет, тьму [2]). Идеальная, систематическая сторона предметов согласно этой теории не может быть дана в опыте. Это можно пояснить на примере причинной связи.

Допустим, что в самом подлинном внешнем мире существует причинная связь между различными его сторонами и процес-

[1]) Юм, Тракт. о человеческой природе, I, перев. С. Церетели, стр. 12.
[2]) Там-же, стр. 67.

Библиотека "Руниверс"

сами. Напр., x есть причина y. Что я могу узнать об этих явлениях и о связи между ними? — По этой теории, я наблюдаю прежде всего не само *x*, а только свое ощущение α, которое возникает, если *x*, подействует на мою нервную систему; далее, когда *x* произведет *y*, я опять таки буду наблюдать не само *y*, а свое ощущение β, которое возникает, если в свою очередь *y* подействует на мою нервную систему. Конечно, мое ощущение α не есть причина следующего за ним ощущения β; они связаны друг с другом только отношением временной последовательности, и лишь это отношение находится в кругозоре моего сознания, тогда как более глубокие связи, именно причинное отношение между *x* и *y*, а также причинное воздействие *x* и *y* на мою нервную систему остались вне пределов моего сознания, вне наблюдаемого мною. Схематически эти отношения можно выразить так:



Круг—сфера сознаваемого мною; x и y—предметы внешнего мира; α и β—ощущения, вызванные ими во мне; стрелками обозначены причинные отношения, пунктиром—простая временная последовательность.

Из схемы ясно, что причинная связь, в высшей степени ценная для знания о системе мира, замещается в сознании, согласно индивидуалистическому эмпиризму, весьма малоценною связью временной последовательности или временного сосуществования ощущений.

Насколько эта связь малоценна, видно из того, что она может быть случайною, напр. когда вслед за впечатлением белизны (крыла пролетевшей мимо окна птицы) я имею впечатление треска от разгорающихся в печи дров, вслед за скрипом своего пера вижу лицо вошедшего в комнату приятеля и т. п. Временное сосуществование и последовательность объединяют ощущения столь поверхностным образом, что, принимая теорию Юма, приходится считать состав сознания при внешнем восприятии крайне бессвязным, бессистемным. Юм так и говорит: «все явления совершенно отделены и изолированы друг от друга, одно явление следует за другим, но мы никогда не замечаем между ними связи; они соединены, но не связаны друг с другом. А так как у нас не может быть идеи о чем-либо, чего мы не воспринимаем нашими внешними или внутренними чувствами, то необходимо, повидимому, притти к тому заключению, что у нас совсем нет идеи связи или силы, что эти слова совершенно лишены

Библиотека "Руниверс"

значения, всё равно, употребляются ли они в философских расуждениях или в обыденной жизни» [1]).

В таком случае возникает вопрос, каким же образом всетаки у человека возникает идея причинной связи, почему по крайней мере взрослый человек воспринимает природу не как хаос ощущений, а как строго упорядоченное целое. Почему такая пара явлений, как падение камня на стекло и появление трещины на стекле, сразу выделяются мною из хаоса окружающих событий и рассматриваются мною, как удар камня о стекло, т. е. не как простая последовательность во времени (напр., стрекотание кузнечика и усиление журчания соседнего ручья), а как воздействие падающего камня на стекло, т. е. как пара событий, соединенных гораздо более тесною, более интимною связью, чем простое примыкание друг к другу во времени?

Юм,конечно, замечает эти различия между парами явлений, существующие для сознания взрослого человека, и задается целью объяснить их, не отказываясь от мысли, что в самом содержании восприятия даны только отношения во времени. Эту трудную задачу он решает чрезвычайно остроумно ссылкою на те психические процессы, которые происходят в душе познающего субъекта, когда какая-нибудь пара явлений часто встречается в опыте. Падение камня на стекло и вслед за этим появление темных лучеобразно расходящихся полосок на стекле есть пара явлений, очень часто встречающихся вместе в нашем опыте, и потому последовательность их сделалась для нас привычною. Иными словами, под влиянием прошлого опыта, согласно законам памяти, именно согласно ассоциации смежности, в нашем уме вступает в связь представление падающего камня и представление трещин на стекле, и теперь, видя камень, приближающийся к стеклу, я вспоминаю о трещинах на стекле из прошлого опыта и ожидаю появления их, а когда они в самом деле появляются, то это следование их за падением камня чувствуется мною, как нечто знакомое. Такой ассоциации и таких эмоций не могут создать пары явлений, редко встречающихся в опыте вслед друг за другом, напр., стрекотание кузнечика и усиление журчания ручья; их мы считаем не причинно связанными друг с другом, а соединенными простою последовательностью во времени.

Итак, различие между причинною связью и простою временною последовательностью объяснено чисто психологически, не различием в самой природе фактов, а только присоединением к восприятию субъективных психических процессов, именно воспоминаний и чувствований ожидания и знакомости. Таким образом, согласно теории Юма, причинная связь есть не более, как привычная последовательность событий во времени [2])

[1]) Юм, Исследование человеческого разумения, стр. 82 с.

[2]) Из моего „Введения в филос., ч. I. Введение в теорию знания", стр. 74 с.

Библиотека "Руниверс"

Итак, идея причинности, по Юму, не есть космическая идеальная форма, она есть только субъективное представление, возникающее в уме человека по законам психологии, именно по законам такой субъективной психической деятельности, как память; и все его направление в гносеологии есть типичный психологизм[1]).

Точно таким же образом идею субстанции он сводит на привычное сосуществование группы явлений во времени. Само я человека (душа), по мнению Юма, не дано в опыте, как тожественная и единая субстанция, отличная от отдельных переживаний и служащая носительницею их; он полагает, что я есть не более, как связка сосуществующих и последовательных переживаний.

Итак, весь сознаваемый нами мир сводится, по этому учению, только к множеству ощущений и совпадению или чередованию их во времени. Это — minimum системности, почти полная бессвязность данных опыта, во всяком случае — отсутствие внутренней связи и необходимого сцепления их друг с другом. В таком опыте не дано никакой разумности мира, никакого Логоса. Отсюда неизбежен скептицизм в гносеологии Юма. Подлинный внешний мир, по его учению, непознаваем; не только свойства его неизвестны нам, но даже и факт существования его не может быть доказан: то, что мы принимаем за внешний мир и его законы, есть на самом деле только совокупность наших субъективных впечатлений и порядок их. Но и это знание о впечатлениях, когда оно пытается установить закон и, следовательно, выражается в общих суждениях, никогда не может быть достоверным. В самом деле, высказывать общее суждение о фактах, напр. «снег от нагревания тает», можно лишь в том случае, говорит Юм, если между фактами существует отношение причинной связи (нагревание — таяние). Но причинная связь не дана в восприятии, источником этой идеи служит субъективная привычка, создавшаяся в личном опыте моем и моих современников переживать вслед за впечатлением нагревания впечатления таяния. Такая привычка не заключает в себе никакой гарантии объективной связи этих двух явлений, не оправдывает убеждения в том, что нами открыт незыблемый закон природы. Всякое общее суждение о фактах, устанавливаемое физикою, химиею и т. п., есть, по Юму, не более, как верование, основанное на привычке. Итак, полная достоверность присуща только единичным суждениям о фактах, напр. суждению «этот нагревающийся ком снега тает».

Таково, по Юму, знание, основанное на опыте. Но кроме восприятия, у человека есть еще разум, деятельность мышления. Может

[1]) Психологизм в какой-либо науке (напр. в теории права, в социологии и т. п.) есть направление, утверждающие, что все явления, изучамые данною наукой , суть только психические процессы, и соответственно этому стремящееся свести все законы их к психологическим законам, следовательно, в гносеологии психологизм есть направление, пытающееся вывести все свойства истины из законов психического процесса.

Библиотека "Руниверс"

быть, она способна обосновать знание более высокаго типа? На этот вопрос сторонник индивидуалистического эмпиризма ответит, что чистого мышления не бывает, мышление есть деятельность субъекта, направленная на данные опыта и подвергающая их лишь анализу, руководясь законом тожества и противоречия. Итак, никакого нового содержания и никаких новых форм, кроме закона тожества и противоречия, разум не содержит в себе. Все логическое, все рациональное сводится, согласно индивидуалистическому эмпиризму, только к тожеству и противоречию; следовательно, он может допускать только аналитическую необходимость следования.

Роль мышления, даже и сведенного к этому минимуму, все же остается чрезвычайно полезною. В самом деле, всякое суждение, даже и единичное синтетическое утверждение о факте, напр., «этот снег тает», требует таких логических форм, как тожество и непротиворечивость, поскольку, напр., снег должен быть мыслим именно, как снег, и поскольку нельзя утверждать и вместе с тем отрицать его таяние. Однако очевидно, что от такого мышления наука о фактах не может получить никакого расширения. Остается только подумать, нет ли какой-нибудь науки, хотя бы не о фактах, а о какомлибо другом предмете, которая могла бы быть создана таким мышлением. Юм полагал, что такая особенная наука существует, именно — математика. Математика, по его мнению, изучает не факты (не впечатления), а отношения между «идеями» (под «идеею» он разумеет представление, а не сверхвременное бытие), именно количественные отношения равенства или неравенства. Эти отношения (напр., равенство между квадратом гипотенузы и суммою квадратов катетов или между «трижды пять» и «половина тридцати») сполна обусловлены сравниваемыми идеями и существуют независимо от того, есть ли в мире вне моего ума предметы, соответствующие моим идеям. «Такого рода суждения», говорит Юм, «могут быть открыты путем одной только деятельности мышления без отношения к тому, что существует где бы то ни было во вселенной. Хотя бы в природе не было ни одного круга или треугольника, истины, доказанные Евклидом, навсегда сохранили бы свою достоверность и очевидность»[1]).

Очевидно, Юм полагает, что математика вся состоит из аналитических суждений о наших представлениях, и потому он считает возможным построить математику посредством мышления и признать ее суждения действительно общими и необходимыми.

Со времени Канта такое оправдание математики стало невозможным; Кант показал, что не только все теоремы, но и многие аксиомы математики имеют явно синтетический характер;

---

[1]) Юм, Исследование человеческого разумения, перев. Церетели, стр. 25.

Библиотека "Руниверс"

следовательно, с помощью одного лишь анализа идей (понятий) и ссылки на аналитические законы мышления (на закон тожества и противоречия) обосновать суждения математики нельзя. Представитель индивидуалистического эмпиризма, усматривающий это обстоятельство, принужден таким образом признать, что даже и суждения математики суть не более, как верования, основанные на привычке. Таков Джон Стюарт Милль. По его учению, суждение «два и один равны трем» есть не более, как усмотрение того факта, что, напр., «три камешка в двух отдельных группах и три камешка в одной группе производят не одно и тоже впечатление на наши чувства», но можно так переменить положение камешков, что впечатление в обоих случаях будет одинаковое. «Эта истина» говорит Милль, «известна нам по нашему раннему и постоянному опыту и имеет индуктивное происхождение». Она есть «обобщение» из опыта [1]).

Итак, даже в суждении «три есть два и один» Милль не усматривает между субъектом и предикатом его никакой более глубокой связи, чем последовательность во времени впечатления сначала от 000, а после раздвигания их от 00 и 0 [2]).

Кто не усматривает в этом суждении никакой более основной идеальной формы, тот может сказать, что сегодня на земле присоединение одного предмета к двум дает группу из трех предметов, а в другой солнечной системе или через биллионы лет, быть может, присоединение одного предмета к двум будет давать четыре предмета и там должно считаться истиною суждение «два и один есть четыре».

Итак, последовательный представитель индивидуалистического эмпиризма принужден признать строгую достоверность только единичных суждений. Однако, и в понимании свойств этих суждений существует глубокое различие между интуитивистом и индивидуалистическим эмпиристом. Интуитивист, признавая данными в созерцании разнообразные идеальные формы системности, полагает, что они находятся в составе единичного суждения и придают ему характер системы. Между субъектом и предикатом единичного суждения существует, кроме временного сосуществования или последовательности, отношение основания и следствия, отношение необходимой связи того или другого типа; так, в суждении «солнце нагревает этот камень», под словом нагревает мыслится отношение причинения, в суждении «нижние листья пальмы пожелтели» желтизна рассматривается, как свойство нижних листьев, неотъемлемо присущее здесь и теперь этим листьям.

Иначе представляют себе состав этих суждений эмпиристы. Суждение «солнце нагревает этот камень» содержит в себе, согласно их

---

[1]) Милль, Система логики, перев. под ред. В. Н. Ивановского, 2 изд., стр. 229 с. (кн. II, гл. VI, § 3).

[2]) Там-же, стр. 230.

Библиотека "Руниверс"

учению, только констатирование того, что я ощущаю свет и затем ощущаю теплоту (дотронувшись рукою до камня); бессвязность здесь столь же велика, как и в констатировании, что я ощущаю свет (солнца) и затем лай (собаки).

Учение, утверждающее такую бессвязность данных сознания, имеет явно сомнительный характер. Также и низведение всех общих синтетических суждений, даже суждений математики, на степень лишь упроченной привычкою ассоциации представлений, производит впечатление натяжки. В составе сознания, кроме тожества и противоречия, явным образом существуют еще другие системные нечувственные элементы. Наличность их дает надежду на то, что и синтетические суждения математики и естествознания могут содержать в себе глубокие связи, а потому могут иметь подлинно общее и необходимое значение. Заслуга изучения этих системных форм сознания и построения новой теории, объясняющей, как возможны общие и необходимые синтетические суждения, принадлежит Канту и созданному им в гносеологии направлению, называемому критицизмом.

§ 17. Критицизм Канта есть направление, наиболее влиятельное и наиболее распространенное в современной гносеологии. Но именно поэтому он подвергается самым разнообразным истолкованиям и преобразованиям, причем всякий комментатор и реформатор полагает, что именно им и его теориею уловлен истинный смысл гносеологии Канта. Классифицируя эти толкования, можно установить два главные типа их: психологистически-феноменалистическое и трансцендентально-логическое.

Оба толкования «Критики чистого разума» Канта признают, что Кант искал и открыл логические условия возможности науки, именно возможности общих и необходимых синтетических суждений; он нашел их, установив, что в сфере сознания есть идеальные системные формы, незамеченные Юмом. Но далее эти толкования отличаются друг от друга главным образом в следующем: сторонники психологистически-феноменалистического толкования признают, что Кант субъективировал и психологизировал идеальные формы (принял их за субъективные формы мышления и восприимчивости человека); наоборот, сторонники трансцендентально-логического истолкования стремятся устранить из «Критики чистого разума» Канта черты психологизма и субъективизма. Далее, первые находят у Канта учение о двух мирах: о мире явлений (феноменов), доступных знанию человека, и мире вещей в себе (ноуменов), непознаваемых человеком; наоборот, вторые стремятся так истолковать кантовское учение о вещах в себе, чтобы они утратили значение особого запредельного сознанию мира.

Психологистически-феноменалистическое истолкование гносеологии Канта, по моему мнению, точно соответствует тексту «Кри-

Библиотека "Руниверс"

тики чистого разума» и историческому моменту появления его философии вслед за монадологиею Лейбница и психологизмом Юма; наоборот, трансцендентально-логическое истолкование есть современная нам р е ф о р м а кантианства. Здесь я изложу критицизм в духе психологистически-феноменалистического толкования, как теорию, сравнение которой с интуитивизмом и индивидуалистическим эмпиризмом весьма наглядно разъясняет особенности этих направлений.

Трансцендентально-логическое истолкование критицизма более ценно для дальнейшего развития логики; оно стремится возродить платоновский идеализм для обоснования теорий логики, и в этом отношении изложенный выше интуитивизм родствен ему. Однако трансцендентально-логический идеализм не отличается четкостью очертаний, так как находится в состоянии развития, повидимому, в направлении к органическому мировоззрению в духе метафизики Фихте или Гегеля [1]; наоборот, интуитивизм уже стоит вполне определенно на почве такого органического мировоззрения [2].

В виду переходного состояния трансцендентально-логического идеализма я не буду здесь излагать его и прямо приступлю к изложению критицизма Канта в психологистически-феноменалистическом толковании [3].

§ 18. Согласно теории Канта, необходимым условием знания служит ч у в с т в е н н а я в о с п р и и м ч и в о с т ь (Sinnlichkeit как Receptivität [4]) субъекта; благодаря раздражению ее в сознании возникают о щ у щ е н и я (Empfindungen), составляющие м н о г о о б р а з и е (Mannigfaltigkeit), которое не остается в сознании хаотическим, так как упорядочивается формами, присущими самому сознанию, именно отливается в форму временного и пространственного порядка [5].

Это учение Канта о составе сознания еще мало отличается от учения Юма, по крайней мере в том смысле, что еще не дает средств обосновать общие синтетические суждения е с т е с т в о з н а н и я.

Однако Кант идет дальше и находит, что ощущения упорядочиваются в сознании не только посредством форм ч у в с т в е н н о й

---

[1]) См. о переходном состоянии трансцендентально-логического идеализма статью С. А. Алексеева „Внутренний кризис трансцендентального идеализма" (Вопр. фил., 1915 г., кн. 125) и статью С. Л. Франка „Кризис современной философии" (Русская мысль, Сентябрь, 1916 г.).

[2]) См. Н. Лосский, Мир как органическое целое.

[3]) Вследствие разногласий в вопросе о понимании гносеологии Канта критицизм изложен мною в моем „Введении в философию" (ч. I, Введение в теорию знания) дважды: сначала в психологистически-феноменалистическом толковании, затем в трансцендентально логическом (стр. 128—231).

[4]) См. Кант, Критика чистого разума, Трансц. эстетика, § 1, перев. Н. Лосского, стр. 41.

[5]) Правильность такого изложения основных понятий „Критики чистого разума" подтверждается обстоятельнейшими исследованиями Vaihinger'a в его „Commentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft", т. II, стр. 6—26.

Библиотека "Руниверс"

восприимчивости (т. е. форм пространства и времени), но еще и посредством объединяющих (синтезирующих) деятельностей рассудка познающего субъекта.

Так, благодаря синтезирующей деятельности рассудка ощущения объединяются в группы, имеющие характер вещей, которым принадлежат свойства; далее, эти вещи благодаря опять-таки законам синтезирующей деятельности рассудка соотнесены в сознании субъекта друг с другом в порядке правильной последовательности, называемой причинною связью, связью взаимодействия и т. п.

Таким образом из сырого материала ощущений сама познавательная способность субъекта строит систему вещей, систему природы. Правда, все эти вещи существуют только в восприятии человека, в опыте, т. е. только в уме человека: это — вещи, как явления (феномены). Само-же подлинное бытие, как оно существует вне человеческого ума (вне человеческого опыта), остается, по Канту, непознаваемым; это царство вещей в себе (ноуменов).

В составе сознания Кант, как мы видели, находит две стороны: данные опыта (ощущения), полученные a posteriori, и порядок их, не данный опытом, но привнесенный самим сознанием a priori. Апостериорные элементы сознания образуют материал знания; априорные элементы сознания придают этому материалу форму. Если бы сознание не привносило априорных форм, ощущения образовали бы бессмысленный хаос и, следовательно, не составляли бы опыта, как основы научного знания о природе (естествознания). Именно поэтому можно утверждать, что априорные формы суть элементы сознания, не созданные опытом a posteriori (как думал Юм об идее причинности), а, наоборот, служащие условием возможности опыта. Эти формы суть пространство, время и синтезы рассудка. Пространство и время имеют характер наглядных представлений (Anschauung); они суть формы чувственности. Наоборот, синтезы рассудка выражаются в виде нечувственных понятий (причинная связь, связь субстанции и принадлежащего ей свойства и т. п.); они суть формы мышления. Кант называет их категориями рассудка и насчитывает их двенадцать соответственно двенадцати формам суждений, устанавливаемым логикою. В самом деле, логика классифицирует суждения по различиям их в количестве, качестве, относительности и модальности. По количеству суждения бывают единичные, частные и общие; по качеству — утвердительные, отрицательные, бесконечные; по относительности — категорические, условные, разделительные: по модальности — проблематические, ассерторические, аподиктические [1]. Каждая из этих форм суждения возможна не иначе, как

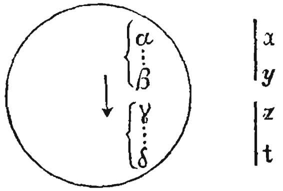
[1] См. Кант, Критика чистого разума, перевод Н. Лосского, стр. 70.

Библиотека "Руниверс"

благодаря соответствующей категории рассудка; следовательно, категорий двенадцать. Категории количества суть единство, множество, всеобщность; категории качества—реальность, отрицание, ограничение; категории относительности—принадлежность, причинность, взаимодействие; категории модальности—возможность (невозможность, существование (несуществование), необходимость (случайность)[1].

Каждое суждение имеет форму качества, количества, относительности и модальности; следовательно, в составе каждого суждения осуществлены четыре категории. Так, в строении суждения «снег бел» принимают участие следующие четыре категории — всеобщность, реальность, принадлежность (белизна принадлежит снегу), существование. Категории, согласно принятой нами выше терминологии, принадлежат к области идеального бытия. Так как они необходимы для строения суждения и, далее, для системы научного знания, то Кант считает их логическими элементами суждения. Предшественники Канта и вообще формальная логика относили к числу логических идеальных форм только аналитические формы, именно тожество и непротиворечивость, тогда как категории суть формы синтетические. Поэтому Кант может считаться основателем нового отдела логики, который он назвал трансцендентальною логикою. Это — наука о синтетических логических формах знания[2].

Познакомившись в общих чертах с учением Канта, прибегнем к наглядной схеме для изображения состава его. Положим, что предмет нашего наблюдения (опыта) может быть описан следующим образом: синее яркое пламя свечи сожгло и обуглило белый лист бумаги. Схематически состав и условия этого опыта, по учению Канта, можно выразить так:



Площадь круга — сознание; вне круга — трансцендентные сознанию непознаваемые вещи в себе ху и zt; α, β, γ, δ, — апостериорные элементы сознания (ощущения), составляющие материал опыта; пунктир, скобки и стрелка априорные элементы сознания, образующие форму опыта (благодаря ним ощущения упорядочены в сознании); целое, заключенное в верхнюю скобку, есть одна вещь, как явление

[1]) Там же, стр. 75.

[2]) Словом трансцендентальный Кант обозначает „всякое знание, занимающееся не столько предметами, сколько нашею способностью познания предметов, поскольку оно должно быть возможным а priori“. Критика чистого разума, Введение VI, стр. 36, перевод Н. Лосского.

Библиотека "Руниверс"

(синее яркое пламя свечи); целое, заключенное в нижнюю скобку, есть другая вещь, как явление (белый лист бумаги); стрелка—причинное отношение между вещами; совокупность вещей, как явлений в сознании человека, есть природа, как явление; совокупность вещей в себе вне сознания человека (xyzt) есть мир подлинного бытия, недоступный человеческому знанию [1]).

Из схемы видно, что система природы, изучаемая естествознанием, существует, по Канту, лишь в уме человека, в человеческом опыте. Она построена познавательною способностью человека, в особенности его рассудком, упорядочивающим чувственные данные (ощущения). Но именно поэтому она доступна научному знанию: в самом деле, познающий субъект может не только констатировать единичные события этой природы, как думал Юм, но и установить законы ее, потому что наиболее основные законы природы, наиболее основные формы ее суть формы самой познавательной способности субъекта (категорические синтезы). Поэтому-то, в какую бы невиданную страну человек ни попал, он может a priori сказать, что в опыте природа этой страны представится ему состоящею из вещей, обладающих свойствами (категория принадлежности), что изменения этих вещей будут связаны друг с другом причинными отношениями (категория причинности) и т. п. Каждый из этих законов есть одновременно и закон нашей познавательной деятельности и закон самой природы; логические (идеальные) формы мышления суть вместе с тем формы вещей. Это возможно, потому что вещи, познаваемые в опыте, суть не вещи в себе, а явления, построенные умом наблюдателя из ощущений. Логические формы суть условия возможности системы знания; они же суть и условия возможности самой природы, как систематического целого. «Условия возможности опыта вообще», говорит Кант, «суть вместе с тем условия возможности предметов опыта»[2]). Так, наприм., суждение «всякое изменение имеет причину» служит выражением и условия систематического строения природы (всеобщность закона причинности), и логического условия возможности естественных наук (закон причинности, как условие возможности, напр., индуктивных умозаключений). Такое суждение имеет синтетический характер и тем не менее высказывается с характером всеобщности и необходимости: все без исключения предметы нашего опыта и данной в опыте природы неизбежно должны подчиняться этому закону, потому что он есть условие, создающее самую возможность опыта и вместе с тем возможность природы. Такие суждения принадлежат, по Канту, к числу априорных суждений. Вся

[1]) Что в моей схеме правильно выражен смысл кантовского учения об ощущении, это видно из исследования Vaihinger'a „Commentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft, II, стр. 28—29, 35—55.

[2]) Кант, Критика чистого разума, перевод Н. Лосского, стр. 128.

Библиотека "Руниверс"

задача «Критики чистого разума» сводится к тому, чтобы выяснить, как возможна всеобщность и необходимость синтетических суждений, и ответ на этот вопрос Кант хотел дать своим учением об априорных суждениях, как формах нашего сознания и вместе с тем самой природы, строющейся в нашем уме в виде явления.

Эта теория знания есть теория опыта, утверждающая, что опыт возможен только, как продукт сочетания иррациональных апостериорных элементов (ощущений) с рациональными (логическими) априорными формами (категориями). Иными словами, опыт, по Канту, никогда не может быть чистым опытом, не может быть только совокупностью апостериорных данных: он всегда содержит в себе также элементы мышления.

Как уже сказано, по Канту, человеческий ум способен познавать природу потому, что он сам строит ее: солнце луна, земля, океаны, горы и т. п., вообще вся природа, наблюдаемая нами, есть построение нашего ума. Из этого однако, не следует, будто Кант возводит человека на степень Бога. Бог создает природу, как вещь в себе, сполна, т. е. и со стороны ее формы, и со стороны ее содержания; Он — Творец мира. Гораздо более скромна созидающая сила человека: ум человека получает из опыта ощущения и своею деятельностью только упорядочивает их, придает им форму (пространственно-временную и категориальную); следовательно, по теории Канта, ум человека есть не творец природы, а лишь зодчий (архитектор). Конечно, природа, построенная умом человека, есть не вещь в себе, а только явление, не подлинное бытие, а только представление. Подлинный мир, как совокупность вещей в себе, сотворенных Богом, совершенно не познаваем человеческим умом; существование его и его свойства могут быть только предметом веры, а не науки.

§ 19. В сравнении с индивидуалистическим эмпиризмом Юма, учение Канта о строении предмета знания есть крупный шаг вперед: по Юму, данные сознания почти совершенно бессвязны, тогда как Кант усмотрел упорядоченность их идеальными формами причинности, субстанциальности и т. п.

Однако, с другой стороны, остается еще глубокое сродство кантовского критицизма с индивидуалистическим эмпиризмом. В самом деле, Кант, подобно индивидуалистическому эмпиризму, полагает, будто все имманентное сознанию имманентно также и субъекту сознания: все сознаваемое для него есть только «внутреннее состояние» познающего субъекта, струя в потоке душевной жизни субъекта [1]).

---

[1]) „Все представления, все равно, имеют ли они своим предметом внешние вещи или нет, принадлежат сами по себе, как определения души, к числу внутренних состояний", Кр. чист. раз., перев. Н. Лосского, стр. 50.

Библиотека "Руниверс"

Содержание представлений он считает ощущениями, а идеальную форму представлений (категориальный порядок) он рассматривает, как продукт актов рассудка, как проявление «самодеятельности» («спонтанности») человеческого мышления [1]). Таким образом, Кант субъективирует даже и идеальную (трансцендентально-логическую) сторону знания; мало того, он психологизирует ее (считает идеальные формы психическими состояниями субъекта); хуже того, он даже антропологизирует априорные формы чувственности, пространство и время. Так напр., он утверждает, что «только с точки зрения человека можем мы говорить о пространстве, о протяженных сущностях и т. п.» [2]); «те-же самые предметы, которые нам людям, представляются, как изменяющиеся, могут представляться без характера изменения другим существам, если чувственная восприимчивость этих существ не содержит в себе формы временности» [3]).

Таким образом, пространственно-временной мир есть, по Канту, субъективный, психический продукт, существующий только в уме человека. Поэтому с полным правом можно говорить об антропологизме теории знания Канта.

§ 20. Сравним теперь критицизм Канта (в психологистически-феноменалистическом истолковании), интуитивизм и индивидуалистический эмпиризм (напр., Локка).

1. Истина, согласно индивидуалистическому эмпиризму (Локка), достигается тогда, когда в сознании возникает образ предмета, соответствующий предмету. Согласно интуитивизму, истинное знание есть обладание самим подлинным предметом в сознании. Наконец, согласно критицизму Канта, истинное знание есть созидание предмета, как явления, в сознании. Логическим критерием истины, согласно интуитивизму, служит наличность бытия в сознании, а согласно критицизму, закономерность мышления, созидающего бытие в сознании.

И критицизм, и интуитивизм отвергают раздвоение предмета и знания о нем: обе эти теории утверждают, что познаваемый предмет самолично присутствует в сознании, однако это утверждение имеет в них глубоко различный смысл: согласно критицизму, субъект строит в своем сознании предметы, как явления, а, согласно интуитивизму, субъект созерцает саму независимую от него действительность, само подлинное бытие. Интуитивизм резко разграничивает субъективную и объективную сторону знания, а критицизм Канта не может этого сделать, так как считает все содержание и всю форму знания состоянием души субъекта.

---

[1]) См., напр., там-же стр. 88.
[2]) Там-же стр. 46.
[3]) Там-же стр. 52.

Библиотека "Руниверс"

2. Отношение между субъектом сознания и предметом (объектом) эти три теории представляют глубоко различно: интуитивизм изображает его, как *координацию* (сочетанность) между субъектом и предметом; индивидуалистический эмпиризм предполагает *субординацию* (подчинение) *субъекта* предмету; наоборот, критицизм утверждает *субординацию предмета* (как явления) субъекту.

Точнее говоря, так как, по Канту, апостериорные элементы знания зависят от предмета, как вещи в себе, а априорные элементы привносятся субъектом, можно сказать, что Кант утверждает, с одной стороны, субординацию субъекта *предмету, как вещи в себе*, и с другой стороны, субординацию *предмета*, как явления, субъекту.

Иными словами, интуитивизм, рассматривая связь между субъектом и предметом (объектом) в знании, находит, что она имеет *не причинный* характер. Следовательно, теория знания интуитивизма свободна от *натурализма*. Наоборот, индивидуалистический эмпиризм насквозь пропитан натурализмом: все свойства истины он выводит из предположения причинного воздействия предмета на тело или на душевную жизнь субъекта.

Даже теория Канта не освободилась от натурализма. Досказывая то, чего она открыто не говорит, приходится признать, что она для объяснения истины, даже не один раз, а дважды пользуется понятием причинности: во-первых, поскольку она объясняет ощущения «аффицированием» чувственности субъекта вещами в себе и, во-вторых, поскольку она объясняет априорные формы самодеятельностью субъекта.

Натурализм в гносеологии эмпиризма и Канта обусловливает отличие этих теорий знания от интуитивизма в следующем (третьем) важнейшем для логики пункте:

3. Индивидуалистический эмпиризм не нашел идеальных синтетических основ мира и потому не мог обосновать необходимости и всеобщности синтетических суждений; всю синтетическую сторону суждения он считает *иррациональною*. Заслуга Канта состоит в том, что он открыл *синтетическую рациональную* (т. е. идеальную) сторону суждения, обосновал новый отдел логики, именно трансцендентальную логику и показал, как возможны всеобщие и необходимые синтетические суждения.

Однако вследствие своего гносеологического натурализма, Кант *ослабил* значение открытых им *идеальных* основ знания: он низвел априорные элементы знания на степень лишь субъективных, психических, даже антропологических форм знания. Поэтому Кант *понижает ценность* знания: познаваемые предметы, по его учению, суть только явления, а не вещи в себе. Сущность его теории выражается в формуле: *условия возможности*

Библиотека "Руниверс"

знания суть условия возможности вещей (как явлений).

Интуитивизм свободен от гносеологического натурализма; опираясь на свое учение о чисто созерцательном отношении субъекта к предмету, он защищает положения, прямо противоположные кантианским: 1. Идеальные формы суть не субъективные, не психические, тем более не антропологические, а космические, сверхвременные основы природы (Мировой Логос)[1]; 2. Познаваемые предметы, подчиненные этим формам, суть не явления, а подлинное бытие (кантовские вещи в себе); 3. Условия возможности вещей (подлинного бытия), т. е. системы мира, суть вместе с тем и условия знания.

§ 21. Чтобы дать хоть некоторое представление о трансцендентально-логическом истолковании критицизма Канта, посвятим ему несколько строк. Это толкование стремится освободить «Критику чистого разума» от психологизма и натурализма. Примером того, как оно это делает, может служить объяснение понятия «вещи в себе», данное Когеном в его книге «Kant's Theorie der Erfahrung».

По толкованию Когена, кантовская «вещь в себе» означает идею, основою которой служит то обстоятельство, что наш ум мыслит не только отдельные предметы опыта, т. е. отдельные вещи, но и сам опыт, как целое, причем опыт становится предметом нашего мышления. Но существует громадное различие между отдельными предметами опыта и самим опытом, как предметом. «Для отдельного предмета категория должна сочетаться с формами чистого наглядного представления, которые однако в конце концов суть и остаются математическими. Поэтому сам опыт или природа, правда, мыслим, как предмет, но не познаваем, так как он не может и не должен стать явлением, стать проблемою математического наглядного представления, в противном случае он сделался бы предметом опыта вместо того, чтобы представлять собою сам опыт, как предмет». «Поэтому вещь в себе нельзя мыслить, как предмет, на подобие тех предметов, которые формируются категориею в наглядном представлении; в самом деле, хотя категории во всей их совокупности стоят к услугам этого своеобразного предмета, но наглядно он не представим, и потому вещь в себе никогда не может стать предметом. Тем не менее вещь в себе есть своего рода вещь, следовательно, повидимому, также предмет. Таким образом, можно сказать, что существует вещь, которая не представима наглядно, а только мыслима, которая осуществляет свое значение своими услугами, как понятие. Таково значение вещи в себе, как идеи»[2]).

---

[1]) См. Н. Лосский, Мир как органическое целое, — учение об отвлеченном Логосе.

[2]) Cohen, Kant's Theorie der Erfahrung, 2 изд., стр. 504 с.

Библиотека "Руниверс"

Проще можно выразить эти мысли так. «Когда мы мыслим весь объем и всю связь наших возможных восприятий, что не может быть представлено наглядно, то для нас возникает вещь в себе, как содержащая и обозначающая этот объем и эту связь». «Таким образом, вещь в себе есть совокупность научных знаний». Но эта совокупность никогда не осуществлена, она всегда есть бесконечная цель, к которой мы стремимся. Поэтому вещь в себе есть «задача»[1]).

Но даже и каждый отдельный предмет исследования неисчерпаем. Поэтому, «также и для каждого отдельного вопроса можно рассматривать вещь в себе, как задачу, можно рассматривать задачу, как неизвестную вещь в себе, как знак вопроса». «Все наше знание отрывочно; лишь вещь в себе есть целое, так как задача исследования бесконечна»[2]).

Нельзя сказать, чтобы это толкование понятия вещи в себе было вполне ясным и недвусмысленным. К тому же, текстом «Критики чистого разума» оно вовсе не подтверждается.

Но хуже всего то, что оно не дает ответа на характерные учения Канта об «аффицировании» чувственности, о «данности» апостериорных элементов знания и т. п. Все эти понятия Канта Коген пытается истолковать крайне искусственным способом [3]). Неудивительно, что сам Коген не долго оставался сторонником кантианства и перешел к созданию собственной гносеологической теории, именно к обоснованию одного из видов трансцендентально-логического идеализма[4]). Процесс развития этого направления в обоих его главных видоизменениях, и в марбургской школе Когена, и в фрейбургской школе Рикерта [5]) идет с каждым шагом все отчетливее по пути возрождения платоновского идеализма и склоняется к новому учению о сознании, подобному тому, какое с самого начала решительно и недвусмысленно высказано интуитивизмом.

Как уже заявлено выше, различные виды трансцендентально-логического идеализма и возможные для него пути развития логики здесь не будут изложены. Эти вопросы относятся к области самой живой современности и потому вступить в них это значило бы загромоздить систему логики полемикою и затемнить содержание ее рассмотрением утонченных, не достаточно дифференцированных проблем.

---

[1]) Там-же стр. 518, 519.

[2]) Там-же стр. 520. — См. об этом подробнее в моем „Введении в философию" стр. 223—226.

[3]) Подробнее см. в моем „Введении в философию", ч. I. „Введение в теорию знания", стр. 214—231.

[4]) Cohen, Logik der reinen Erkenntniss.

[5]) Rickert, Gegenstand der Erkenntniss.

Библиотека "Руниверс"

4. Определение психологии знания, гносеологии и логики.

§ 22. Гносеологические вопросы, необходимые для определения понятия логики, рассмотрены, именно установлено отношение между познающим субъектом и объектом, разграничены субъективная и объективная сторона знания и, наконец, рассмотрено строение объективной стороны суждения, основанное на идеальных формах Мирового Логоса. Установлен также критерий истины — логический и психологический. Логическим критерием истины служит наличность самого познаваемого предмета в объективной стороне знания, а психологическим критерием служит чувство принуждения, обязывающее субъекта следовать за «требованиями» объекта.

Теперь остается перейти к вопросам, прямо приводящим в область логики и прежде всего к вопросу о том, что такое доказательство.

Очень часто высказанная мысль принимается сознанием одного лица, как достоверная истина, а другое лицо, хотя и понимает смысл ее, не усматривает того, имеет ли она характер истины или нет. Такому лицу нужно доказать истинность мысли. Доказать какому-либо лицу мысль это значит поставить это лицо в такие условия, при которых оно усмотрит наличность предмета высказывания, так что высказанная мысль приобретает для него характер объективной принудительности.

Чтобы выяснить, как производится доказательство, рассмотрим несколько примеров. Положим, кто-либо из моих знакомых, давно не бывший в Петрограде, усомнится в том, что «на Петроградской стороне у Троицкаго моста построена мечеть». Чтобы убедить его в истинности этой мысли, достаточно прогуляться с ним на Петроградскую сторону; там на основе зрительного чувственного восприятия он согласится с нею. Итак, непосредственное восприятие может служить доказательством суждения. Не всегда однако путь доказательства так прост. Нередко те или другие стороны предмета или связи между ними не могут быть непосредственно усмотрены; тогда для доказательства суждения приходится прибегнуть к более сложному способу, чем непосредственное восприятие. Положим, войдя в класс, наполненный учениками, мы задаем вопрос: «сколько кубических метров воздуха приходится теперь в этом классе на каждое лицо, находящееся в нем»? Учитель сообщает нам, что «в этом классе на каждое лицо приходится десять кубических метров воздуха». Как доказать это суждение, как сделать его объективно принудительным для мыслящего субъекта?

Библиотека "Руниверс"

Для этого нужно сначала установить ряд других суждений, именно сосчитать число лиц в классе (положим, их окажется 32), затем измерить длину, ширину и высоту класса (положим, 10, 8 и 4 метра) и, зная доказанную в геометрии истину, что объем прямоугольного параллелепипеда равняется произведению трех его измерений, установить, что объем класса равен 320 куб. метрам; наконец, путем деления 320 на 32, мы узнаем, как доказанную истину, что «в этом классе приходится теперь на каждое лицо по 10 куб. метров воздуха».

Этот способ доказательства, очевидно, основывается на следующем замечательном явлении: имея в своем уме несколько суждений, можно сопоставить их так, что окажется очевидною необходимость принять за истину еще одно новое суждение. Обладание знаниями есть почва, на которой рождаются новые знания. Такой способ доказательства называется умозаключением.

Те суждения, на основании которых доказывается новое суждение, называются посылками умозаключения; суждение, вытекающее из посылок, т. е. доказываемое ими, называется выводным суждением или выводом. В целом умозаключение есть усмотрение истинности какого-либо суждения на основании одного или нескольких суждений, уже признанных истинными.

В умозаключении, как и в суждении, следует различать субъективную сторону, т. е. индивидуально-психическую сторону и объективную сторону. Так, в умозаключении «алмаз — углерод, а углерод горюч, следовательно, алмаз горюч» (схематически его можно выразить буквами «*S* есть *М*, а *М* есть *Р*, следовательно, *S* есть *Р*») мое внимание при высказывании его, чувство обязательности согласия с выводом и т. п. входит в состав субъективной стороны умозаключения, а предмет *S* (алмаз), также *М* и *Р*, и связь *S* и *Р* с *М*, в силу которой *S* и *Р* связаны друг с другом, как основание и следствие, составляют объективную сторону умозаключения.

Изучая объективную сторону умозаключений самых разнообразных наук, математики, астрономии, физики, физиологии, истории и т. п., именно исследуя характер связи посылок друг с другом и с выводом, нетрудно усмотреть, что, несмотря на разнообразие предметов различных наук по содержанию, форма умозаключений, т. е. строение их (соотношение частей) может быть сведена к небольшому числу типов и выражена в простых схемах, вроде приведенной выше формулы «*S* есть *М*, а *М* есть *Р*, следовательно, *S* есть *Р*». Наука, изучающая формы доказательств, есть логика.

Теперь можно точно отграничить друг от друга и определить сферу психологии знания, гносеологии (теории знания) и логики.

Психология знания изучает субъективную (индивидуально-психическую) сторону знания. Она исследует, во-первых,

Библиотека "Руниверс"

акты знания (внимание, различение, припоминание и т. п.) и, во-вторых, зависимость их от других, не познавательных психических процессов — от воли и чувства.

Гносеология (теория знания) есть теория истины; она исследует объективную сторону знания и отношение ее к субъекту, с целью познать свойства истины (напр., отношение между истинным знанием и предметом, общеобязательность истины, вечность ее и т. п.) и условия возможности их.

Наконец, логика есть теория строения объективной стороны доказательств.

Выше было показано, что гносеология не основывается на психологии. Точно также и логика не есть наука, основанная на психологии, как это явствует из определения ее, подчеркивающего, что она изучает объективную сторону доказательств.

Из определения понятия логики вытекает также смысл термина «логический»: к области логического можно относить лишь то, что принадлежит к составу и свойствам строения объективной стороны доказательств. Отсюда следует, что логическое всегда относится к области идеального, так как строение всякого предмета есть идеальное бытие. Конечно, это положение следует тотчас-же ограничить путем указания на то, что не все царство идеального бытия есть логическое, а только те элементы его, которые служат условием возможности доказательства вообще.

Термину логика и логический иногда придают гораздо более широкое значение. Так поступают нередко мыслители, отождествляющие всякое идеальное бытие с мышлением. Они вносят в состав логики всю совокупность проблем метафизики. Примером может служить «Логика» Гегеля, также «Logik der reinen Erkenntniss» Когена.

Как видно из высказанных выше соображений, мы будем следовать традиционному значению слова логика и, согласно данному определению, считаем логику наукою, задающеюся весьма скромною и сравнительно узкою целью изучать только общие методы обоснования истины.

5. Логика, как теоретическая наука.

§ 23. Зигварт считает логику технологиею мышления[1]). Точно так же, имея в виду практическое значение логики, многие мыслители утверждают, что логика есть наука не теоретическая, а нормативная. Иными словами, по их мнению, логика есть наука не о бытии и его непреложных законах, а о долженствовании: она изучает не то, что есть, а то, что должно быть (правильное мышление), хотя нередко и не выпол-

[1]) Sigwart, § 1.

Библиотека "Руниверс"

няется в действительности; она устанавливает нормы мышления, дает ответы и предписания и содержит в себе оценки мышления с точки зрения той цели, которая должна быть достигнута им. Этим учениям о логике Липпс противопоставил следующее краткое и ясное замечание: «вопрос, что мы обязаны делать, всегда сводится к вопросу, что нужно сделать, чтобы достигнуть какой-либо определенной цели, а этот вопрос в свою очередь равносилен вопросу, как цель фактически достигается»[1]).

Обстоятельно этот вопрос рассмотрел Гуссерль, устанавливающий, что всякая практическая и всякая нормативная наука основывается на одной или нескольких теоретических науках, «поскольку норма должна обладать теоретическим содержанием, отделимым от идеи нормирования (долженствования), и научное исследование этого содержания является задачей соответствующих теоретических дисциплин»[2]).

Что касается практических наук, советов и предписаний, правильность приведенного утверждения Гуссерля абсолютно бесспорна. Совет химика «если хочешь получить углекислоту, возьми на одну частицу соды две частицы соляной кислоты», без сомнения, основывается на законе бытия, выраженном формулою следующей химической реакции: $Na_2\ CO_3+2\ H\ Cl=2Na\ Cl+H_2O+CO_2$ и открытом теоретическою наукою, химиею.

По мнению Гуссерля, такой же характер имеют и нормативные науки, напр., этика. Суждение «воин должен быть храбрым», говорит Гуссерль, означает, что храбрый воин есть «хороший» воин[3]). В свою очередь слово «хороший» скрывает в себе определение такого порядка бытия или такого состояния, которое вызывает положительную оценку (напр., защищающий отечество и т. п.). Таким образом, «каждое нормативное суждение формы «*A* должно быть *B*» включает в себя теоретическое суждение «только *A*, которое есть *B*, имеет свойства *C*», причем *C* обозначает конститутивное содержание предиката «хороший»[4]).

В применении к логике мысль Гуссерля можно пояснить следующим примером. Предписание «не следует соглашаться с высказыванием, содержащим в себе противоречие», основывается на оценочном положении, имеющем характер незыблемого закона и гласящем, что «противоречивое высказывание о предмете не может быть истинным», а это положение в свою очередь основывается на теоретическом законе «никакой предмет не содержит в себе противоречия». Имея в виду такие теоретические законы, составляющие основное

---

[1]) Липпс, „Основы логики", перев. Н. Лосского, стр. 1.

[2]) Гуссерль, „Логические исследования", I т., перев. под ред. С. Франка, стр. 32. См. вообще по этому вопросу гл. I и II, стр. 6—41.

[3]) См. Гуссерль, там-же стр. 33.

[4]) Там-же стр. 39.

Библиотека "Руниверс"

содержание логики, нельзя не признать, что логика есть прежде всего наука теоретическая, но что теории логики используются вслед затем для установки норм правильного мышления.

Насколько норма (или совет, предписание и т. п.) и закон, лежащий в ее основе, четко разграничиваются, видно из того, что норма может быть нарушена, а закон, обосновывающий ее, остается не нарушенным. Так, если я соглашусь с высказыванием «прямоугольник не содержит в себе прямых углов», то это значит лишь, что я приму за истину субъективную неосуществимую попытку синтеза противоречивых определений, но в действительности от этого ни один прямоугольник не станет прямоугольно-непрямоугольным.

Последователь Рикерта Кронер, соглашаясь с Гуссерлем, что практические предписания основываются на теоретических законах, тем не менее не согласен признать, что логика есть наука теоретическая: он отличает условные предписания от безусловных норм и утверждает, что логика принадлежит именно к числу наук, выставляющих безусловные нормы. Высшие теоретические истины, лежащие в основе логики, по словам Кронера, суть только выражение того, что должно быть мыслимо. Истинное, говорит Кронер, «не может быть иначе определено, как то, что должно быть мыслимо только потому, что оно должно быть мыслимо» [1]).

Вопрос о том, правильны ли соображения Кронера в применении к этике и эстетике, я оставлю в стороне.

Что же касается логики, отмечу лишь, что соображения Кронера убедительны только для того, кто принимает теорию Рикерта о предмете знания. По Рикерту, предмет знания есть не бытие, не действительность и т. п., а безусловное долженствование, под руководством которого слагаются суждения, имеющие объективное значение. Возражения против этого учения Рикерта приведены в моей книге «Обоснование интуитивизма» (стр. 212—216), где развито учение об истине, как о наличности самого познаваемого предмета в подлиннике в сознании. С точки зрения этого учения закон противоречия и другие основные положения логики признаются за истину потому, что так есть, а не потому, что так должно мыслить; иными словами, не долженствованием мышления создается бытие, а, наоборот, наличностью бытия создается долженствование мышления.

Правда, основные принципы бытия, те, без которых мир не мог бы вовсе существовать, имеют не только теоретическое, но и практическое значение: они неустранимо должны быть и потому они суть [2]). Однако, это совсем не та связь долженствования и бытия, которую отстаивает школа Рикерта: это — обоснование бытия должествованием быть, а не долженствованием мыслить.

[1]) Kroner, Ueber logische und ästhetische Allgemeingültigkeit, стр. 7 с.
[2]) См. об этом подробнее мою кн. „Мир как органическое целое“, гл. IX.

Библиотека "Руниверс"

6. Логика, как наука об открытии и изобретении.

§ 24. В заключение следует рассмотреть вопрос, какое значение имеет логика в культурной жизни человека. Несомненно двоякое: теоретическое и практическое. О теоретическом значении ее нечего долго распространяться: исследуя идеальные формы связи, лежащие в основе доказательств, логика открывает одну из сторон мира и содействует, наряду с другими науками, приобретению нами возможно полного знания о мире.

Гораздо труднее ответить на вопрос о практическом значении логики. Прежде всего приходит в голову мысль, что логика должна научить человека правильному мышлению, а так как высшая цель мышления, — открытия и изобретения, производимые гениальными людьми, то, казалось бы, логика должна научить человека, как производить открытия и изобретения; тогда и изучение ее делало бы бесталанных людей талантами и даже гениями. Стоит, однако, лишь высказать эту мысль, чтобы усмотреть ее нелепость и несоответствие действительности. Изучение логики вовсе не сопровождается заметным усовершенствованием способности совершать открытия и изобретения. Отсюда возникает противоположная крайность: мнение, будто логика вовсе не есть наука об открытиях и изобретениях, и потому она не содействует усовершенствованию этих деятельностей.

Чтобы дать точный ответ на вопрос, обратимся к помощи конкретных примеров. Вспомним, как древне-греческий астроном Эратосфен пытался определить длину александрийского меридиана. Эратосфену было известно, что во время летнего солнцестояния лучи солнца проникают в Сиене в Верхнем Египте на дно самых глубоких и узких колодцев, следовательно, солнце находится в это время в зените. Далее, Эратосфен знал, что Сиена и Александрия находятся на одном меридиане, что разстояние между ними равняется 5000 стадий, и что солнце находится в Александрии во время летнего солнцестояния ниже зенита на $7^1/_5{}^0$. На основании этих данных он сообразил, что дуга земного меридиана в $7^1/_5{}^0$ равна 5000 стадиям, следовательно, длина всего меридиана равна 250.000 стадиям.

Приведем еще один пример маленького открытия, которое случалось делать каждому человеку. Положим, мы хотим узнать высоту дерева; мы замечаем, что тень какого-нибудь вертикально поставленного шеста равна одной сажени и что она вдвое короче длины самого шеста. Отсюда измерив длину тени дерева и узнав, что она равна 5 саженям, заключаем (на основании пропорциональности соответственных катетов подобных прямоугольных треугольников), что высота дерева равна десяти саженям.

Чтобы произвести открытие Эратосфена и даже для того, чтобы определить описанным способом высоту дерева, очевидно, нужно обла-

Библиотека "Руниверс"

дать некоторыми знаниями по геометрии, нужно иметь память, нужно обладать некоторою наблюдательностью, а, главное нужна та находчивость, благодаря которой ум сообразительных и талантливых людей моментально выхватывает из сокровищницы старых знаний и из наблюдения окружающей обстановки как раз такую группу суждений, объективный состав которых, сочетаясь в органическое единство, служит основанием ряда выводов, приводящих в результате к открытию, изобретению, вообще решению поставленного вопроса.

Конечно, изучение логики никого не может наделить всеми перечисленными психическими деятельностями, необходимыми для совершения открытий и изобретений, ни памятью, ни наблюдательностью, ни находчивостью. Она к тому же и изучает не субъективно-психический процесс открытия, а общие формы строения объективной стороны тех комбинаций суждений, которые дают право на умозаключение. Отсюда ясно, что практическая роль логики в большинстве случаев скромна и может обнаружиться лишь в завершении процесса мышления: когда открытие и доказательство уже осуществлено, когда уже есть налицо стройный ряд готовых умозаключений, полезно рассмотреть их объективный состав и подвергнуть его критической проверке. В этом деле помощь лиц, изучавших логику, незаменима: знание общих формул умозаключений дает возможность сравнительно легко и быстро разобраться в том, выполнены ли требования правильного доказательства; в особенности, если совершены формальные ошибки в умозаключениях, знаток логики может обнажить их с неумолимою беспощадностью.

Конечно, выполнить эту критику может лишь тот, кто не только изучал логику теоретически, но еще и посвящал много времени практическим упражнениям по логике, т. е. занимался логическим анализом специально для этой цели составленных задач, дающих образцы правильных умозаключений и наиболее распространенных ошибок, а также анализом хотя бы отрывков научных исследований. Такие упражнения приучают обращать внимание на нить логической связности в сложном составе рассуждения и вырабатывают повышенную чувствительность ко всякому разрыву ее и ко всякой логической бессвязности. Само собою разумеется, эта критическая чуткость прежде всего направляется на изобличение ошибок в чужих рассуждениях и исследованиях; что же касается своих собственных рассуждений, мы, обыкновенно, делая ошибки под влиянием симпатий, антипатий и предрассудков, утрачиваем самообладание, необходимое для наблюдения логической связности и бессвязности. Конечно, можно изощрить в себе зоркость к логической бессвязности до такой степени, что и наши собственные логические скачки будут мозолить

Библиотека "Руниверс"

нам глаза, и тогда мы станем критически относиться также и к собственным рассуждениям [1]).

Итак, логика есть наука, применимая прежде всего, для критики, т. е. проверки правильности доказательств, развитых по поводу уже совершившегося открытия. Некоторые представители логики утверждают, что большего практического значения логика и не может иметь. Они основываются при этом на предположении, что открытие и доказательство совершённого открытия резко отличны друг от друга, и настаивают на том, что логика есть наука о доказательстве, а не об открытии; следовательно, изучение логики может быть полезным только для техники доказательств, но не для техники открытий. Так, проф. Введенский в своей книге «Логика как часть теории познания» говорит о логике открытий: «в конце концов обнаружилось, что такая задача вряд ли даже осуществима, и, по крайней мере, в настоящее время приходится довольствоваться лишь логикой проверки» (а под проверкою мысли проф. Введенский разумеет доказательство мысли) [2]).

С таким взглядом на логику нельзя согласиться. Во-первых, очень часто объективная сторона открытия и доказательства вполне одинакова; таковы, напр., оба приведенные выше примера. А, во-вторых, даже и тогда, когда открытие истины и то доказательство, посредством которого она обосновывается в научных исследованиях, в учебниках и в сознании широких масс, не совпадают, это не значит, будто ум гения или таланта совершает открытие, не пользуясь никакими доказательствами; это значит лишь, что то доказательство, с помощью которого совершено открытие, или не достаточно для окончательного обоснования истины (если открытие совершено посредством лишь вероятного умозаключения), или же

[1]) Русская литература по логике дает особенно много материла для упражнения в логическом анализе. Ко многим оригинальным и переводным курсам логики приложены небольшие сборники задач. Вот перечень таких руководств:

Введенский, Логика как часть теории познания.
Введенский, Логика для гимназий.
Челпанов, Учебник логики.
Минто, Дедуктивная и индуктивная логика.
Уэтли, Основания логики.
Есть также и специальные сборники задач:
Поварнин, Логический задачник:
Лосский, Сборник задач по логике.

[2]) Введенский, „Логика, как часть теории познания“, 3 изд., стр. 2 и 4. Следует заметит, что в Логике проф. Введенского слово доказательство имеет иное значение, чем в моей книге. Проф. Введенский называет словом доказательство только такое оправдание суждений, в составе которого есть умозаключения, тогда как в моей книге словом доказательство называются все виды оправдания суждений, также и те, при которых не употребляется умозаключение, а применяется лишь непосредственное восприятие.

Библиотека "Руниверс"

почему-либо не годится для распространения истины в широких кругах человечества. Но все эти способы доказательства, конечно, исследуются в логике. Итак, я утверждаю, что объективная сторона открытий и доказательств совпадает; следовательно, логика, будучи наукою о доказательствах, есть тем самым также и наука об открытиях и изобретениях. Однако, изучение логики очень мало содействует усовершенствованию способности производить открытия и изобретения по той простой причине, что логика исследует только объективную сторону открытия и изобретения, между тем как изощрение этих деятельностей в гораздо большей степени зависит от субъективной стороны их, от находчивости, памяти, внимания и даже от физиологических процессов в нервной системе и органах чувств индивидуума. Изучение этих факторов есть дело психологии и даже психо-физиологии открытий и изобретений.

Если эти науки когда-либо будут разработаны, тогда можно будет надеяться, что педагогика, опираясь на них и на логику, т. е. зная и субъективную и объективную сторону открытия и изобретения, выработает приемы для воспитания в человеке способности к этим деятельностям, да и то лишь настолько, насколько субъективные факторы их окажутся находящимися во власти человека.

Напомним, впрочем, что настойчивые практические занятия логическим анализом вырабатывают большую чуткость к логической связности и бессвязности. Эта чуткость, если довести ее до очень высоких степеней, содействует усовершенствованию самого процесса открытия и изобретения, так как приучает моментально отбрасывать несостоятельные проекты и сосредоточиваться только на предположѐниях, не заключающих в себе ошибки [1]).

Отдел I.

Суждение. — Понятие.

Глава I.

Представление и понятие, как элементы суждения.

§ 25. Основные черты учения о суждении установлены выше. Теперь нужно перейти к некоторым более частным вопросам, рассмотрение которых необходимо для учения о доказательствах. Объективная сторона суждения состоит из предмета и субъекта суждения (предмет знания), предиката суждения (содержание знания) и отно-

[1]) См. Введенский, там-же, стр. 20.

Библиотека "Руниверс"

шения между субъектом и предикатом; отношение между субъектом и предикатом есть связь основания и следствия.

Грамматика, занимаясь анализом предложения, устанавливает части его, напоминающие субъект, предикат и отношение между ними, именно она говорит о подлежащем, сказуемом и связке. Необходимо поэтому дать себе точный отчет, в чем состоит разница между логическим и грамматическим анализом. Две эти глубоко отличные друг от друга науки могут быть применены для анализа мысли, выраженной в словах. Логика исследует строение объективной стороны самой мысли, вовсе не интересуясь, какими словами она выражена. Наоборот, грамматика изучает именно словесные формы выражения мысли. Поэтому, хотя мысль и слово тесно спаяны друг с другом, все же предмет исследования этих двух наук глубочайшим образом различен, и во избежание смешений желательно обозначать объекты этих двух наук несовпадающими терминами. Условимся обозначать словом суждение мысль, служащую выражением истины, а словесную оболочку ее будем обозначать термином предложение. Части суждения будем обозначать словами субъект суждения, предмет суждения и предикат суждения, а части предложения — словами подлежащее и сказуемое. Искать предмет и субъект суждения это значит искать основание, из которого вытекает предикат, как следствие; отыскивать же подлежащее предложения это значит искать слова, стоящего в именительном падеже.

Разница между логическими элементами суждения и грамматическими элементами предложения так громадна, что, казалось бы, нельзя и представить себе, чтобы кто-либо смешал их друг с другом. Однако, человеческий ум движется вперед лишь ощупью и, если два элемента действительности встречаются почти постоянно вместе, то как бы разнородны они ни были сами по себе, ум с трудом отличает и обособляет их. Не будем поэтому удивляться, когда окажется, что в младших классах гимназий учитель, желая заняться грамматическим разбором предложения, дает ученикам определения подлежащего и сказуемого, на самом деле имеющие в виду предмет, субъект и предикат суждения. Действительно, сказать ученику, будто подлежащее есть «тот предмет, о котором говорится в предложении», это значит бессознательно подменить грамматический анализ логическим. Оправдать такую подмену нельзя указанием на то, что слова служат выражением мысли, а потому должно существовать соответствие между строем суждения и строем предложения. Во множестве случаев это соответствие весьма несовершенно и неполно, потому что строй предложения обусловливается не только целью выразить мысль, но и эстетическими, физиологическими (удобство произношения), историческими и т. п. основаниями. Поэтому нередко, напр., подлежащее вовсе не совпадает с предметом и субъектом су-

Библиотека "Руниверс"

ждения, а сказуемое не служит выражением предиката суждения. Так, положим, перед нами находится следующий отрывок из геометрии Евклида: «перейдем теперь к рассмотрению равнобедренных треугольников. В равнобедренных треугольниках углы при основании равны»... Предмет, о котором здесь идет речь, конечно, есть «равнобедренные треугольники». Следовательно, предмет и субъект суждения выражен словами «в равнобедренных треугольниках», а предикат — словами «углы при основании равны». Школьник, занимающийся грамматическим анализом и отыскивающий подлежащее предложения, руководясь ложным определением, гласящим, будто «подлежащее есть предмет, о котором говорится в предложении», конечно, заявит, что речь идет о равнобедренных треугольниках, и, следовательно, слова «в равнобедренных треугольниках» составляют подлежащее. Учитель будет раздражен «незнанием» ученика, не догадываясь, что он сам сбивает его с толку, смешивая грамматический анализ с логическим. Выход из затруднения достигается весьма нерациональным способом, именно путем дрессировки, путем множества упражнений, вырабатывающих в школьнике безотчетно привычку *говорить*, будто он ищет «предмета, о котором говорится», а *в действительности искать слова*, стоящего в именительном падеже.

Чтобы яснее представлять, до какой степени строй суждения и строй предложения могут не быть параллельными друг другу, рассмотрим несколько типов их расхождения. *Во-первых*, уже показано на примере, что подлежащее и сказуемое предложения могут не соответствовать предмету и предикату суждения. *Во-вторых*, одно и то же предложение в различной обстановке служит выражением различных суждений. Так, предложение «целью Катона Старшего было разрушение Карфагена» в одних случаях может быть ответом на вопрос: «какова была цель Катона Старшего?» тогда предмет суждения выражен словами «целью Катона Старшего», а предикат — словами «разрушение Карфагена»; наоборот, в другом контексте то же предложение может быть ответом на вопрос об условиях разрушения Карфагена, и тогда предмет суждения есть «разрушение Карфагена», а предикат — мысль, выраженная словами «было целью Катона Старшего».

Итак, чтобы найти предмет суждения, нужно определить, на какой запрос мысли суждение служит ответом. Этот прием на первый взгляд кажется внешним и даже ведущим к подмене логической точки зрения психологическою, однако в действительности он глубоко проникает в сущность логического строя мысли: в самом деле, вопрос, на который данная мысль служит ответом, заключает в себе указание на *предмет* суждения, а предмет суждения *содержит* в себе *основание* предиката (субъект суждения).

В-третьих, одно предложение нередко служит выражением

Библиотека "Руниверс"

двух или более суждений. Таковы, напр., предложения со словом «только». Словами «только тропические страны пригодны для возделывания риса» выражаются, по крайней мере, два суждения: «некоторые тропические страны пригодны для возделывания риса» (не все, потому что, кроме высокой температуры, нужно удовлетворять еще ряду других требований) и «все не тропические страны не пригодны для возделывания риса».

По учению Л и п п с а, всякое предложение, поскольку в нем есть определения, дополнения и т. п., выражает этими своими частями целые суждения. Так, напр., высказать предложение «покрытая снегом вершина Эльбруса сверкает на солнце» это значит не только утверждать непосредственно обозначенное этими словами суждение, но еще и знать, что «вершина Эльбруса покрыта снегом», что «у Эльбруса есть вершина» и т. п. [1]).

В - ч е т в е р т ы х, предложения бывают иногда б е з л и ч н ы м и, т. е. лишенными подлежащего, но из этого вовсе не следует, будто выраженные ими суждения беспредметны и бессубъектны. Выше было уже указано (§ 10, стр. 26 с.), что предметом суждения служит всегда тот или иной отрезок мира, бесконечно богатый содержанием и связанный с остальными частями мира. В первичных актах знания предмет еще не может быть выражен никакими словами; поэтому первичные суждения должны выражаться безличными предложениями (напр., когда, заметив что-то на дорожке парка, я впервые даю себе отчет об увиденном словом — «лист!»). Мало того, даже сравнительно высоко развитое знание может относиться к предмету, столь текучему или мало отграниченному от остальных частей мира, что мы воздерживаемся от обозначения его определенными словами или вообще не вырабатываем слов для указания его, напр. говоря «светает», «моросит» и т. п.

Для обозначения объективного состава таких суждений выше была применена наглядная схема

$$\underbrace{\begin{matrix}. & . & . & . & .\\ . & . & . & . & .\end{matrix}} — S; („\underbrace{\begin{matrix}. & . & . & . & .\\ . & . & . & . & .\end{matrix}}\ \text{есть лист“)}.$$

§ 26. Дальнейшие акты знания о том же предмете выражаются следующим образом:

$$\overset{S}{\underbrace{.\ .\ .\ .}} — P \text{ (этот лист кленовый).}$$

$$\overset{SP}{\underbrace{.\ .\ .\ .}} — M \text{ (этот кленовый лист — желт.).}$$

$$\overset{SPM}{\underbrace{.\ .\ .\ .}} — R \text{ (этот желтый кленовый лист — разорван) и т. д.}$$

---

1) Л и п п с. Основы логики, пер. Н. Лосского стр. 28. § 44.

Библиотека "Руниверс"

В них предмет входит в опознанном благодаря предыдущим суждениям виде, т. е., с более или менее различенными свойствами.

Возьмем такое богатое различенными элементами суждение, напр. «этот желтый кленовый лист разорван», целиком, как с его объективною, так и с субъективною (психологическою) стороною, и разложим его путем отвлечения, обособив из его состава предмет и предикат. Тогда в нашем умственном поле зрения будут находиться элементы суждения, выразимые словами «этот желтый кленовый лист» и «разорванный (предмет или вещь)». Если они сложны, то их можно подвергнуть дальнейшему абстрагированию и получить, напр., «желтый кленовый лист», «кленовый лист», «лист». Эти элементы суждения суть или представления, или понятия. Что такое эти элементы суждения, и чем они отличаются от суждения? Субъективная сторона их не содержит в себе акта согласия; она состоит лишь в направленности внимания на предмет без утвердительного или отрицательного отношения к нему. Поэтому тот, в чьем уме находится отдельное представление или понятие, напр., «равнобедренный треугольник», не может быть назван сторонником ни истины, ни заблуждения; лишь с того момента, как он выскажет суждение, напр., «равнобедренный треугольник имеет углы при основании равные» или «равнобедренный треугольник имеет углы, неравные при основании», он высказывает истину или заблуждение. Характер истины или заблуждения присущ этим высказываниям не только благодаря субъективному акту согласия, а еще и потому, что объективный состав их иной, чем в представлениях и понятиях. В самом деле, оторвав предикат от предмета, мы утрачиваем вместе с тем важнейший элемент суждения — объективную связь основания и следствия. Можно сохранить весь объективный состав суждения, за исключением основания и следствия, и тогда перед нами будет уже не суждение, а представление. Возьмем, напр., суждение «равнобедренные треугольники имеют углы при основании равные» и соединим представление его предмета с представлением предиката «равнобедренные треугольники, имеющие равные углы при основании», не усматривая связи основания и следствия между двумя частями этого целого. В силу этого такое целое уже утрачивает характер суждения, характер истины, и падает на ступень всего лишь представления. Итак, представление (и понятие) есть усмотрение предмета в различенном виде, однако без указания того, чтó служит основанием и чтó следствием. Даже высказывание «*А*, соединенное с *В* связью основания и следствия» есть представление, а не суждение, если эта грамматическая форма служит выражением мысли, полученной путем лишь субъективного слияния двух представлений: «*А*» и соединенное с *В* связью основания и следствия».

Библиотека "Руниверс"

Таким образом представление есть группа элементов, лишенная самого важного звена суждения, именно связи основания и следствия.

Мы получили представление, как нечто вторичное в сравнении с суждением, путем отвлечения из него. Между тем, обыкновенно, наоборот, смотрят на суждение, как на продукт представлений и понятий, полученный путем сочетания их. Вопрос, что первоначальнее — представления и понятия или суждения, относится к психологии и истории знания, но все же коснемся его слегка здесь. Система суждения не может быть продуктом прикладывания друг к другу представлений и понятий, производимого познающим субъектом: в таком случае структура суждения была бы субъективным элементом суждения. В основе суждения лежит усмотрение предмета и окружающей его сферы мира, как чего-то целого, и суждение возникает в сознании путем различения этого целого и под руководством целого и его объективной структуры. Иными словами, мы настаиваем на том, что суждение должно быть понимаемо, как органическое целое, в духе органического мировоззрения, а не как сумма элементов в духе неорганического мировоззрения[1]). Поэтому суждение всегда есть нечто первичное. Что же касается представлений и во всяком случае понятий, многие из них возникают впервые в составе суждения, как продукт его. Но нельзя, конечно, отрицать и того, что представления могут возникнуть также помимо суждения, благодаря усмотрению предмета и различению его, не доведенному до констатирования связи основания и следствия.

Вопрос о том, чем отличаются понятия от представлений и каковы виды понятий, рассмотрим позже, а теперь обратимся опять к изучению связи субъекта и предиката.

Глава II.

Логические законы мышления.

§ 27. Объективная сторона суждения вся целиком получается из предмета и связанных с ним частей мира. Следовательно, связь основания и следствия между субъектом и предикатом также есть нечто объективно существующее, полученное из собственной структуры предмета и мира, а вовсе не присоединенное извне познающим индивидуумом. Выше было уже показано, при сопоставлении интуитивизма с критицизмом Канта (§ 20, стр. 46), что такие связи в предмете суть идеальные формы, служащие условием возможности как системы мира, так и системы знания о мире. Посмотрим, какой характер имеют эти связи и какими терминами

[1]) См. Н. Лосский, Мир, как органическое целое, гл. I и II.

Библиотека "Руниверс"

следует обозначать их, если брать их, как элементы самого мира, а не элементы суждения.

Приступая к этой задаче, отдадим себе окончательно отчет в том, что каждый элемент объективной стороны суждения доступен такому двустороннему рассмотрению, с точки зрения двух глубоко отличных друг от друга наук. Согласно интуитивизму, при познавании тот или иной отрезок мира вступает самолично, в подлиннике в кругозоръ сознания познающего индивидуума. Следовательно, он может быть рассматриваем с двух точек зрения: как элемент мира и как элемент знания. Как элемент мира, он есть бытие (реальное или идеальное, психическое или материальное и т. п.), а как элемент знания, он есть предмет знания. Самая общая наука, изучающая бытие, есть онтология; основные науки, изучающие знание, суть гносеология и логика; итак, отрезок мира, вступивший в кругозор сознания и образовавший объективную сторону суждения, может быть подвергнут исследованию или с точки зрения онтологии (а также какой-либо специальной соответствующей ей науки о бытии, напр., физики, химии, психологии и т п.) или с точки зрения гносеологии и логики. Структура такого отрезка есть совокупность всевозможных онтологических связей, онтологических отношений (идеальных форм), напр., пространственных, временных, количественных, причинных и т. п. Эти-же самые онтологические связи (или, по крайней мере, некоторые из них) образуют также и логическую структуру суждения. Отсюда возникает проблема отыскать для каждой логической формы ее онтологическое значение. Здесь мы рассмотрим с этой стороны только важнейшую из логических форм, связь основания и следствия, которая заслуживает названия логической связи по преимуществу. Возьмем, напр., суждение «нагреваемый снег тает»; субъект этого суждения «нагреваемый снег» и предикат «тает» относятся друг к другу, как основание и следствие: содержание мысли «нагреваемый снег» необходимо обязывает принять также и содержание мысли «тает», если познавание продолжается, а не заменяется какою-либо другою деятельностью. Но, с другой стороны, если рассматривать «нагревание снега» и «таяние» не как содержания мысли, а как элементы бытия, как процессы материальной природы, связь между ними приходится назвать словами причина и действие. Итак, онтологическая причинная связь, обусловливающая структуру бытия, может, если это бытие вступает в кругозор сознания и делается предметом знания, стать логическою связью суждения, связью основания и следствия между субъектом и предикатом. Такую роль в суждении может сыграть и всякая другая онтологическая связь, имеющая характер необходимого отношения между звеньями бытия. Так, в суждении «квадрат, имеющий сторону *a*, обладает площадью равною a^2» логическая связь основания

Библиотека "Руниверс"

и следствия обусловлена математическою функциональною зависимостью между двумя видами идеального бытия, именно между величиною стороны квадрата и площадью его. Такую же роль может сыграть онтологическая связь цели и средства, также связь мотива и поступка. Чтобы иметь общий родовой термин для всех таких онтологических связей, назовем их связями функциональной зависимости.

Перечисленные онтологические связи имеют синтетический характер, т. е. характер перехода от одних звеньев бытия к другим, новым в сравнении с первыми; точно такой же характер имеет и логическая связь, т. е. связь основания и следствия между субъектом и предикатом и, следовательно, суждения, имеющие такое строение, принадлежат к числу синтетических.

§ 28. Связь основания и следствия имеет необходимый характер. В этом отношении нет различия между, так называемыми, ассерторическими суждениями (суждениями, констатирующими факт, напр., «розовый куст на этой круглой клумбе засох») и аподиктическими суждениями (напр., суждениями математики, вроде «прямоугольный треугольник имеет площадь, равную половине произведения катетов»); и те, и другие одинаково необходимы. Различие между ними только в том, что в первых основание для предиката кроется в неопознанных сторонах предмета (строение тканей куста и т. п.), а во вторых — оно вполне опознано[1]).

§ 29. С субъективной стороны высказывание суждения характеризуется убеждением в том, что оно содержит в себе истину, т. е. уверенностью, что данный (реально или идеально) предмет сопутствуется тем содержанием бытия, которое выражено предикатом суждения; объективно это убеждение оправдывается тем, что субъект суждения содержит в себе или в опознанной или, по крайней мере, в неопознанной форме всю совокупность условий, составляющих основание предиката. Законченная совокупность условий, из которых, в силу ее законченности, следствие вытекает с непреложною необходимостью, называется достаточным основанием. Таким образом можно установить следующее важное положение: во всяком суждении субъект есть достаточное основание для предиката. Так как все суждения без исключения подчинены этому положению (о вероятных суждениях будет сказано ниже в главе о модальности, в § 59), то это — закон, именно закон достаточного основания. Поскольку в суждении выражается истина, можно формулировать его так: всякая истина, выраженная в суждении, имеет достаточное основание.

[1]) Подробнее об этом см. ниже § 59 в связи с вопросом о, так называемой, модальности суждений.

Библиотека "Руниверс"

Во многих системах логики встречается утверждение, что рассмотренное нами положение есть не закон, а норма, которая, следовательно, может быть нарушена и фактически очень часто нарушается, когда мы высказываем свои мнения без основания. Представители этого учения, обыкновенно, не являются сторонниками теории, усматривающей достаточное основание суждения уже в пределах самого суждения, именно в субъекте суждения: они полагают, что всякое суждение должно быть обосновано извне другими суждениями. На первый взгляд может показаться, что они правы. Ссылаясь на примеры таких высказываний, как «слон есть плоский треугольник», «при нагревании вода превращается в алмаз» и т. п., можно утверждать, что все это — суждения, лишенные достаточного основания и, следовательно, выставленное выше положение есть норма, предписание для правильного мышления, а вовсе не закон. Однако такое возражение есть результат недоразумения. Высказывание «при нагревании вода превращается в алмаз» имеет грамматическую форму такую же, как и суждения; если оно сопутствуется в чьем-либо уме чувством согласия, то и психологический (субъективный) состав отчасти тот-же, что в суждении, однако логическая сторона, именно системность, создаваемая связью основания и следствия, отсутствует, и потому оно не может быть названо суждением. Даже и с психологической стороны важнейший признак суждения в нем отсутствует: оно есть не продукт мышления, т. е. сверхчувственного созерцания, прослеживающего идеальные формы системности, а субъективное построение фантазии или результат какого-либо другого психического процесса (напр., привычки, сформировавшейся под влиянием случайных особенностей опыта данного лица). Такие утверждения, имеющие грамматическую и отчасти психологическую форму суждения, мы будем обозначать неопределенным термином высказывание или мысль, оставляя открытым вопрос, к какой области они принадлежат по своему психологическому источнику.

Итак, согласно отстаиваемому нами учению, суждение есть логическая система, содержащая в себе объективную связь основания и следствия. Поэтому суждение не может быть ложным. Всякое заблуждение выражается не в суждении, а в высказывании, внешне подделывающемся под форму суждения и являющемся продуктом не мышления, а какой-либо другой психической деятельности. Мышление не может быть неправильным; оно может быть источником только истины в такой же мере, как взрыв гремучего газа может дать только воду, а не какое-либо другое химическое соединение.

Таким образом, положение «во всяком суждении субъект есть достаточное основание для предиката» есть подлинно закон. Так как оно относится к суждениям и строению истины, выраженной в сужде-

Библиотека "Руниверс"

нии, то это логический (не психологический) закон мышления. Но логические формы суть не что иное, как онтологические формы, т. е. формы бытия, вступившие в кругозор сознания, познающего индивидуума. Отсюда следует, что логическому закону достаточного основания должен соответствовать, как нечто более первоначальное, онтологический закон, именно закон функциональной зависимости, состоящий в том, что никакое бытие не изолировано, всякое бытие соединено функциональною связью с каким-либо другим бытием.

Наконец, в третьих, кроме логического закона достаточного основания и онтологического закона функциональной зависимости существует еще психологическая норма: «принимай за истину только такое высказывание, которое достаточно обосновано», т. е. такое, в котором есть субъект и предикат, относящиеся друг к другу, как основание и следствие. Это правило мы нарушаем на каждом шагу, легкомысленно соглашаясь с положениями и сочетаниями мыслей, лишенными логической связи. Поэтому указанное правило есть норма для нашего поведения, но не закон.

В заключение коснемся вопроса, не относящегося к области логики, но заслуживающего внимания во избежание недоразумений. Если всякая истина имеет необходимый характер, потому что подчинена логическому закону достаточного основания, и если, в свою очередь, этот закон опирается на закон функциональной зависимости, то повидимому, отсюда вытекает, что всякое познаваемое бытие подпадает железной необходимости, и свободы в мире, доступном знанию, нет. Именно для того, чтобы предмет был познан, т. е. выражен в суждении, нужно, чтобы в его строении или в его отношениях к остальному миру были функциональные зависимости, а они имеют характер необходимости, т. е., повидимому, совершенно несовместимы со свободою.

В ответ на это нужно заметить следующее. Если есть свобода, то это значит, что некоторые звенья мира, напр., А и В, не связаны между собою необходимою связью. Из этого следует, что А и В не могут играть роли субъекта и предиката в отношении друг к другу в суждении, но это не мешает им быть элементами суждений отдельно друг от друга; точно так же А и В вместе могут быть предметом или предикатом суждения, напр. в утверждении «А и В не связаны друг с другом необходимою связью»; в самом деле, предикат «свободный» или предикат «не содержащий в себе необходимости» есть необходимое определение такой пары соответствующих звеньев мира.

§ 30. Поскольку суждения подчинены закону достаточного основания, они обладают характером необходимости, который

Библиотека "Руниверс"

обнаруживается в строении суждения, требующем необходимого перехода от предмета (и субъекта) к предикату. Но, осуществление такого строения возможно лишь в том случае, если, по крайней мере, два элемента суждения, именно связь обоснования и либо субъект, либо предикат, обладают строгою определенностью. Это условие знания и мышления еще более первоначальное, чем закон достаточного основания. Сущность его выражается в трех законах — в законе тожества, законе противоречия и законе исключенного третьего. Законы эти формулируются разными представителями логики весьма различно. Не занимаясь здесь историею логики, я коснусь этих различий лишь слегка, лишь настолько, чтобы выяснить развиваемое мною учение и устранить возможные недоразумения.

Как и закон достаточного основания, каждый из перечисленных законов содержит в себе, в действительности, три положения: онтологический закон, логический закон мышления и психологическую норму. Начнем с онтологических законов определенности. Они состоят в следующем: всякая сторона мира, доступная чувственному или рассудочному созерцанию, всякая часть его, элемент и т. п. есть нечто определенное, иное, чем все остальные стороны мира. Возьмем любое А или В или С (желтизну, синеву, твердость и т. п.). Каждое из них есть своеобразное «это», определенное благодаря своему особому содержанию (А'товости, или В'товости, или С'товости), которое исключает весь остальной мир: желтизна, рассматриваемая в ее собственном содержании, есть не синева, не твердость, не точка и т. д., и т. д. Это взаимоисключение содержаний мира не есть реальная борьба содержаний бытия друг против друга в пространстве и времени: это не есть уничтожение одного бытия другим, не есть сопротивление или стеснение. Противоположности в описанном смысле слова до такой степени не препятствуют бытию друг друга, что могут совмещаться в одном и том же пространстве, в одном времени, в одной вещи: одно и то же пространство, может быть пропитано голубым светом и ароматом резеды, одна и та же вещь может быть желтою и твердою; человеческая душа может быть охвачена одновременно грустью и благоговением и т. п. И наоборот, как бы далеко во времени и пространстве ни находились друг от друга два содержания бытия между ними существует описанное отношение взаимоисключения: желтизна и синева или твердость или точка и т. п. отрицательно соотносятся друг с другом независимо от времени и пространства. Поэтому описанную противоположность можно назвать идеальною в отличие от реальной противоположности состоящей в борьбе и взаимоуничтожении двух содержаний бытия в пространстве и времени, напр., когда два тела *А* и *В*, движущиеся по одной и той же прямой линии в противополо-

Библиотека "Руниверс"

жных направлениях, сталкиваются друг с другом и препятствуют поступательному движению друг друга. Идеальная противоположность содержаний бытия никаких таких взаимостеснений не производит, она только обеспечивает элементам мира ограниченный индивидуальный характер, своеобразную ограниченную «этостность» (haecceitas) и таким образом содействует богатству, сложности и разнообразию мира. Имея в виду это метафизическое (онтологическое) значение идеальной противоположности содержаний бытия, ее можно назвать также ограничивающею противоположностью.

Определенность, создаваемая ограничивающею противоположностью, имеет несколько свойств; исчерпывающее выражение их может быть дано в следующих трех законах, которые удобнее всего формулировать с помощью символа А, так как трудно найти краткие однозначные термины для передачи столь отвлеченных мыслей: «всякий ограниченный элемент мира есть нечто определенное, напр. *А*»; «ни одно *А* не есть не *А*»; «всякий ограниченный элемент мира есть или А или не А». Первый из этих законов есть закон тожества (собственно, это традиционное название подходит не к онтологическому закону определенности, а к основанному на нем логическому закону мышления и также к соответствующей норме, о которых речь впереди), второй — закон противоречия и третий —закон исключенного третьего. Онтологический характер этих законов очевиден: в них нет речи о свойствах суждения или о свойствах истины, следовательно, это вовсе не логические законы мышления. Чтобы избежать недоразумений относительно второго и третьего закона, необходимо точно установить, что означает термин «не А» и что разумеется под словом противоречие.

Идеальная противоположность называется противоречащею противоположностью в том случае, если содержание одного из объектов исключает (идеально) часть признаков другого, причем исключаемые признаки не замещаются ничем положительным; так, напр., «целое число» и «не целое число» (число, не обладающее признаком целости) находятся в отношении противоречащей противоположности. Если отрицание «не» устраняет все признаки объекта А, то в результате получается чрезвычайно общее понятие «не А», имеющее весьма широкий объем, но за то в высшей степени бессодержательное, именно характеризуемое лишь признаком «не А'товости», напр., в противоположность «треугольнику»—«не треугольник» (напр., квадрат, шар, солнце, справедливость и т. п., и т. п.) или в противоположность, «целому числу» —«не целое число» (в данном случае отрицание относится не только к признаку «целое», как в первом примере, но и к признакам «числа»).

Идеальная противоположность называется противною про-

Библиотека "Руниверс"

тивоположностью в том случае, если содержание одного из объектов исключает (идеально) часть признаков другого и при этом исключаемый признак замещается несовместимым с ним положительным признаком, напр., «целое число» — «дробное число»; точно так-же «треугольник» и «квадрат» или «треугольник» и «шар», «треугольник» и «справедливость» и т. п., и т. п. находятся в отношении противной противоположности; только объекты, мыслимые в понятиях, подчиняющих понятие треугольник или подчиненных ему или перекрещивающихся с ним (напр., фигура, равнобедренный треугольник, фигура, вписанная в круг и т. п.), не находятся к понятию треугольник в отношении противной противоположности, так как не содержат в себе признаков, несовместимых с треугольностью.

Во избежание недоразумений по поводу закона исключенного третьего, согласно которому «всякий ограниченный элемент мира есть или *А* или не *А*», надобно помнить, что эта формула правильна только в том случае, если под «А» и «не А» подразумеваются понятия противоречаще-противоположные, а не противно-противоположные, напр. «*NN* или справедлив или не справедлив», «эта вода или горячая или не горячая»; утверждение «этот человек или справедлив или несправедлив» (пристрастен), «эта вода или горячая или холодная», конечно, не соответствуют закону исключенного третьего, потому что между «справедливостью и«несправедливостью» (пристрастием), между «холодностью» и «горячестью» возможны промежуточные ступени, напр. теплый, тепловатый, прохладный и т. п., следовательно, вода может быть и не горячею и не холодною, а чем-нибудь третьим (напр. теплою). Само собою разумеется, противоречаще-противоположные предикаты, «горячий», «не горячий»; между которыми не может быть ничего третьего, должны быть мыслимы ясно и отчетливо, т. е. содержание их должно быть строго определенным; напр. слово «горячий» должно обозначать температуру до точно определенной границы, положим до 80° С включительно.

§ 31. Определенность объектов мышления, обусловленная подчинением их закону тожества, противоречия и исключенного третьего, имеет огромное значение для познавательной деятельности, в известном смысле даже более всеохватывающее, чем закон достаточного основания. В самом деле, законы определенности обусловливают форму и элементов и всей системы объективного содержания суждения, тогда как закон достаточного основания обусловливает только строение целого суждения или системы суждений.

Законы определенности, рассматриваемые в их значении для знания, приобретают характер логических законов мышления и могут быть формулированы следующим образом: «во всех суждениях объективное содержание *А* остается

Библиотека "Руниверс"

тожественным с самим собою *А*» (закон тожества); ни в одном суждении (или сочетании их) объективное содержание *А* не есть не А» (закон противоречия), следовательно, «всякая мысль, содержащая в себе противоречие, ложна» и «две противоречащие друг другу мысли не могут быть обе истинными; «наконец, в третьих, «две противоречащие друг другу мысли не могут быть обе ложными» (закон исключенного третьего). Из сочетания закона противоречия и закона исключенного третьего получается правило, служащее чрезвычайно важным руководством при отыскании истины: «если имеются две мысли, противоречаще противоположные друг другу, то одна из них должна быть истинною». Истина в таком случае нам еще не известна, но, без сомнения, она находится не иначе, как в пределах данной пары высказываний. Напр., если из двух спорящих лиц одно утверждает, что «во всех жидкостях давление распространяется во все стороны с одинаковою силой», а другое настаивает на том, что «в некоторых жидкостях давление не распространяется во все стороны с одинаковою силою», то, не входя в рассмотрение спора по существу и опираясь только на закон исключенного третьего (так как данные две мысли находятся друг к другу в отношении противоречащей противоположности), можно с абсолютною уверенностью сказать, что истина заключается не иначе, как в пределах этой пары высказываний (третьей мысли, которая могла бы одновременно заменить и первое и второе высказывание, быть не может); далее, так как согласно закону противоречия обе эти мысли вместе не могут быть истинными, то с абсолютною уверенностью можно поручиться, что истина высказана или устами первого, или устами второго из спорщиков. Конечно, закон противоречия и закон исключенного третьего не могут довести решение вопроса до конца и указать, которая именно из двух мыслей есть истина. Однако, и то уже хорошо, что область, где находится истина, узко и точно ограничена пределами двух высказываний.

Закон достаточного основания управляет структурою суждения, как целого. Поэтому, если достигнуто усмотрение того, подчинено ли высказывание этому закону, т. е. содержит ли оно в себе систему, где есть связь основания и следствия, то вместе с тем достигнуто и окончательное решение вопроса об истинности его. Таким образом закон достаточного основания занимает особое положение в сравнении с остальными тремя логическими законами мышления. Условимся называть его синтетическим логическим законом мышления, так как он определяет синтетическую необходимость следования в суждении, а закон тожества, противоречия и исключенного третьего назовем аналитическими логическими законами мышления, так как определенность объ-

Библиотека "Руниверс"

ектов мышления, зависящая от них, есть условие возможности анализа и аналитической необходимости следования.

§ 32. Логический закон, согласно которому «две противоречащие друг другу мысли не могут быть обе истинными», в силу своей очевидности и простоты, особенно удобно может быть использован для того, чтобы на нем пояснить различие между логикою и психологиею, вообще между наукою об идеальных формах и наукою о реальных фактах, и показать, что законы логики не суть эмпирические обобщения, получаемые путем индукции. Эту задачу блестяще выполнил Гуссерль в первом томе своей книги «Логические исследования» («Пролегомены к чистой логике») в пятой главе, где он, критикуя учение Милля о логическом законе противоречия, показывает невозможность психологического истолкования его и вообще несостоятельность системы логики индивидуалистического эмпиризма. Я приведу почти целиком его критику психологического учения Милля о законе противоречия. «Как известно», говорит Гуссерль, «Джон Стюарт Милль учит, (Милль, Логика, кн. II, гл. VII, § 4), что principium contradictionis есть «одно из наиболее ранних и ближайших наших обобщений из опыта». Первоначальную основу этого закона он видит в том, «что вера и неверие суть два различных состояния духа», исключающие друг друга. Это мы познаем, — продолжает он буквально — из простейших наблюдений над нашей собственной душевной жизнью. И если мы обращаемся к внешнему миру, то и тут мы находим, что свет и тьма, звук и тишина, равенство и неравенство, предыдущее и последующее, последовательность и одновременность, словом, каждое положительное явление и его отрицание (negative) суть отличные друг от друга явления, находящиеся в отношении резкой противоположности, так что всюду, где присутствует одно, отсутствует другое. «Я рассматриваю, — говорит он, — обсуждаемую аксиому, как обобщение из всех этих фактов».

Далее Гуссерль указывает на то место «Обзора философии сэра Вильяма Гамильтона», где Милль говорит, что «вера в такое суждение» (т. е. в суждение, содержащее в себе противоречие) «при настоящем устройстве нашей природы невозможна, как психический факт». «Отсюда мы узнаем», говорит Гуссерль, «что несовместимость, выраженная в законе противоречия, а именно невозможность истинности двух противоречащих суждений, толкуется Миллем, как несовместимость подобных суждений в нашем веровании. Другими словами, на место немыслимости истинности двух противоречащих суждений подставляется реальная несовместимость соответствующих актов суждения. Это гармонирует также с многократным утверждением Милля, что акты веры суть единственные объекты, которые в собственном смысле можно обозначать, как истинные или ложные. Два контрадикторно проти-

Библиотека "Руниверс"

воположных акта верования не могут сосуществовать — так следовало бы понимать этот принцип». «Здесь возникают разнообразные сомнения. Прежде всего бесспорно несовершенна формулировка принципа. При каких же условиях, спросим мы, не могут сосуществовать противоположные акты верования? У различных личностей, как это хорошо известно, вполне возможно сосуществование противоположных суждений. Таким образом, приходится — уясняя вместе с тем смысл реального сосуществования — сказать точнее: у одной и той же личности или, вернее, в одном и том же сознании не могут длиться, хотя бы втечение самого небольшого промежутка времени, противоречащие акты верования. Но есть ли это действительно закон? Можем ли мы ему приписать неограниченную всеобщность? Где психологические индукции, оправдывающие его принятие? Неужели никогда не было и не будет таких людей, которые иногда, напр., обманутые софизмами, одновременно считали истинным противоположное? Исследованы ли наукой в этом направлении суждения сумасшедших? Не происходит ли нечто подобное в случае явных противоречий? А как обстоит дело с состояниями гипноза, горячки и т. д.? Обязателен ли этот закон и для животных?»

«Быть может, эмпирист, чтобы избегнуть всех этих вопросов, ограничит свой «закон» соответствующими добавлениями, напр., скажет, что закон действителен только для нормальных индивидов вида homo, находящихся в нормальном умственном состоянии. Но достаточно поставить коварный вопрос о более точном определении понятий «нормального индивида» и «нормального умственного состояния», и мы поймем, как сложно и неточно содержание того закона, с которым нам здесь приходится иметь дело».

«Нет надобности продолжать эти размышления (хотя стоило бы поговорить, напр., о выступающем в этом законе отношении во времени); ведь сказанного более, чем достаточно, чтобы обосновать изумительный вывод, именно, что хорошо знакомое нам principium contradictionis, которое всегда признавалось очевидным, абсолютно точным и повсеместно действительным законом, на самом деле оказывается образцом грубо неточного и ненаучного положения; и только, после ряда поправок, которые превращают его кажущееся точное содержание в довольно неопределенное, можно приписать ему значение правдоподобного допущения. И действительно, так оно и должно быть, если эмпиризм прав, если несовместимость, о которой говорится в принципе противоречия, надлежит толковать, как реальное несосуществование противоречивых актов суждения, и самый принцип, — как эмпирически психологическую всеобщность. А эмпиристы миллевского направления даже не заботятся о том, чтобы научно ограничить и обосновать то грубо неточное положение, к которому они приходят на основании психологического толкования; они берут его таким, как оно получается, таким неточным, каким только и могло

Библиотека "Руниверс"

быть «одно из наиболее ранних и ближайших наших обобщений из опыта», т е. грубое обобщение до-научного опыта. Именно там, где дело идет о последних основах всей науки, нас вынуждают остановиться на этом наивном опыте с его слепым механизмом ассоциаций. Убеждения, которые помимо всякого внутреннего уяснения возникают из психологических механизмов, которые не имеют лучшего оправдания, чем общераспространенные предрассудки, которые лишены в силу своего происхождения сколько-нибудь стойкого или прочного ограничения, — убеждения, которые, если их брать, так сказать, дословно, содержат в себе явно ложное — вот что, по мнению эмпиристов, представляют собою последние основы оправдания всего в строжайшем смысле слова научного познания».

«Впрочем, дальнейшее развитие этих соображений нас здесь не интересует. Но важно вернуться к основному заблуждению противного учения, чтобы спросить, действительно ли указанное эмпирическое положение об актах верования — как бы его ни формулировать, — есть закон противоречия, употребляемый в логике. Оно гласит: при известных субъективных (к сожалению, не исследованных точнее, и потому не могущих быть указанными полностью) условиях X в одном и том же сознании два противоположных суждения формы «да» и «нет» не могут существовать совместно. Разве это подразумевают логики, когда говорят: «два противоречащих суждения не могут быть оба истинными»? Достаточно взглянуть на случаи, в которых мы пользуемся этим законом для регулирования актов суждения, чтобы понять, что смысл его совсем иной. В своей нормативной формулировке он явно и ясно утверждает одно: какие бы пары противоположных актов верования ни были взяты, — принадлежащие одной личности или разным, сосуществующие в одно и то же время или разделенные во времени, — ко всем без исключения и во всей своей абсолютной строгости применимо положение, в силу которого члены каждой пары оба вместе не могут быть верны, т. е. соответствовать истине. Я думаю, что в правильности этой нормы не усумнятся даже эмпиристы. Во всяком случае, логика,там, где она говорит о законах мышления, имеет дело только с этим логическим законом, а не с вышеизложенным неопределенным, совершенно отличным по содержанию и до сих пор еще не формулированным «законом» психологии»[1]).

§ 33. Принадлежит ли закон тожества, противоречия и исключенного третьего к числу норм или законов, зависит ли исполнение их от воли познающего субъекта или нет? — Как выражение онтологической формы определенности, эти положения, конечно, ненарушимы ничьею волею и всюду осуществляются без всякого изъятия.

[1]) Гуссерль, Логические исследования, 1 часть, перев. под ред. С. Франка, стр. 67, 69—72.

Библиотека "Руниверс"

Далее, переходя к вопросу о соответствующих этим онтологическим формам логических принципах, чтобы решить, принадлежат ли они к числу норм или законов, нужно вспомнить изложенное выше учение о мышлении, именно о субъективной и объективной стороне его. Субъективная сторона знания, т. е. психическая деятельность познающего индивидуума сводится только к актам созерцания и сравнивания (различения, т. е. анализа). Объективная же сторона рассудочного и чувственного знания, т. е. то, на что направлено созерцание и сравнение, есть сам предмет (отрезок мира) в подлиннике, всегда и без всякого изъятия подчиненный перечисленным законам определенности. Отсюда следует, что мышление, пока оно остается мышлением, т. е. созерцанием, не может нарушить перечисленных выше логических правил: «во всех суждениях объективное содержание *А* остается тем же *А*», «две мысли, содержащие в себе противоречие, не могут быть обе истинными» и т. д. Иными словами эти правила суть логические законы мышления, а не нормы. Противоречие, неотожествление *А* с самим собою и т. п. встречаются, правда, очень часто в наших высказываниях, но они являются на сцену только тогда, когда мышление (т. е. созерцание и анализ) намеренно или безотчетно осложнились примесью какой-либо другой деятельности субъекта, напр., фантазирования, высказывания чисто ассоциативных сочетаний и т. п. Так как эти деятельности субъективны, то, напр., при высказывании «квадрат, который я намерен построить, будет круглый», противоречие существует не как созерцаемое, а как задача совершить синтез «круглости» и «некруглости», — задача, о которой я понимаю, что она состоит в том, чтобы соединить первое со вторым, но которую выполнить нельзя, и потому нельзя созерцать осуществленное «круглое некруглое». От воли человека зависит, будет ли он совершать акт мышления (т. е. созерцать и анализировать) или акт фантазирования и т. п. Поэтому небесполезно преподать для воли человека, ищущего истины, ряд норм (советов), которые облегчили бы ему задачу оберегаться от невольной подмены мышления другими деятельностями. Конечно, эти нормы могут быть основаны только на существенных признаках мышления, т. е. на таких признаках его, которые выражаются в логических законах мышления. Основываясь на предыдущем, можно указать пока три нормы, служащие необходимым, но еще недостаточным критерием наличности мышления, а потому пригодные лишь как несомненный критерий отсутствия мышления: «утверждай, т. е. принимай за истину, установленную мышлением, только те высказывания, в которых всякий ограниченный объективный элемент отожествлен с самим собою, в которых нет противоречия и нет нарушения закона исключенного третьего». Эти нормы, конечно, легко могут быть нарушены и фактически весьма

Библиотека "Руниверс"

часто нарушаются во всех наших повседневных высказываниях и даже в научных и философских сочинениях.

§ 34. На первый взгляд может показаться, что три закона определенности на самом деле суть один закон, тремя различными способами выраженный. В действительности, однако, это не верно. Правда, все три закона говорят об одной и той же форме ограниченных объектов, именно об определенности, но каждый из них характеризует эту форму с новой стороны. Так, первый закон говорит только о тожественной себе характерности каждого объекта; такую характерность можно было бы попытаться усмотреть и в «А'товой не А'товости» (прямой непрямоте и т. п.), тожественной себе, т. е. сохраняемой во всех актах мышления, в форме «А'товой не А'товости». Но закон противоречия дополняет закон тожества и отвергает существование «А'товой не А'товости», а закон исключенного третьего привносит еще дополнение, указывая на то, что сверх «А'товости» и «не А'товости» нет никакой третьей возможности.

Конечно, все эти три стороны определенности так неразрывно связаны друг с другом, что, высказывая первый из логических законов, характеризующий положительную сторону определенности, именно «*A*'товость *A*», мы неизбежно думаем при этом про себя также и о втором и третьем законе, характеризующих эту определенность с других сторон, а потому возникает иллюзия, будто второй и третий закон суть лишь пересказ первого закона другими словами. Поэтому нужны особенные усилия анализа и отвлечения, чтобы усмотреть особый оттенок мысли, выраженный каждым из этих законов.

Вследствие неразрывной связи трех аналитических логических законов мышления соответствующие им нормы также неразрывно связаны друг с другом, иными словами, нарушение одной из них неизбежно связано с нарушением двух остальных. В самом деле, положим, что какой-либо ученый в начале своего исследования устанавливает, что «*S* есть *P*», а в средине, говоря о том же предмете, утверждает, по неосмотрительности, что «*S* не есть *P*». Здесь нарушена норма противоречия. Но этого мало, здесь нарушена также норма тожества: имея в виду один и тот же предмет, выраженный в понятии *S*, исследователь перестал отожествлять содержание этого предмета само с собою, когда признал его во втором высказывании за не *P*, тогда как в первом оно было установлено, как *P*. В защиту мысли, что здесь не нарушена норма тожества, можно было бы привести следующее соображение: говоря, что «*S* есть *P*», а потом признавая, что «*S* не есть *P*», я не отменяю первого суждения, следовательно, выполняю норму тожества, но только рядом с первым суждением высказываю еще новую мысль, «*S* есть не *P*». Однако, это соображение неверно. Чтобы убедиться в этом, выразим критикуемую мысль проще. Если пара приведенных высказываний на-

Библиотека "Руниверс"

рушает норму противоречия, то это значит, что в них речь идет о некотором свойстве предмета, рассматриваемого в одно и то же время и в одном и том же отношении. Значит, высказывая два такие положения, как вместе истинные, мы признали, что *P* есть *P* и вместе с тем не *P*. Здесь есть иллюзия выполнения нормы тожества, потому что первый предикат удовлетворяет ей. Но ведь норма тожества требует, чтобы *P*'товость, не один раз, а всякий раз утверждалась, как *P*'товость, следовательно, благодаря второму предикату, эта норма нарушена. Утверждать, будто она здесь выполнена, это все равно, что сделать два хода шахматным конем, один правильный, а другой неправильный, и на замечание противника, что правила игры нарушены, возразить: «нет, они соблюдены, так как первый ход сделан мною правильно». Наконец, в приведенном выше примере, «*S* есть *P* и не *P*» нарушена также и норма исключенного третьего. Ее можно выразить так: принимай за истину, установленную мышлением, только такую систему высказываний, в которой каждое понятие или сочетается, или не сочетается с другим понятием, так как нельзя мыслить никакого третьего отношения, которое заменило бы собой сразу и то, и другое. Наш исследователь, отступив от нормы тожества и противоречия, вместе с тем нарушил и норму исключенного третьего, так как выдумал третье отношение, заменяющее собою отрицание и утверждение в отдельности, именно выдумал одновременную комбинацию утверждения и отрицания.

§ 35. Больше всего недоразумений вызывает закон тожества. Очень часто его выражают посредством формулы «*A* есть *A*» или в виде правила «omne subjectum est praedicatum sui» (всякий субъект служит предикатом для самого себя»). Такое выражение этого закона дает повод утверждать, что он есть тавтология и может служить основанием только для пустых повторений одного и того же понятия «мост есть мост», «треугольник есть треугольник», и т. п. Данное выше изложение этого закона показывает, что он никоим образом не есть тавтология. Как онтологический закон, он есть закон определенности ограниченных объектов, выражающий это свойство их с положительной стороны. А как логический закон, он указывает на то, что реально различные акты суждения, имеющие в своей объективной стороне *A*, содержат это *A*, как буквально, численно тожественное. *A*. Так, напр., если двадцать лиц в разное время и в различных местах пространства высказывают истину «площадь прямоугольного треугольника равна половине произведения катетов», то акт внимания, припоминания и вообще индивидуально-психическая сторона во всех этих двадцати случаях продумывания истины различна, но объективное содержание, на которое направлены эти двадцать актов думания, сама истина, имеемая в виду двадцатью лицами, и каждый элемент ее «катет», «площадь» и т. д.

Библиотека "Руниверс"

есть нечто буквально, численно тожественное во всех двадцати случаях. Если бы мысли не обладали этим свойством, было бы совершенно невозможно согласие не только различных лиц между собою, но даже и одного мыслителя с самим собою хотя бы на протяжении одной страницы исследования или при высказывании посылок и вывода силлогизма, где каждый термин появляется на сцену два раза. Все признают, что тожество здесь должно быть строжайшее, а между тем многие мировоззрения совершенно не допускают фактической возможности его. Так, напр., для многих всякая мысль, в случае многократных повторений ее, есть по своему бытию всякий раз нечто абсолютно новое, единственное, небывалое. Сторонники таких мировоззрений заменяют закон тожества законом согласия, относят его только к понятиям, требуя сохранения точно определенного значения их, говоря о том, что мысли в различных суждениях подвергаются отожествлению и т. п. Нужно особенное учение о строении мира и сознания для того, чтобы объяснить, как логический закон тожества может быть осуществлен в точности, а не в виде таких суррогатов тожества. Отсюда ясно, что этот закон вовсе не есть тавтология, и само положение, служащее выражением его, «во всех суждениях объективное содержание *А* остается тожественным с самим собою *А*», есть не аналитическое, а синтетическое суждение.

Другой ряд недоразумений по поводу закона тожества таков. В какое бы время мы ни мыслили *А*, оно остается тожественным себе; из этого выводят иногда, будто *А* должно быть невременным бытием, и потому чрезмерно ограничивают сферу применения закона тожества, именно утверждают, что он относится только к субстанциям, законам, идеям Платона и т. п. Если бы это было верно, то текучее во времени бытие не могло бы быть предметом умозаключений; ни один силлогизм не мог бы быть высказан о нем. Мало того, никакое воспоминание о прошлом, никакое описание и т. п. не могло бы быть согласным с действительностью и само с собою в различных своих повторяющихся частях, если бы закон тожества не был абсолютно точно осуществлен. К счастью, однако, такое бедствие нам вовсе не угрожает. Согласно теории интуитивизма, когда кто-либо рассказывает «парусная яхта, на которой я катался вчера, едва не была опрокинута порывом ветра», он обращается своим умственным взором к самому событию, пережитому вчера, и вновь имеет его в кругозоре своего сознания в подлиннике[1]). Для такого направления внимания на само прошлое необходимо, чтобы познающее я было сверхвременным: только в таком случае оно способно господствовать над временем и, не будучи ни близко, ни далеко во времени от прошлого события, способно многократно

[1]) См. об этом характере воспоминаний в книге Н. Лосского „Мир, как органическое целое" гл. III, стр. 37 с.

Библиотека "Руниверс"

направлять на него свой умственный взор и вновь вводить его в кругозор своего сознания, подобно тому, как человек, поднявшийся на воздушном шаре над поверхностью равнины, господствует над нею и может направить свой телесный взор на любую точку ее. Таким образом познающий индивидуум созерцает вчерашнее событие вновь во всей его стремительности, и оно вовсе не обязано утратить свое течение во времени и застыть: оно буквально то же самое, потому что повторяется не оно, а направленные на него деятельности внимания, различения и т. п. познающего индивидуума. Условием возможности этого многократного видения служит не сверхвременность познаваемого объекта, а сверхвременность познающего субъекта.

§ 36. Наконец, третий ряд недоразумений возникает не только по поводу закона тожества, но и вообще по поводу всех трех законов определенности вместе и сферы применения их. Без сомнения, законы определенности приложимы к бытию не иначе, как поскольку бытие образует систему идеально взаимоопределяющихся сторон космоса[1]. Отсюда следуетъ, что Абсолютное, будучи творческим первоисточником мира, само находится вне системы и есть нечто сверхсистемное[2]. Поэтому оно не подчинено закону тожества, противоречия и исключенного третьего. Из этого не следует, конечно, будто Абсолютное содержит в себе противоречия и т. п. Независимость его от законов определенности есть не нарушение этих законов, а стояние вне их просто потому, что в нем нет условий для применения их вроде того, как математические треугольники, шары и т. п. стоят вне законов химии, потому что не содержат в себе никакого вещества и никакого временного процесса. Трудно, конечно, представить себе, как можно быть изъятым из сферы столь общих условий, как закон тожества или закон противоречия, однако сделать это усилие мысли, чтобы постигнуть своеобразие Абсолютного, необходимо. В самом деле, Абсолютное сверхсистемно. В себе оно не содержит никакой множественности и потому не заключает никакого материала для применения закона противоречия. Далее, будучи сверхсистемным, оно до такой степени отрешено от мирового бытия, что не заключает в себе никаких сторон, которые были бы тожественны каким-либо сторонам мира или противоречили бы им. В виду этого понятие сходства и различия в том смысле, в каком оно применимо, когда речь идет об отношении между различными звеньями мира, между различными ограниченными «это», — не применимо к Абсолютному. Во всех случаях, когда речь идет об Абсолютном, приходит-

[1]) Этот системный характер бытия, подчиненный закону определенности, прекрасно обрисован в книге С. Франка „Предмет знания", стр. 215-220.

[2]) О сверхсистемности Абсолютного см. Н. Лосский, „Мир, как органическое целое", гл. V, стр. 59.

Библиотека "Руниверс"

ся вырабатывать новые, совершенно своеобразные категории. Так, в данном случае, признавая, что Абсолютное есть нечто «иное», чем мир, приходится обозначить эту инаковость, как указывает С. Л. Франк, термином металогическое несходство[1]) в отличие от *логического несходства, которое существует* в системе ограниченных мировых «это», подчиненных трем *законам* определенности.

Некоторые философы полагают, что не только Абсолютное, но и многие другие предметы изъяты из сферы действия закона тожества, противоречия и исключенного третьего. Так, Гегель полагает, что законы тожества, противоречия и исключенного третьего суть выражение рефлективных определений[2]), являющихся на сцену тогда, когда мы рассматриваем объекты лишь с точки зрения рассудка, который производит отвлечения и разделения, т. е. убивает живое бытие, получает «твердые», «неизменные»[3]) отрывки бытия, и останавливается на рассмотрении этих застывших обрывков («in seinen Trennungen beharrt») [4]).

Этот внешний тип знания, присущий обыденному человеческому рассудку [5]), преподносит нам вещи, как «тожественные себе», как не содержащие в себе противоречий, между тем как истина есть «единство тожества и различия», (IV, 32), так как «все вещи сами в себе противоречивы» (IV, 65); такое подлинное постижение природы вещей, поднимающееся над ограниченностью рассудка, доступно лишь разуму, осуществляется в умозрительном (спекулятивном) мышлении (III, 28; IV, 67 с., 146, 157 и др.). «Обычный же опыт», говорит Гегель, «сам заявляет, что дано по меньшей мере множество противоречивых вещей, противоречивых учреждений и т. д., противоречие которых заключается не только во внешней рефлексии, но в них самих. Но далее оно должно считаться не просто ненормальностью, встречающеюся там и сям, но отрицательным в его существенном определении, принципом всякого самодвижения, состоящего не в чем ином, как в изображении противоречия. Само внешнее чувственное движение есть его непосредственное существование. Нечто движется не только поколику оно теперь здесь, а в другой момент там, но поколику оно в один и тот же момент здесь и не здесь, поколику оно в этом здесь вместе есть и не есть. Следует вместе с древними диалектиками признать противоречия, указанные ими в движе-

---

[1]) С. Франк, „Предмет знания", стр. 237 примеч. О различии в понимании Абсолютного между Франком и мною см. в моей статье о книге Франка в „Вопр. философ. и псих". 1916, кн. 132-133. стр. 155-178; статья эта напечатана также в моей книге „Основные вопросы гносеологии".

[2]) Hegel, Wissenschaft der Logik, I, Th., 2. Abth., собр. соч. т. IV стр. 26-71 (2 изд.)

[3]) Т. III, стр. 27 (2 изд.).

[4]) Т. V, стр. 47 (2 изд.); т, III, 27.

Библиотека "Руниверс"

нии, но отсюда не следует, что движения поэтому нет, а следует, напротив, что движение есть само существующее противоречие»[1]).

Точно так же процесс жизни есть сущее противоречие. «Этот процесс», говорит Гегель, «начинается с потребности, т. е. с того момента, в коем живое, во-первых, определяет себя, тем самым полагает себя, как объективность, подлежащую отрицанию и тем самым относящуюся к некоторой другой, безразличной объективности; но во-вторых, оно не теряется в этой потере себя, сохраняется в ней и остается тожеством равного самому себе понятия; тем самым оно есть побуждение положить равным себе и снять тот иной ему мир для себя и объектировать себя. Вследствие того его самоопределение имеет форму объективной внешности и то, что оно вместе с тем тожественно себе, есть абсолютное противоречие». «Живое есть для самого себя это раздвоение и имеет чувство этого противоречия, которое (чувство) есть боль. Поэтому, боль есть преимущество живых существ, ибо они суть осуществленное понятие, некоторая действительность той бесконечной силы, отрицательность их самих внутри себя и эта их отрицательность состояний для них, состоящая в том, что они сохраняют себя в их инобытии. Если говорят, что противоречие немыслимо, то именно в боли живого оно имеет даже действительное осуществление»[2]).

Не менее загадочны для рассудка свойства души, поскольку она вездесуща в теле и при том находится в каждой части тела не частями, а целиком. «Вездеприсутствие простого в многообразной внешности есть для рефлексии абсолютное противоречие, и поскольку она вместе с тем должна усвоить его из восприятия жизни и, стало быть, признать действительность этой идеи, непонятная тайна, ибо рефлексия не схватывает понятия, и для нее понятие — не есть субстанция жизни»[3]).

Сходны с учением Гегеля взгляды С. Л. Франка, полагающего, что всякое определенное бытие, т. е. бытие, подчиненное закону тожества, противоречия и исключенного третьего, есть нечто законченное, неподвижное, в себе замкнутое»[4]); все подчиненное закону тожества и противоречия С. Л. Франк считает состоящим из обособленных содержаний[5]), т. е. повидимому, он считает их прерывистыми, так как настойчиво подчеркивает непрерывность в числе свойств, находимых путем восхождения в сферу абсолютного бытия, возвышающегося над законом тожества и про-

[1]) Т. IV, 67; русский перевод Н. Г. Дебольского (Труды Пгр. Фил. Общ. вып. XIII), стр. 42.

[2]) Т. V, 248 с.; по русски перевод Н. Г. Дебольского (вып. XIV), стр. 155.

[3]) Т. V, 240; по русски (вып XVI) 150.

[4]) С. Л. Франк, Предмет знания, стр. 198 с., 364, 366, 405.

[5]) Там же, 210.

Библиотека "Руниверс"

тиворечия [1]). Поэтому логическое знание (т. е. знание о содержаниях, подчиненных закону тожества и противоречия) само по себе не может дать сведений о связи, переходе, движении и т. п., следовательно, оно вообще неосуществимо без помощи интуиции, дающей «металогическое знание» об «исконном единстве, предшествующем возникновению отдельных определенностей» [2]).

Но в отличие от Гегеля Франк считает металогическое «целостное бытие» не содержащим в себе противоречия, не нарушающим этот закон, а просто стоящим вне той сферы, в которой есть материал для применения закона противоречия.

Это учение о неподчиненности живого, целостного, сплошного и текучего бытия законам определенности я считаю плодом недоразумения и в той его форме, как оно выражено у Гегеля, и в том виде, как его развивает Франк. Что закон тожества вовсе не требует вневременности объекта, об этом было уже сказано выше. Поэтому теперь сосредоточимся лишь на том, что бытие, подчиненное закону тожества и противоречия, вовсе не обязано состоять из прерывистых, замкнутых в себе кусочков, но может быть сплошною текучею изменчивостью. Франк следующим образом поясняет свою мысль на примере причинного изменения, приводящего от причины *A* к действию *B*. « В связи *A* с *B* нельзя мыслить *A* и *B* ни как абсолютно-тождественные содержания, (ибо тогда нет никакого подлинного возникновения или порождения), ни как абсолютно различные (ибо тогда *A* есть non-*B*, т. е. *B* отсутствует в *A* и потому не укоренено в нем); мы должны их мыслить, следовательно, в отношении, объемлющем тожество и различие» [3]).

И действительно, изменение есть во всякий момент единство противоположностей; однако стоит только обратить внимание на то, что эти противоположности существуют не сами по себе, что изменение мыслимо лишь постольку, поскольку в основе его есть сверхвременое начало, именно субстанция (чего не отрицает и Франк, см. далее, на стр. 405), как субъект изменения, и тогда станет ясно, что обладание противоположными определениями не есть пребывание вне сферы действия закона противоречия. Действительно, из *A* выростает *B*, т. е. не *A*, но самое это выростание есть полагание нового времени, следовательно *A* и не-*A* принадлежат одному и тому-же субъекту в разное время, что и соответствует требованиям закона противоречия. Отличие изменения, т. е. превращения *A* в *B* от простой смены, состоит, во-первых, в том, что в основе *A* и *B* лежит всегда один и тот же субъект, во-вторых, в том, что переход от *A* к *B* происходит на основании действования, частью причины которого служит *A* и, в-третьих, самое главное, в том, что пере-

[1]) С. Л. Франк: „Предмет знания" 240, 241, 336, 306 с.
[2]) Там же 204.
[3]) Там же, стр. 405.

Библиотека "Руниверс"

ход от A к B сплошен, иными словами, на какие-бы малые части мы ни делили время изменения, в каждом таком отрезке времени происходит изменение. Это значит, что в изменении можно различить умом бесконечное количество фаз, множество, образующее не потенциальную, но актуальную бесконечность, понятие которой установил Г. Кантор. Иллюзия противоречивости изменения, утверждаемой Гегелем, или металогической сверхпротиворечивости изменения, утверждаемой Франком, получается главным образом тогда, когда, анализируя его, доходят до момента времени и рассматривая, напр., движение, приходят к мысли, что движущееся тело находится «в один и тот-же момент здесь и не здесь» [1].

Это противоречие действительно было бы неизбежно, если бы моменты времени были частями времени, из суммы которых слагается время. Тогда, так как никакое изменение и, следовательно, никакое движение в момент времени невозможно, пришлось бы считать движущееся тело в один и тот же момент и пребывающим в определенной точке пространства, т. е. покоящимся в ней, и не пребывающим. Но на деле время не состоит из суммы моментов так же, как пространство не состоит из суммы точек; моменты и точки принадлежат к сфере, низшей, чем время и пространство, производной от них. Поэтому вполне возможно, что во времени тело сплошь движется, а в отношении к моменту времени, оно неподвижно; движение от этого не превратится в сумму положений покоя, потому что время вовсе не есть сумма моментов времени. Нам возразят, что таким образом движущемуся телу приписывается вместе с движением и неподвижность. С этим мы согласимся, но противоречия в этом не находим, так как движение и неподвижность здесь присущи телу в различных отношениях. Противоречия здесь нет в такой же мере, как в том случае когда, наблюдая автомобиль, мчащийся параллельно поезду с одинаковою с ним скоростью, мы скажем, что автомобиль покоится в отношении к поезду, но движется в отношении к верстовому столбу.

Гегель знает, конечно, об этом способе устранения противоречий путем ссылки на то, что противоположные отношения принадлежат вещи в разных отношениях, однако находит, что он не приводит к цели. Положим, две вещи в каком-либо отношении равны друг другу, а в другом отношении — не равны. «Две вещи», говорит Гегель, «постольку равны, а постольку же неравны, или с одной стороны и в одном отношении равны, с другой же стороны и в другом отношении неравны. Тем самым единство равенства и неравенства удаляется из вещи, и то, что было бы ее собственною рефлексиею равенства и неравенства в себе, сохраняется, как внешняя для вещи рефлексия. Но вследствие того последняя в одной и

---

[1] Гегель, IV, 67; русск. перев. (вып. XIII), стр. 42.

Библиотека "Руниверс"

той же деятельности различает две стороны равенства и неравенства и тем самым содержит обе в одной деятельности, дает проявляться и рефлектирует одну в другой. Обычная нежность к вещам, заботящаяся лишь о том, чтобы они не противоречили себе, как в этих, так и в других случаях забывает, что таким путем противоречие не разрешается, а переносится лишь в другое место, в субъективную или внешнюю рефлексию вообще, и что последняя действительно содержит оба момента, которые вследствие такого удаления и перемещения высказываются просто, как *положенное*, как снятые и отнесенные один к другому в одном единстве»[1]).

Нельзя сказать, чтобы это возражение Гегеля было вразумительно: самое тесное единство противоположных определений не сталкивает их друг с другом, если они мыслятся в разных отношениях.

Не всегда противоречие устраняется указанным способом. Нередко для того, чтобы усмотреть отсутствие противоречия, нужно подняться с помощью умозрения в такие сферы мира, которые мало знакомы обыденному мышлению и служат предметом исследования метафизики. Таково, напр., приводимое Гегелем загадочное свойство души, состоящее в том, что «anima est tota in toto corpore et tota in qualibet parte corporis» (душа находится целиком во всем теле и целиком в каждой части тела). Это свойство было бы противоречивым, если бы душа была протяженна и пребывание ее в теле и в органах приходилось бы понимать на подобие пребывания пара в цилиндре паровой машины. Но стоит только понять, что душа совершенно непротяженна и притом не так, как точка, которая, будучи непротяженною, все же локализуется в пространстве, так как производна от пространства: душа сверхпространственна, т. е. нигде в пространстве не «содержится». Именно поэтому возможно господство ее над пространственною разрозненностью органов тела, которое состоит в том, что она одновременно целиком находится в *отношении* и к сердцу, и к мозгу, и к глазу, несмотря на их пространственное удаление друг от друга.

Итак, мы утверждаем, что все ограниченное мировое бытие подчинено законам определенности, т. е. закону тожества, противоречия и исключенного третьего. Вне сферы применения этих законов находится только сверхмировое начало, Абсолютное и, кроме того, в составе мира *конкретно-идеальные индивидуумы*, субстанции, напр. душа, дух, как начала, стоящие выше принадлежащих им ограниченных способностей и форм[2]).

---

[1]) Гегель IV, 45 с.; по русски (вып. XIII), стр. 28

[2]) См. мою статью „Конкретный и отвлеченный идеал-реализм" (журнал „Мысль" №№ 1 и 2, 1922 г.

Библиотека "Руниверс"

Глава III.

Теории понятия.

1. Сущность понятия.

§ 37. Путем анализа и отвлечения можно выделить из суждения такие элементы, как представление и понятие.

Представление есть мысль о предмете, содержащая в себе любые различенные в нем признаки (стороны предмета). Понятие есть мысль о предмете, содержащая в себе лишь те различенные признаки, которые образуют единое целое, служащее основанием для системы следствий. Так, мысль о круге, как фигуре, ограниченной замкнутою кривою, все точки которой находятся на равном расстоянии от одной точки на плоскости внутри кривой, есть понятие. Точно также мысль о большом круге шара есть понятие. Наоборот, мысль о круге, начерченном на доске аудитории Петроградского Университета в день зимнего солнцестояния, не есть понятие.

Некоторые философы, напр. Шуппе, утверждают, что наиболее ценные понятия, именно те, которые он называет «подлинными родами» (eigentliche Gattung, οἰκεῖον γένος)[1], заключают в своем содержании закон, из которого можно вывести виды, подчиненные данному понятию, как роду. Только на основании таких понятий, говорит он, можно посроить научную классификацию вещей. В самом деле, вещь, не есть простая сумма «элементов» [2]; вещь есть совокупность определенных в пространстве и времени данных, причинно связанных между собою, что обнаруживается в совместном движении и покое их, а также в законосообразной смене качеств. В составе понятия вещи важнейшую роль играет закон причинной связи частей, а не отдельные «элементы». Поэтому построение общих понятий о вещах, на основании отдельных «элементов», напр., цвета, дает лишь неподлинные роды. Для установки подлинных родов вещей нужно отвлекать от их состава закон причинной связи их частей и образов видовые понятия путем перечисления видоизменений основного закона. Согласно этому учению, понятие, напр., треугольник, есть подлинный род, потому что его содержанием определяется, что существуют лишь такие-то определенные виды (например, прямоугольные, тупоугольные, остроугольные треугольники). Наоборот, понятие «красный круглый предмет», «яйцо для пасхального

---

[1] Schuppe, Grundriss der Erkenntnisstheorie und Logik, стр. 91.

[2] „Элементами“ Шуппе называет неразложимые далее чувственные качества (цвет, звук и т. п.), а также пространственные и временные определенности (где, когда).

Библиотека “Руниверс”

подарка» и т. п. суть не подлинные роды, так как из их содержания нельзя вывести, какие виды подчинены им [1]).

Сходное с Шуппе учение о понятиях развивает Кассирер, посвящающий большую часть своего обширного труда «Substanzbegriff und Funktionsbegriff» исследованию понятий математики и естествознания. Функциональными понятиями он называет понятия, охватывающие ряд не на основании отношения сходства, а на основании принципа функциональной зависимости, определяющего правило перехода от одного звена к другому [2]). Такие понятия служат основанием для вывода из них подчиненных им видов. «Подлинное понятие», говорит Кассирер, «не оставляет без внимания в стороне особенности и частности подчиненных ему содержаний, но стремится показать необходимость появления и связи именно этих частностей. Так, от общей математической формулы, напр. формулы кривой второго порядка, мы можем притти к специальным геометрическим образованиям круга, эллипса и т. д., рассматривая в ней определенный параметр, как переменный, и заставляя его принять непрерывный ряд значений. Общее понятие оказывается здесь даже более богатым по содержанию; кто обладает им, тот может вывести из него все математические отношения, присущие частной проблеме, но в то же время, с другой стороны, он не изолирует эту проблему, а понимает ее в непрерывной связи с другими проблемами, следовательно, в ее глубоком систематическом значении. Единичные случаи не выключены из рассмотрения, а фиксируются и удерживаются, как вполне определенные ступени в общем процессе изменения. Опять обнаруживается здесь с новой стороны, что характерный момент понятия заключается не в «общности» образа представления, а в общезначимости принципа ряда. Мы не извлекаем из предлежащего нам многообразия любые абстрактные части, а создаем для членов его однозначное отношение, мысля их связанными посредством всеохватывающего закона» [3]).

Без сомнения, Шуппе и Кассирер правильно указывают идеал, к которому стремится наука при выработке понятий. Однако, надо иметь в виду, что нет оснований требовать, чтобы в содержании всех понятий заключался закон; это невозможно уже потому, что закон всегда сложен, и элементами законов в конечном итоге должны оказаться понятия, которые уже не заключают в самом своем содержании закона. Итак, мысль о предмете заслуживает названия понятия, согласно данному выше определению, уже в том случае, если она служит основанием для открытия необходимых связей, хотя бы сама в себе и не содержала таких связей.

---

[1]) Schuppe, Erkenntnisstheoretische Logik, стр. 181 с., 204, 559, 564-576, 581; Grundriss der Erkenntnisstheorie und Logik, стр. 90-93, 146-154.

[2]) Стр. 21 с. Книга Кассирера переведена на русский язык.

[3]) Там же, стр. 25 с.

Библиотека "Руниверс"

2. *Идеал-реалистическая теория общих понятий.*

§ 38. Некоторые философы полагают, что только мысль о классе объектов может быть названа понятием; иными словами, они думают, что понятия могут быть только общими. Если придерживаться данного выше определения понятия, то нет основания отвергать возможность также единичных (индивидуальных) понятий. Таково, напр., понятие историка о реформации в Германии или понятие географа о Кавказском хребте и т. п. Замечательно, что теория обоих этих видов понятий представляет чрезвычайные трудности, и логика до сих пор не имеет удовлетворительного учения ни о том, что такое общее понятие, ни о том, что такое единичное понятие. Займемся сначала вопросом об общем понятии.

Проблема общих понятий с древних времен и до наших дней остается предметом труднейших исследованиий и ожесточенных споров нескольких наук, именно психологии, гносеологии и метафизики. Здесь этот вопрос будет изложен лишь настолько, насколько это необходимо для того, чтобы понимать различие между системою логики индивидуалистического эмпиризма, опирающеюся на номиналистическое учение о понятиях, и системою логики интуитивизма, признающего идеальное бытие, следовательно, отстаивающего, так называемый, реализм в учении о понятиях. Кроме того, здесь нужно еще показать, путем разграничения психологической и гносеологически-метафизической стороны вопроса, что учение об идеальном бытии, при введении известных оговорок, согласимо с другими теориями, выступающими обыкновенно под видом его противников. Для обеих поставленных нами целей, достаточно дать лишь краткий обзор общеизвестных типов учений об общем — реализма, номинализма и концептуализма.

Реализмом в учении о понятии принято называть учение, утверждающее существование идеального, сверхвременного и сверхпространственного бытия. Термин реализм неудобен для обозначения этого учения, так как словом реальный мы условились обозначать пространственно-временное бытие. Поэтому будем называть рассматриваемую теорию идеал-реалистическою, разумея под словом идеал-реализм философское направление, утверждающее, что реальное бытие существует не иначе, как на основе идеального бытия.

Сторонник идеал-реалистического учения о понятиях считает мир гораздо более связным и объединенным, чем это представляется взору человека, не углубляющегося в идеальные основы мира. В самом деле, если бы все бытие было только пространственно-временным, т. е. только реальным, то вещи, находящиеся в разных частях пространства и существовавшие в разные времена, напр., Сократ, Декарт, Кант, были бы целиком, по всему составу своего

Библиотека "Руниверс"

бытия внеположны друг другу: весь состав бытия Сократа целиком вмещался бы в то пространство, которое он занимал в Афинах, и в тот отрезок времени, которое протекало в V и начале IV в. до Р. Хр., а весь состав бытия Канта — в пространство Восточной Пруссии и отрезок времени XVIII в. Как бы глубоко мы ни анализировали бытие каждого из этих людей, мы никогда не натолкнулись бы в его составе на тожественные для всех них стороны. Наоборот, сторонник бытия идей полагает, что бытие Сократа, Декарта, Канта не исчерпывается пространственно-временным процессом: исследуя пространственно-временную индивидуальность их, мы неизбежно должны усмотреть более глубокую основу ее, поднимающуюся в сферу сверхпространственного и сверхвременного: таково *Я* Сократа, *Я* Декарта, *Я* Канта. Но этого мало, согласно некоторым философским учениям, проникая в еще более глубокие слои бытия, мы найдем во всех этих *Я* общую основу их, одно существо, одинаково обосновывающее и бытие Сократа, и Декарта, и Канта, так что эти три человека, столь далекие друг от друга в пространстве и времени, тем не менее в некоторой стороне своего бытия совпадают друг с другом, суть один и тот же человек в буквальном смысле этого слова (Адам Кадмон Каббалы, le Grand Etre Конта, Объективный Дух Гегеля и т. п.).

Такая интимная связь пространственно и временно раздельного кажется трудно постижимою только потому, что, следуя практическим потребностям повседневной жизни, мы непривыкли созерцать эту глубочайшую основу своего бытия. «Смотря наружу ἢ ὅθεν ἐξήμμεθα“ (от своего источника), говорит Плотин, «мы не знаем, что мы едино есмы, как многие лица, которые обращены наружу, а кнутри имеют один общий затылок» [1]).

Сторонник таких учений, конечно, идет и дальше в этом искании единого начала и в конечном итоге приходит к убеждению, что вселенная в целом есть живое существо, имеющее одну сверхвременную основу, напр. ту, которую некоторые философы называют Мировою Душою.

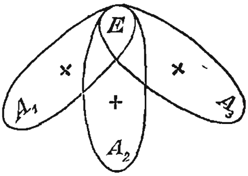
Перечисленные идеальные начала, Я Сократа, Объективный дух, Мировая Душа, будучи сверхвременными и сверхпространственными, могут находиться, как нечто буквально тожественное, во множестве различных событий, однако это не придает им характера общего понятия. В самом деле, возьмем с одной стороны понятие Я Сократа, а с другой стороны 1) Я Сократа, беседующего в тюрьме с учениками, 2) Я Сократа, размышляющего о высшем благе, 3) Я Сократа, сражающегося при Потидее и. т. д., и. т. д. Между понятием Я Сократа и тремя остальными понятиями нет отношения подчинения: нет многих экземпляров Я Сократа, образующих класс. В самом деле,

[1]) Плотин, Эннеады, VI, 5, 7.

Библиотека "Руниверс"

Я Сократа, согласно нашему идеал-реализму, есть не отвлеченная, а конкретная идея: это индивидуальное существо, творчески обнаруживающееся во времени, а не безжизненная форма, вроде идеи равенства или идеи треугольника. Поэтому различные представления и понятия о Я Сократа, суть представления о различных сторонах и случаях жизни одной и той же особи, а не различных особей. Точно так же, если существует Адам Кадмон, то Сократ, Декарт, Фома, Петр и. т. д. суть как бы органы этого индивидуального существа, а не экземпляры его, и потому отношение между понятием Адама Кадмона и понятия Сократа, Декарта и т. п. не есть отношение подчинения[1]).

Иное дело отвлеченная идея, напр. идея треугольности. Правда, и она сверхвременна и сверхпространственна; поэтому и она участвует, как нечто буквально тожественное, в бесчисленном множестве своих воплощений, напр., и в треугольнике, образуемом прямыми, соединяющими центр Земли, Солнца и Юпитера в такой-то момент времени, и в треугольнике, построенном при тригонометрическом определении расстояния какого-либо недоступного предмета и т. д., и т. д. до бесконечности. Однако, наличность одной и той-же отвлеченной идеи не превращает еще всю эту группу в одно существо; хотя члены этой группы и образуют сросток, как это иллюстрируется нижеприведенною схемою, все-же они остаются в отношении друг к другу, если иметь в виду только этот способ их объединения, особями. Группа особей, объединенных отвлеченною идеею, есть класс.



Греческая буква ε означает отвлечен ую идею (εἶδος), тождественную для трех особей A_1, A_2, A_3; знак + показывает, что особь A_1, или A_2, или A_3 не может существовать, не имея в своей основе идеального бытия ε.

Конкретное идеальное бытие, как сверхвременное начало, остающееся тожественным в смене временных процессов, многие лица, даже и мало склонные к идеал-реализму, легко допускают, напр. пользуясь в своем мировоззрении идеею души, также идеею атома. Но те же самые лица очень часто считают совершенно непонятным учение об отвлеченных идеях и вытекающее из него учение о классах. В самом деле, многие классы состоят из особей, столь чуждых друг

[1]) См. о конкретно-идеальном и отвлеченно-идеальном бытии Н. Лосский. Мир как органическое целое, гл. III, стр. 35-48.

Библиотека "Руниверс"

другу (т. е. объединенных мало содержательною отвлеченною идеею), что кажется недопустимым, чтобы они образовали все-же сросток, т. е. имели в своем составе буквально тожественное начало. Отвлеченных идей так много, они так разнообразны и потому устанавливают столько разносторонних и самых причудливых связей между вещами, далекими во всех остальных отношениях друг другу, что приходится допускать единство мира, повидимому, трудно постижимое умом. Однако, если допущена уже та целостность мира, которая обусловливается конкретно-идеальными началами, и притом так, что весь мир признается за одно живое существо, тогда нетрудно представить себе и тожество отвлеченных идей. Особенно легко понять это, рассматривая некоторые отношения. Для пояснения обратимся к простому и близкому нам примеру, не требующему углубления и наиболее сокровенные недра мировой цельности. Кто признает субстанциальность и сверхвременность своего я, тот, напр., наблюдая свою радость при получении письма от друга, потом свое огорчение при чтении этого письма, сообщающего грустное известие, потом свое желание ответить на письмо, находит, что все эти три состояния связаны с *я* отношением принадлежности; состояния эти возникают и исчезают во времени, а само отношение принадлежности совершенно лишено характера временного нарастания и отмирания; множественность сменяющих друг друга содержаний вовсе не принуждает эту форму меняться, она остается буквально, численно тою же самою, что бы ни было объединено посредством нее.

Всякое математическое понятие, напр., понятие всякого числа, три, пять и т. п. есть такая сверхвременная форма, имеющая значение для самых разнообразных содержаний. Три ореха, три звука, три добродетели имеют в своей основе буквально одну и ту же форму три: может существовать множество троек орехов, но сама тройственность, сама отвлеченная форма «три» существует не во многих экземплярах, она есть нечто единственное для применения ко всякому материалу, вроде того, как если прибегнуть к грубому и неточному сравнению, одна и та же матрица годится для чеканки множества монет.

Указанные отвлеченные понятия можно назвать формальными. От них следует отличать такие отвлеченные понятия, как, напр., человечность (природа человека), сыновство (отношение сына к родителям), и. т. п., имеющие в виду не только форму, но и содержание бытия. Их можно назвать материальными отвлеченными понятиями. Несмотря на свою содержательность, они все же сами по себе не способны превратить многие единичные события или существа в одно живое существо; объединение, производимое ими, есть только соединение многих особей в один класс, строение которого пояснено приведенною выше схемою. Таким образом люди Фома, Петр, Семен и т. п. в одном отношении, именно поскольку они объединены

Библиотека "Руниверс"

общею им отвлеченною идеею человечности, составляют группу особей (экземпляры) одного и того же класса, а в другом отношении, именно поскольку они входят в состав Le Grand Etre Конта или Адама Кадмона Каббалы (если допустить, что такое существо есть), суть не экземпляры, а органы (части) этого живого существа.

Не надо, однако, упускать из виду, что и всякая отвлеченная идея, как это видно из схемы, есть всегда некоторая единственная в мире сущность; как нечто единственное, всякая из них отличается от всего остального в мире, имеет, так сказать свою индивидуальную физиономию, и, следовательно, мысль о ней есть единичное понятие; в этом отношении, следовательно, нет различия между мыслью об отвлеченной идее, напр., о трех (или о человечности) и мыслью о единичном событии, напр., о падении колокольни св. Марка в Венеции. Но громадное различие между этими двумя объектами заключается в том, что первый из них сверхпространственно и сверхвременно одинаковым способом объемлет весьма многое, тогда как второй из них, будучи временным процессом, такого многообъемлющего значения иметь не может.

§ 39. Многообъемлющими связями отвлеченной идеи объясняется множественность применений и ролей такой идеи в строении бытия, а отсюда в свою очередь становится понятным разнообразие форм сознания общего. Так, Гуссерль говорит о следующих видоизменениях сознания общего: «то подразумевается вид в его идеальном единстве (напр., тон ступени с, число 3), то класс, как совокупность особей, причастных общему (все тона такой-то ступени; формально: все А), то неопределенное единичное данного вида (ein A) или класса (какое-либо из А), то это определенное, единичное, мыслимое, однако, как носитель аттрибута (это А здесь) и т. д.» [1]).

Язык не может угнаться за этим разнообразием видов сознавания, и потому один и тот же термин имеет много различных смыслов, установить которые удается только из контекста речи. Так, грамматические формы еще вовсе не определяют, имеем ли мы дело с отвлеченным или конкретным общим понятием. Для пояснения обратимся опять к приведенной уже схеме, предполагая, что ε есть идея человечности (человеческой природы), т. е. отвлеченная идея, а $A_1+\varepsilon$, $A_2+\varepsilon$, $A_3+\varepsilon$ суть особи (Фома, Петр, Иван). Предложение «человеку свойственно заблуждаться» (errare humanum est) может служить для выражения весьма различных мыслей. Так, слово «человек» может означать «человечность» («человеческой природе свойственно заблуждение»), но оно же может означать и «любой (всякий) человек» или даже «все люди» (весь класс). В первом случае

[1]) Husserl, Logische Untersuchungen (1 изд.), II т., II отд., 4 гл., § 26, стр. 170.

Библиотека "Руниверс"

слово «человек» служит для выражения отвлеченного понятия, а во втором и третьем для выражения общего конкретного понятия.

Отвлеченным (или абстрактным) будем называть всякое понятие, предметом которого служит отвлеченно-идеальное бытие, а конкретным—всякое понятие, предметом которого служит конкретно-идеальное бытие или реальное бытие (реальное существо или событие), или воплощение отвлеченной идеи (напр., треугольник, образуемый пересечением прямых, соединяющих центры Солнца, Земли и Юпитера в такой-то момент) или класс таких конкретных предметов (напр., все треугольники).

Отсюда ясно, что общность понятия, как бы она ни была велика, еще не создает отвлеченности понятия. Как единичные, так и общие понятия могут быть конкретными; напр., понятие животное, или понятие живое существо (все животные, все растения и т. п.), или даже существо (если придать этому термину то-же значение, которое он имеет в предъидущем выражении) суть конкретные понятия. Точно также, наоборот, отвлеченные понятия могут быть и общими, и единичными. Если предметом понятия служит сама отвлеченная идея, напр. идея человечности (ε в нашей схеме), то в виду единственности этого предмета, согласно учению идеал-реализма, само это понятие единично. Термин «человечность» (в смысле «всякий случай человечности») означает общее отвлеченное понятие лишь в том случае, когда под ним мыслится класс (всякий случай человечности» (ему подчинены такие более частные понятия, как человечность монгола, человечность кавказца и т. п.); наконец, человечность (человеческая природа) такого-то определенного человека, напр. Петра Великого, само собою разумеется, есть единичное отвлеченное понятие [1]).

Понятие можно считать общим лишь в том случае, когда предметом служит класс, обосновываемый отвлеченною идеею и притом мыслимый разделительно, а не собирательно, т. е. мыслимый, как множество особей (напр., все люди, также все формы человечности), а не как целость особей (человечество). Кроме того, термин означает общее понятие и в том случае, когда под ним мыслится любой представитель класса (напр., под словом человек — любой человек, под словом человечность—любая форма человечности).

§ 40. Класс, мыслимый разделительно, как предмет понятия, называется объемом понятия. Отвлеченная идея, поскольку она обосновывает общее понятие о классе особей, именно—характеризует свойства любой особи, называется содержанием понятия.

---

[1]) О том, что терминам отвлеченный и конкретный нужно вернуть значение, которое придавали им средневековые философы, см. соображения Милля в его „Системе логики“, кн. I, гл. II, § 4.

Библиотека "Руниверс"

Число особей, составляющих объем общего понятия иногда бывает определенным, ограниченным (таково, например, понятие Апостолы Иисуса Христа), но очень часто он бывает неопределенным или даже бесконечным (например, понятие человек, треугольник). Отсюда возникает вопрос, как можно мыслить бесконечное число особей разделительно. Ответить на него в духе интуитивизма и идеал-реалистического учения можно следующим образом. Мыслить множество это не значит переживать в своей душе соответственное этому множеству количество образов: само транссубъективное множество в подлиннике, согласно интуитивизму, становится предметом созерцания и этот акт созерцания не множествен, он един, но направляется сразу на множество (как сказано уже выше, не надо переносить на акт знания свойства предмета знания: акт может быть единым, а предметов может быть множество). Единство созерцания в данном случае, пожалуй, еще легче понять, чем охватывание единым взором множества выставленных в окне магазина разнообразных предметов: ведь, мысля класс разделительно, как множество, мы берем это множество так сказать, с того конца, где оно сливается в единство, именно со стороны отвлеченной идеи ε (см. схему, 89 стр.) и привесок к этому ε, бесчисленные воплощения идеи в особях A_1,A_2, A_3и т. д. предстоят пред нашим умственным оком, как объединенное идеею все, причем в этом все мы не созерцаем видовых и индивидуальных отличий особи A_1, от особи A_2 и т. д., потому что берем их только со стороны воплощенности в них идеи ε. Таким образом теряет силу насмешливое замечание Бредли: «Я полагаю, что под классом вы разумеете группу подлинно существующих образов; но, когда я обращаюсь к фактам и пробую заглянуть в мой дух и подметить, что имеется в нем, когда я произношу слово «млекопитающие», или «треугольники», или «кошки», мне едва ли когда удается уловить актуальную группу образов. Мысль, будто млекопитающие есть название для скопища образов млекопитающих, столпившихся вместе в моем духовном поле зрения, и что среди них я могу подметить небольшую группу «собак» и всех кошек, сидящих вместе, крыс, кроликов и слонов, которые имеют курьезные метки соотношений между собой, а также с «четвероногими», «плотоядными», «последовыми» (placentalia), и еще Бог знает что, — нет, думается мне, все это ни капли не похоже на правду. Эти скопища и стада нереальны, это — чистейшие выдумки» [1]). Это замечание задевает только представителей номинализма, для которых общее понятие о классе есть коллекция индивидуальных образов, но оно не затрогивает идеал-реализма, согласно которому общее понятие имеет

---

1) Bradley, The Principles of Logic, 162; переведена цитата И. И. Лапшиным в его „Гносеологических исследованиях“ стр. 41.

Библиотека "Руниверс"

и может иметь в виду коллекцию особей, не созерцая еще их индивидуальной физиономии.

Из схемы и соответствующего ей учения видно, что объем общего понятия обусловливается содержанием его. Приоритет содержания должен отразиться и в теориях логики при решении самых разнообразных проблем. Между тем, вследствие наглядности отношений объемов (а в настоящее время и вследствие удобства математической обработки учений об этих отношениях), а также вследствие склонности многих мыслителей к номинализму, в логике до сих пор преобладают теории, исходящие из рассмотрения объемов понятий. В этом отношении можно говорить о двух течениях в логике — об экстенсионализме (логика объема) и компрегенсивизме (логика содержания). Различие между этими течениями будет уяснено позже в связи с многими частными вопросами, при решении которых здесь будет отстаиваться точка зрения логики содержания.

§ 41. Вопрос об условиях возможности единичных (индивидуальных) понятий, пожалуй, еще менее выяснен в логике, чем проблема общих понятий. Единичное понятие не имеет объема, так как предметом его служит не класс особей, мыслимый разделительно, а один единственный в мире предмет. Оно имеет в виду предмет посредством совокупности различенных в нем сторон, т. е. посредством признаков (всякая различенная сторона предмета называется признаком), которые составляют содержание понятия. Итак, у единичного понятия нет объема, но есть содержание.

Отвлеченные понятия, согласно широко распространенному, хотя и ложному убеждению, все принадлежат к числу общих понятий. Отсюда возникает недоумение, как возможны единичные понятия, если содержание их складывается преимущественно из отвлеченных признаков. К тому-же, индивидуальное бытие считается неисчерпаемо содержательным бытием; если даже оно принадлежит к области ограниченного бытия, то все-же оно есть бытие, сполна определенное во всех отношениях, а этих отношений бесконечно много. Отсюда опять возникает недоумение, как возможно исчерпать бесконечное содержание конечным числом отвлеченных признаков. Неудивительно, что некоторые представители логики отвергают существование единичных понятий и вместе с тем не допускают, чтобы возможны были infimae species (низшие виды).

Последовательно развивая учение идеал-реализма, можно возразить в ответ на эти сомнения, что всякий предмет есть нечто единственное в мире. Даже общее многому, идея, мыслимая в отвлеченном понятии (ε в схеме на стр. 89), напр., человечность, доброта, красный цвет и т. п. есть нечто единственное в мире и потому составляет предмет единичного понятия, и только в том случае, когда под этими терминами мы хотим разуметь нечто

Библиотека "Руниверс"

множественное, класс, именно все видоизменения человечности, доброты, красного цвета и т. п., мыслимые разделительно, в нашем уме находится общее понятие. Даже и тогда, когда мы мыслим класс, если мы имеем его в виду не разделительно, а собирательно, напр. русские в смысле русский народ, животные в смысле царства животных, тотчас оказывается, что в нашем уме наличествует единичное, а не общее понятие.

Таким образом, как это ни парадоксально, можно утверждать, что в большинстве случаев, особенно тогда, когда мы мыслим отвлеченными понятиями, они оказываются единичными. Что касается конкретного бытия, всякое существо, всякое событие и всякий отрезок реального мира действительно есть нечто неисчерпаемое, но для того, чтобы такое бытие было предметом понятия, однозначно определенного, т. е. имеющего в виду единственный в мире предмет, вовсе не требуется исчерпать это бытие: достаточно иметь в содержании понятия признаки, совокупность которых указывает на то, что имеется в виду единственный предмет; таково, напр., понятие центр мира (пример Зигварта) [1]. Впрочем, для единичности конкретного понятия не требуется даже и таких однозначно определяющих предмет признаков, если принять теорию интуитивизма, согласно которой предмет имеется в виду в подлиннике. В самом деле, если мысля конкретный предмет, я имею в виду «этот» предмет в подлиннике, то единичность понятия обеспечена; само собою разумеется, для того, чтобы знать, что мышлению подлежит «этот» предмет, напр. «русский народ», не требуется указания на него пальцем, достаточно мысленной (интуитивной) направленности на него. Возможно возражение, что мыслить русский народ, как народ, заселивший великую равнину Восточной Европы, образовавший государство, зачатки которого относятся к IX веку и т. п., это еще не значит иметь единичное понятие, хотя бы принимая во внимание следующее соображение Манселя: «Нет логически обоснованного возражения против такого воззрения, будто вся история человечества через известные промежутки повторяется, и что имя и действия Цезаря могут быть последовательно найдены у различных индивидуумов, в соответствующие периоды каждого цикла:

Alter erit tum Tiphys et altera quae vehat Argo
Delectos heroas; erunt etiam altera bella
Atque iterum ad Trojam magnus mittetur Achilles" [2])

Эти соображения, однако, имеют силу только для тех теорий, которые разъединяют предмет и понятие о нем. Если же признать,

[1]) Sigwart, Logik, I, 359 (3 изд.)

[2]) Мансель, Prolegomena logica, цитата взята мною из „Гносеологических исследований" И. И. Лапшина, вып. I, Логика отношений и силлогизм, стр. 77.

Библиотека "Руниверс"

как это утверждает интуитивизм, что ум, мыслящий понятие, направлен на сам предмет в подлиннике, то ясно, что даже в случае палингенезии ничто не мешает нам иметь единичные понятия: в самом деле, допустим, что кроме русского народа, существующего теперь, т. е. в том цикле эволюции, к которому принадлежит эта моя теперешняя жизнь, существовал в предшествующем цикле второй русский народ, в еще более раннем цикле третий русский народ и т. д., и т. д. В таком случае, размышляя о прошлом русского народа, обусловившем теперешнюю революцию, я направляю свое внимание на русский народ теперешнего цикла и, следовательно, имею единичное понятие; в следующую минуту, фантазируя в духе учений палингенезии, я имею в уме новый предмет, русский народ, отнесенный мною, напр., ко второму циклу развития и направляю свое внимание на этот новый предмет, имея в уме опять единичное понятие и т. д.

Согласно изложенному учению, предметом мышления чаще бывают единичные, чем общие понятия, даже и в математике, механике, физике. Объясняется это тем, что ум, занятый научными исследованиями, отыскивает не столько законы, сколько необходимые связи между различными сторонами бытия. Зная необходимые связи, легко уже перейти от них к мышлению о законах [1]).

3. Номинализм.

§ 42. Номинализм развивает теорию общих понятий, глубоко отличающуюся по духу от идеал-реализма. В составе бытия Сократа, Декарта, Канта, Фомы, Петра, Ивана и т. п., согласно номинализму, нет тожественной сверхвременной и сверхпространственной сущности; каждый отдельный человек всем своим бытием сполна внеположен в отношении к другому человеку, и в уме наблюдателя могут существовать только единичные, вполне индивидуализированные представления о них. Тем не менее мышление может быть направлено не только на отдельные особи, но и на целый класс их. Достигается это благодаря способности речи, именно благодаря тому, что, наблюдая Фому, Петра, Ивана и т. п., мы обозначаем каждого из них, вследствие сходства между ними, одним и тем-же словом «человек» (или вообще каким-либо чувственным знаком). Таким образом в нашем уме устанавливается ассоциация между словом «человек» и множеством единичных представлений о единичных особях, о Фоме, Петре и т. п. Слово «человек» служит

[1]) Об отношении между необходимостью связи и законосообразностью связи см. в моей статье „Реформа понятия сознания в современной гносеологии и роль Шуппе в этом движении“, в сборнике моих статей „Основные вопросы гносеологии“, стр. 194-203.

Библиотека "Руниверс"

исходным пунктом для образования целой обширной связки (коллекции) единичных представлений. Класс именно и есть не более, как такая связка единичных представлений; слово (имя, nomen) играет роль объединяющего средства вроде того, как мочало сдерживает вместе пучек розог в венике (в виду этого выдающегося значения слова для образования понятия теория эта называется *номинализмом*). Мыслить общими понятиями, согласно такому учению, значит мыслить пачками единичных, вполне индивидуализированных представлений. Точно так же общее суждение, по этому учению, есть связка единичных суждений; так, напр., суждение «человек — двуногое существо» есть коллекция единичных суждений «Фома двуногое существо, Петр двуногое существо» и т. д. Вступив на путь отрицания общего, номинализм не останавливается на превращении общих представлений в единичные вещи. Логически неизбежно сами единичные вещи, напр. Исаакиевский собор, превращаются с точки зрения номинализма в связку единичных представлений, соответствующих сегодняшним, вчерашним и т. д. актам восприятия познающего субъекта и не заключающих в себе тожественного элемента, хотя бы уже потому, что эти акты восприятия совершались в различное время. Таким образом, мир распадается на единичные события (содержания восприятия), обладающие каждое сполна своим особым индивидуальным содержанием.

Произнося слово или высказывая предложение, не необходимо иметь в своем уме все ассоциированные с ними единичные представления или суждения; достаточно, если мы сознаем *возможность* вспомнить их. «Так как слово это», говорит Юм, классический представитель номинализма, «не может оживить идеи всех этих единичных объектов, — то оно лишь затрагивает душу, если позволительно так выразиться, и пробуждает ту привычку, которую мы приобрели путем рассмотрения этих идей. Последние не действительно, не фактически, но лишь в возможности наличны в духе; мы не рисуем их отчетливо в воображении, но держим себя наготове к обзору любых из этих идей, в случае если нас побудит к тому какая-нибудь наличная цель или необходимость» [1]). Произвести действительный обзор единичных представлений необходимо бывает в том случае, когда требуется проверить правильность высказанного нами сочетания слов. «Если мы, упомянув слово треугольник», говорит Юм, «образуем при этом единичную идею равностороннего треугольника и станем затем утверждать, что *три угла треугольника равны между собою*, — другие единичные идеи равнобедренного и разностороннего треугольника, которые мы сперва оставили без внимания, тотчас же предстанут перед нами и заставят

---

[1]) Юм, Трактат о человеческой природе, кн. I, Об уме, перев. С. Церетели, стр. 24

Библиотека "Руниверс"

нас заметить ложность этого положения, хотя оно и верно по отношению к идее, образованной нами сперва»[1]).

Забегая вперед, необходимо уже теперь рассмотреть следующее затруднение для номинализма. Общие суждения имеют значение для бесконечного множества единичных предметов; но пересмотреть одну за другою бесконечное множество особей, получить о каждой из них индивидуализированное представление и затем сложить из них путем суммирования бесконечно большую связку нельзя; значит, последовательное развитие номинализма должно создать скептическое отношение к общим суждениям, именно должно привести к отрицанию возможности абсолютно достоверного обоснования общих суждений. Для идеал - реалистического учения этой трудности не существует: связка особей не суммируется умом познающего субъекта, а объективно существует благодаря лежащей в основе всех особей одной и той же идее, так что созерцающему уму остается лишь совершить моментальное обозрение ее и притом рассматривать особи не в индивидуализированном виде, а лишь поскольку каждая из них есть воплощение идеи. Конечно, идеальное бытие, а также единство воплощений его не могут быть предметом чувственного наглядного созерцания; проникновение в эту область доступно человеку лишь в такой мере, в какой он развивает в себе способность умозрения, т. е. разум, вообще духовность. Неудивительно поэтому, что номиналисты, отрицающие идеальное бытие и пытающиеся свести общее к коллекции наглядно данного единичного, считают себя трезвыми мыслителями, опирающимися на несомненный наглядный опыт, а идеалистов — фантазерами. Противник Платона, Антисфен заявил: «лошадь я вижу, но лошадности не вижу». На эту критику Платон ядовито возразил: «не удивительно, — глаза, — которыми можно видеть лошадь, у тебя есть, а того, посредством чего можно усмотреть лошадность» (разума) «у тебя не хватает».

Всякая попытка изгнать из мира какой - либо основной элемент и построить теорию, низводящую его на степень чего-то производного из других элементов, или заключает в себе petitio principii или приводит к регрессу в бесконечность. В таком положении находится и номинализм, поскольку он пытается отрицать идеальное бытие, сверхвременно и сверхпространственно тожественное многому. В самом деле, чтобы объяснить мышление общими понятиями, он ссылается на то, что многие единичные представления могут быть ассоциированы с одним и тем - же словом, напр. со словом человек. Однако, согласно учению самого номинализма, слово «человек» существует не иначе, как осуществляющийся во времени процесс произнесения звуков «человек», процесс, каждый

[1]) Там же, стр. 25.

Библиотека "Руниверс"

раз совершающийся некоторым единственным, индивидуальным, неповторимым более способом, и говорить, что единичные представления Фомы, Петра, Ивана и т. д. ассоциировались в нашем уме с одним и тем-же словом это значит ссылаться не на единичные события произнесения слова человек, а на общую всем им идею слова человек. Таким образом номиналист, отрицая существование идей, в тоже время для объяснения возникновения в нашем уме коллекции единичных представлений тихомолком ставит в центр этой коллекции идею; так, в приведенном примере номиналист отказывается допустить идею человека, но зато вместо нее незаметно для себя допускает идею слова «человек». Если бы номиналист попытался избежать этого petitio principii, то ему пришлось бы объяснить, как образовалось общее понятие слова «человек»; следуя духу своей теории, он должен был бы признать, что это общее понятие есть тоже связка представлений о единичных случаях произнесения слова человек, и что она образовалась в нашем уме путем ассоциации с каким-либо другим одним и тем-же чувственным знаком; конечно, и по поводу этого второго чувственного знака возник бы тот же вопрос и т. д. до бесконечности [1]).

4. Концептуализм.

§ 43. Концептуализм, как и номинализм, отвергает сверхвременное и сверхпространственное идеальное бытие, однако он не низводит общие понятия на степень лишь коллекции индивидуализированных единичных представлений. По мнению концептуалиста, единичные представления могут быть подвергнуты умом познающего субъекта такой обработке, благодаря которой из них получается, по крайней мере, как субъективный продукт, общее понятие, единая мысль (концепт), служащая в некоторых отношениях выражением любого единичного предмета какого-либо класса. Для получения этого продукта, говорят они, достаточно подвергнуть единичные представления анализу (разложить их на элементы) и затем отвлечь из них те элементы, которые окажутся сходными. Так, общее представление дома получается из единичных представлений следующим образом: как бы ни были разнообразны дома по архитектуре, материалу, постройке, величине, все же у всякого дома есть крыша, окна, двери и т. п.; отвлекая эти признаки, присущие всем домам, мы получаем общее представление дома.

Итак, идеализм для объяснения общего понятия допускает существование особого царства бытия, а концептуализм полагает,

---

[1]) О недостатках номинализма см., между прочим, исследования Гуссерля в его „Logische Untersuchungen", II отд, гл. 3-5 и приложение „Moderner Humanismus", см. также Г. Гомперц „Weltanschauungslehre т. I, Methodologie, особенно критику взглядов Корнелиуса (есть русский перевод).

Библиотека "Руниверс"

что этого не требуется: нечто столь своеобразное, как общее понятие, он надеется получить из необщего. Крайняя простота концептуализма наводит на мысль, что в нем кроется какой-нибудь недочет, и в самом деле этот недочет обнаружить нетрудно: крыша, окно, дверь и т. п., как признаки, присущие всем домам, суть уже общие, а вовсе не единичные представления, следовательно, ссылаясь на них, нам показали только, как из сравнительно простых общих представлений можно составить более сложное общее представление, нам показали, как из кирпичей можно сложить стену, между тем вопрос о том, как впервые возникли общие представления из необщих, как возникли кирпичи, остался вовсе неразрешенным, и разрешить его этим путем нельзя: в самом деле, это объяснение заключает в себе petitio principii, а если для устранения его мы станем объяснять возникновение общих представлений крыши, окна и т. п. тем же способом (ссылаясь на сравнение и отвлечение), то получится новое petitio principii, для устранения которого придется прибегнуть к тем же размышлениям и т. д. до бесконечности. Элементарное изложение концептуализма слишком грубо обнаруживает недостатки этой теории. Возможна и такая постановка вопроса, при которой они глубоко скроются. Можно утверждать, что различные вещи (и представления) содержат в себе элементы неразличимо сходные (одинаковые) по содержанию, но численно различные, существующие в разных местах пространства, в разные времена (в этом смысле они не тожественны, так что единого во многом в вещах нет, идеального бытия нет); отвлекая эти элементы из единичных представлений, мы получаем представление (или понятие), служащее заместителем (концептуалистическая теория представительства) многих единичных представлений. Эта теория опирается на понятие неразличимо сходных, т. е. одинаковых по содержанию, но численно различных элементов. Но здесь является вопрос, возможно ли существование одинаковости содержания без тожества содержания в каком-либо отношении.

На этот вопрос приходится ответить, что понятие одинаковости и даже вообще понятие сходства неизбежно ведет к ссылке на понятие тожества или, в случае нежелания прибегнуть к этому понятию, заключает в себе бесконечно повторяющуюся проблему. Гуссерль в своих «Logische Untersuchungen» говорит об этом следующее: «Везде, где есть одинаковость, есть также тожество в строгом и истинном смысле этого слова. Мы не можем называть две вещи одинаковыми, не указывая той их стороны, с которой они одинаковы. Той стороны, сказал я, и здесь то и заключается тожество. Всякая одинаковость имеет отношение к роду, которому подчинены сравниваемые вещи, и этот род не есть нечто опять-таки лишь одинаковое с обеих сторон, так как в противном случае возникал бы противоречивый regressus in infinitum

Библиотека "Руниверс"

(регресс в бесконечность). Обозначая сравниваемую сторону, мы указываем с помощью более общего родового термина тот круг специфических различий, в котором находится тожественная сторона сравниваемых вещей. Если две вещи одинаковы со стороны формы, то соответствующий род формы есть тожественный элемент в них; если они одинаковы со стороны цвета, то в них тожествен род цвета и т. д. Правда, не всякий род может быть обозначен точно словами, и потому нередко мы не находим подходящего выражения для обозначения сравниваемой стороны вещей, иногда нам трудно бывает ясно указать ее; тем не менее мы имеем ее в виду, так что она определяет наше утверждение одинаковости вещей. Если бы кто-либо, хотя бы только в отношении к чувственной стороне восприятий, стал определять тожество, как пограничный случай одинаковости, то это было бы извращением истинного отношения между понятиями. Не одинаковость, а тожество есть нечто абсолютно неопределимое. Одинаковость — есть отношение предметов, подчиненных одному и тому же роду. Если бы не могло быть речи о тожестве рода, о той стороне, с которой существует одинаковость, то не могло бы быть и речи об одинаковости» [1]).

Можно попытаться спастись от этих соображений ссылкою на то, что сходное не имеет никакого отношения к тожеству, так как неразличимо сходное является таковым для нас, а в действительности оно заключает в себе различия. Однако, это возражение недопустимо в имманентной теории знания, не раздваивающей мира на представления о вещах и действительные вещи: то, что представляется, как не различающееся между собой, и на самом деле есть не различное, а тожественное; если же дальнейшее исследование вскроет различие там, где мы раньше видели только тожество, то от этого тожество не перестанет быть тожеством, оно только дополнится при этом усмотренными различиями.

Пользуясь аргументациею, аналогичною той, к которой прибегнул Гуссерль для опровержения юмовской теории различения признаков вещей [2]), можно указать еще один недостаток, присущий всем концептуалистическим теориям и состоящий опять-таки в том, что проблема оказывается или бесконечною, или для окончания ее нужно прибегнуть к идеал-реализму. Сходство (при численном различии, при отсутствии тожества) не может быть последним основанием для возникновения общего представления уже потому, что всякая вещь сходна со многими другими вещами в различных отношениях. Положим, вещь *a* сходна с вещами *b, c* и *d* в одном отношении и с вещами *k, l* и *m* в другом отношении, так что *a, b, c* и *d* составляют один класс и *a, k, l, m* другой класс; если классы образуются на основании чувства сходства, то, следовательно, относя вещь *a* в одном

[1]) Husserl, Logische Untersuchungen, II, стр. 112 с.
[2]) Там же стр. 194 с.

Библиотека "Руниверс"

отношении к первому классу, а в другом ко второму, я должен различать два разные чувства сходства, два разные круга сходств, т. е. должен уже иметь классификацию сходств; по поводу этой классификации является вопрос, откуда она возникла, и если в ответ на это мы снова сошлемся на чувство сходства, то проблема окажется бесконечною, если же во избежание бесконечности мы сошлемся где-либо на тожество, то концептуалистическая теория превратится в идеал-реалистическую [1]).

Избежать всех этих возражений концептуалист не может до тех пор, пока он убежден, что, анализируя представление единичного объекта, он разлагает его на элементы, равноценные по своему бытию. Если этого убеждения нет, то легко может случиться, что лицо, на словах признающее себя концептуалистом, на деле окажется сторонником идеал-реализма. В самом деле, допустим, что анализ единичных представлений A_1, A_2, A_3 разлагает их на признаки εab, εcd, εef, причем латинские буквы отмечают реальные стороны единичного объекта, а греческая буква ε — идеальную сторону его; тогда отвлечение, выделяющее из единичных представлений ε, приводит к усмотрению в чистом виде идеи ε, лежащей в основе объектов A_1, A_2, A_3. Такое учение, конечно, есть не концептуализм, а идеал-реализм: оно утверждает, что анализ и отвлечение суть субъективно-психические приемы, направленные на предмет только для того, чтобы выделить из его состава сверхвременную идею, между тем как концептуализм утверждает, что анализ и отвлечение выделяют в уме субъекта временной концепт, служащий представителем вместо любого другого экземпляра того же класса, как серебряный рубль при платеже долга служит представителем любого другого серебряного рубля.

§ 42. Наконец, следует еще упомянуть о теории, называемой умеренным концептуализмом или умеренным номинализмом. Согласно этому учению, роль общего понятия играет в нашем уме индивидуализированное единичное представление, мыслимое однако так, что внимание наше сосредоточивается не на всем его составе, а выдвигает на первый план только часть его признаков, именно признаки, сходные с признаками других вещей, образующих класс. Так, мыслить общее понятие треугольника можно, согласно этой теории, не иначе, как представляя такой-то единичный треугольник, напр. остроугольный треугольник с углами в 30°, 70° и 80° и такою-то величиною сторон, но обращая в нем внимание только на то, что это площадь, ограниченная тремя пересекающимися прямыми. Сходство и различие между крайним концептуализмом и умеренным состоит в следующем: обе теории признают, что в составе каждого единичного представления о вещах, которые могут быть

[1]) См. мое „Обоснование интуитивизма", гл. VIII, общее и индивидуальное.

Библиотека "Руниверс"

отнесены к одному и тому же классу, есть ядро, которое, будучи выделено путем анализа и отвлечения, играет роль представителя любого экземпляра того же класса; но крайний концептуализм считает способность отвлечения настолько могущественною, чтобы выделить это ядро из единичного представления начисто и мыслить его отдельно от индивидуальных признаков, а умеренный концептуализм полагает, что способность отвлечения не обладает для этого достаточною силою, что она может только подчеркнуть это ядро, но не вырвать его из состава индивидуализированного единичного представления. Таким образом принципиального различия между крайним и умеренным концептуализмом нет; умеренный концептуализм обращает только внимание на особенность, действительно присущую если не всем, то, может быть, некоторым умам, образовать столь тесную ассоциацию между всеми признаками единичного представления и обладать столь живым воображением, что, мысля общее понятие, они неизбежно находят в своем уме еще и индивидуализированные единичные представления. Напротив, разница между умеренным концептуализмом и крайним номинализмом принципиальна: крайний номинализм отвергает существование однородного ядра в различных единичных представлениях и сводит общее понятие лишь к коллекции индивидуализированных единичных представлений. Поэтому мы полагаем, что указанную теорию не следует называть умеренным номинализмом.

Умеренный концептуализм, как и крайний, может оказаться безотчетным идеал-реализмом, выступающим против идеал-реализма лишь по недоразумению. В самом деле, допустим, что анализ единичного представления A_1 разлагает его на признаки εab, причем латинские буквы отмечают реальные стороны объекта, а греческая буква ε — идеальную сторону его; тогда отвлечение, состоящее хотя бы и не в выделении ε, а только в подчеркивании его вниманием, приводит все же к усмотрению идеи, лежащей в основе и A_1, и A_2, и A_3 и т. д. Это — идеал-реализм, утверждающий, что мы неспособны созерцать идею в чистом виде, что мы можем наблюдать ее не иначе, как погруженною в сферу реального бытия. И действительно, некоторые люди всегда, а другие, по крайней мере, в случае мышления о мало привычных объектах не могут обойтись без наглядных чувственных представлений. Однако, новейшие исследования, напр. опыты, производимые вюрцбургскою школою психологов, показывают, что мышление без наглядных представлений есть явление, весьма распространенное в нашей душевной жизни [1]).

[1]) См. напр., статью Кюльпе, „Современная психология мышления" (в „Новых идеях в философии" № 16), статью А. Крогиуса „Вюрцбургская школа экспериментального исследования мышления" (там же), статью К. Bühler' а „Tatsachen und Probleme zu einer Psychologie der Denkvorgänge (в Archiv für die gesamte Psychologie, 1907 г, IX и XII), Messer — Empfindung und Denken, O. Selz, Ueber die Gesetze des geordneten Denkverlaufs и др.

Библиотека "Руниверс"

5. Сходства и различия номинализма, концептуализма и идеал-реализма.

§ 43. В заключение сопоставим друг с другом идеал-реалистическое, номиналистическое и концептуалистическое учение для выяснения их сходств и различий: 1. Идеал-реализм утверждает, что общее существует в познаваемой действительности и вступает в подлиннике в сознание познающего субъекта; концептуализм утверждает, что оно существует только в уме познающего субъекта, но не в познаваемой действительности, а номинализм утверждает, что оно не существует ни в действительности, ни в уме познающего субъекта.

2. Согласно учению идеал-реализма общее первоначально (не производно из других элементов мира), а по учению концептуалистов и номиналистов общее или суррогат общего производно из индивидуального.

3. Номинализм не может считать достоверными общие суждения, а концептуализм неизбежно должен допустить трансцендентность познаваемых объектов в отношении к общим суждениям о них, поскольку общие суждения состоят из субъективно созданных общих понятий, а вещи индивидуальны. Только идеал-реализм может построить теорию знания, которая была бы и вполне имманентною и вполне обосновала бы достоверность общих суждений.

4. Идеал-реализм признает почти все виды сознания общего, допускаемые в отдельности остальными теориями. В самом деле, крайний концептуализм утверждает, что сознавать общее это значит иметь в уме одно не индивидуализированное представление; идеал-реализм находит такой вид сознания общего, напр., в суждении «любому человеку свойственно ошибаться». Умеренный концептуализм утверждает, что сознавать общее это значит иметь в уме одно индивидуализированное представление, подчеркивая в нем вниманием не индивидуализированное ядро; идеал-реализм признает, что многие лица в силу индивидуальных психологических особенностей своего мышления чаще всего именно таким способом представляют смысл вышеприведенного суждения «любому человеку свойственно заблуждаться». Наконец, номинализм утверждает, что сознавать общее это значит иметь в уме связку единичных представлений; идеал-реализм согласен с номинализмом, присоединяя, однако, оговорку, что эта связка (напр., в суждении «все люди заблуждаются») состоит из неиндивидуализированных единичных представлений и объединена не словом, а идеею.

Гибкость и разносторонность идеал-реалистического учения есть немаловажное преимущество его. Не удивительно, что в современной гносеологии и логике совершается в широких размерах и весьма разнообразными способами возрождение платоновского идеализма, обыкновенно, в какой-либо модернизированной форме. Чтобы отдать

Библиотека "Руниверс"

себе отчет в этом, достаточно сравнить, напр., «Logische Untersuchungen» Гусссерля (II том) с теориями трансцендентально-логического идеализма марбургской школы (Когена, Наторпа и др.) или фрейбургской школы (Рикерта и др.), а также с идеал-реализмом в русской философской литературе (напр., в книге Флоренского «Столп и утверждение истины», Франка «Предмет знания», Булгакова «Свет невечерний», Лосского «Мир как органическое целое»).

6. Отвлечение, открывающее идеи.

§ 44. Изложенное идеал-реалистическое учение предполагает, что идеи могут быть выделены путем отвлечения из состава непосредственно наблюдаемого, даже чувственно воспринимаемого бытия. Однако, по поводу некоторых идей могут возникнуть сомнения, чтобы они могли быть найдены таким путем. Так, напр., прямая линия или точка, повидимому, нигде в наблюдаемом бытии не даны. Затруднение заключается не в том, что все чувственно воспринимаемые протяженные вещи трехмерны, а прямая линия одномерна: если бы в природе встречались стволы деревьев, волоса, шерстинки и т. п., имеющие точную форму цилиндра, то простая задача абстракции сводилась бы к тому, чтобы отвлечься от двух измерений и иметь в виду лишь длину. Однако, уже геометрически точный цилиндр есть идеальная форма, повидимому, нигде в материальных предметах не данная. Чем точнее мы воспринимаем материальный предмет, тем больше находим в нем неровностей и даже контуры темных предметов, четко вырисовывающиеся на фоне голубого неба, никогда не соответствуют тому, что геометр называет прямою линиею. Отсюда, повидимому, неизбежно следует, что понятия прямой, точки и т. п. не могут быть отвлечены от восприятия конкретных предметов и должны считаться конструкциями нашего ума, свободными порождениями нашей умственной деятельности, возникающими по поводу данных восприятия, но глубоко отличными от их содержания. Таковы учения психологистического идеализма, резко отличного от идеализма Платона; в самом деле, согласно такому учению, идеи не суть сверхвременные и сверхпространственные моменты транссубъективного бытия, они низводятся на степень временного субъективного психического процесса в уме мыслящего индивидуума. Наука, состоя из таких идей, может дать знание о природе лишь постольку, поскольку сама природа низводится на степень лишь явления в человеческом уме.

Вопреки приведенным выше соображениям идеал-реализм может все же настаивать на том, что идеальное бытие транссубъективно, и что знание о нем может быть достигнуто на основе чувственного восприятия путем отвлечения от него. В самом деле, прямая

Библиотека "Руниверс"

линия, напр., хотя и нет нигде прямолинейных вещей, все же не может быть продуктом психологической идеализации и конструкции, возникающим после чувственных восприятий, потому что идея прямой есть условие всякого чувственного восприятия протяженной вещи. Воспринимать дерево, как высоко поднимающееся вверх, можно лишь прослеживая в конкретном целом однородное направление от земли до верхушки его; окидывая взглядом поле, мы воспринимаем протяжение его от какой-либо межи до ручья, как более длинное, чем от другой какой-либо межи до дороги; и такое восприятие формы вместе с соответствующим суждением возможно лишь потому, что протяженность предмета содержит в себе направления в длину, в ширину и т. п. и без них вовсе не была бы протяженностью. Таким образом в состав чувственно воспринимаемого предмета погружены нечувственные идеи, сообразно которым сформирован предмет, и потому созерцание предмета (интуиция) никогда не бывает сполна чувственным, оно всегда сопутствуется также сверхчувственным созерцанием (интеллектуальною интуициею, умозрением).

Идеальные элементы сращены с реальными так тесно и в таком взаимопроникновении с ними, что нужна большая культура ума для выделения их в чистом виде. Мы пользуемся ими ежеминутно, но делаем это безотчетно, так что они могут оставаться неопознанными в течение всей нашей жизни.

В заключение следует заметить, что не всякий акт отвлечения выделяет из состава конкретного предмета идеальные моменты его. Отвлеченная, т. е. несамостоятельная сторона предмета может тем не менее быть реальным элементом предмета; так, смотря на желто зеленую листву березы весною, я могу отвлечь «эту» желто-зеленость, оставаясь на такой ступени отвлечения и совершая его в таком направлении, что в моем сознании имеется реальный элемент предмета. Утверждать, что всякое отвлечение дает в результате отвлеченную идею, это значит воображать, будто конкретный реальный предмет есть не более, как связка отвлеченных идей; в таком случае принципиальное различие между царствами идеального и реального бытия исчезло бы. Можно было бы условиться поэтому обозначать отвлечение, совершаемое в таком направлении, чтобы выделить идею, особым термином, напр., называть его, как это делает Гуссерль, идеирующею абстракциею[1]).

[1]) См. Husserl, Logische Untersuchungen, II т., II, гл. VI, § 42, стр. 221 (1 издание).

Библиотека "Руниверс"

Глава IV.

Объем и содержание понятий. Отношения между понятиями.

§ 45. Совокупность единичных предметов, обозначаемых общим понятием, называется классом. Совокупность единичных понятий (или единичных представлений), обозначающих эти предметы, называется объемом понятия: так, напр., объем понятия человек образуют единичные представления Сократа, Перикла, Шекспира, этого Фомы, Семена и т. д. и т. д. (т. е. все люди); точно также объем понятия плоский треугольник составляет единичное понятие (или представление) треугольника, образуемого в такой-то момент времени воображаемыми прямыми, соединяющими центр Земли, Солнца и Юпитера, единичное понятие (или представление) воображаемого треугольника, конструируемого при определении расстояния какого-либо недоступного предмета и т. д., и т. д. до бесконечности (все треугольники). Объем общего понятия может быть получен также из суммы объемов более частных понятий, подчиненных ему; так, напр., объем понятия плоский треугольник есть сумма объемов понятий остроугольный треугольник, прямоугольный треугольник, тупоугольный треугольник. Конечно, получить объем данного понятия из суммы объемов более частных понятий можно многими различными способами; так, напр., объем понятия треугольник слагается, как мы видели, из объемов понятий остроугольного, прямоугольного и тупоугольного треугольника, но тот же объем, очевидно, может быть получен и путем суммирования объемов понятий разностороннего треугольника, равностороннего треугольника и треугольника, имеющего две стороны, равные друг другу. Совокупность мыслимых в понятии признаков, тожественных во всех особях класса, называется содержанием общего понятия. Напр., содержание понятия плоский треугольник состоит из таких признаков, как ограниченность части плоскости тремя линиями, из того, что эти линии прямые и что они пересекаются.

Все сказанное об объеме и содержании общих понятий относится также и к общим представлениям. Единичные понятия (и представления) объема не имеют, так как означают один предмет, а не класс предметов, но содержание у них есть: мысля и представляя единичный предмет, мы, конечно, имеем в виду признаки его [1]).

[1]) В английской литературе по логике речь идет, обыкновенно, не об объеме и содержании понятий и представлений, а о значении и соозначении имен. Отсюда объясняются некоторые особенности учений английских логиков. См., между прочим, интересные соображения Бозанкета о соозначении (содержании) собственных имен („Основания логики“, 1914, стр. 93-99).

Библиотека "Руниверс"

Количество особей, входящих в состав общего понятия, может быть ограниченным, но может быть также бесконечно большим или неопределенно большим. В первом случае понятие называется регистрирующим (можно было бы составить реестр особей, подходящих под понятие), а во втором будем называть понятие бесконечным. Так, понятия Апостол Иисуса Христа, государство XIX века, французский солдат, участвовавший в войне 1914—1918 г. принадлежат к числу регистрирующих, а понятия треугольник, человек, государство, солдат, принадлежат к числу бесконечных. Обыкновенно, наличность пространственно-временных признаков в содержании понятия придает ему характер регистрирующего понятия.

Объем общего понятия (и представления) символически изображается, обыкновенно, посредством круга или посредством части круга. Соответственно этому следовало бы условиться символически изображать значение единичного понятия (и представления) посредством точки. Этим символам можно придать следующий смысл: на площади круга *А*, выражающего объем данного понятия, напр., человек, собрались все особи, образующие класс человек, так что за пределами окружности этого круга нигде в мире не осталось ни одного действительного и возможного человека.

Поместить все особи на площади круга можно даже и в том случае, если множество их есть актуальная или потенциальная бесконечность, потому что мы обозначаем их точками, а точек на площади можно поместить бесконечное множество. Благодаря своей наглядности этот символ есть превосходное средство для выражения некоторых логических отношений между понятиями, а также соответствующих им онтологических отношений между классами или классами и особями: не следует ведь забывать, что каждое логическое отношение имеет также и онтологический смысл, согласно теориям сторонников метафизического идеал-реализма.

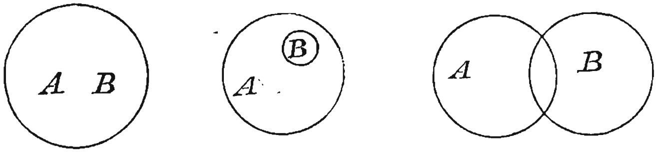
§ 46. Важнейшие отношения между понятиями обусловлены степенями родства между их содержаниями и объемами. С этой точки зрения, сопоставляя понятия попарно, можно все их разделить на два класса: согласимые и несогласимые или противоположные понятия.

Согласимыми называются два понятия, в содержании которых нет признаков, несовместимых друг с другом, т. е. таких признаков, которые, обладая разным содержанием, в то же время должны были бы приписываться предмету в одном и том же отношении. Поэтому логически возможно, что существуют предметы, входящие в объем как одного, так и другого понятия, т. е. объемы двух согласимых понятий хотя бы отчасти совпадают. Символически это отношение понятий выражается двумя кругами, площадь которых хотя бы отчасти совпадает или которые соприкасаются хотя бы в одной точке.

Библиотека "Руниверс"

Наоборот, несогласимыми или противоположными называются два понятия, в содержании которых есть признаки, несовместимые друг с другом. Поэтому логически невозможно, чтобы существовал предмет, входящий в объем как одного, так и другого понятия. Символически это отношение выражается двумя кругами, площадь которых не имеет ни одной общей точки.

Между согласимыми понятиями возможны три степени родства и, следовательно, три вида отношений: тожество (объемов), подчинение и перекрещивание. Эти три отношения, расположенные по степеням убывания родства, изображаются кругами, совпадающими (тожество), включенными друг в друга (подчинение) и перекрещивающимися.



Тожественные понятия имеют одинаковый объем, но содержание у них состоит из отличных друг от друга признаков, связанных, однако, взаимно-необходимою связью, чем и объясняется тожество объемов. Таковы, напр., понятия «четверть рубля» и «двадцать пять копеек». Символ этого отношения — два совпадающие круга *A* и *B*.

Отношение подчинения существует между понятиями *A* и *B* в том случае, если содержание понятия *A* целиком входит в содержание понятия *B*, составляя часть его, а объем понятия *B*, наоборот, целиком входит в объем понятия *A*, составляя часть его. Содержание понятия *A* беднее содержания понятия *B*, но за то объем его богаче: так как оно содержит в себе меньше признаков, то большее количество особей может подходить под него. Итак, одно из этих понятий более общее, а другое более частное. Более общее называется подчиняющим, а более частное — подчиненным. Примером могут служить следующие пары понятий: позвоночное — млекопитающее; цвет — белизна; философ — Сократ.

В том случае, когда отношение подчинения существует между двумя общими понятиями, одно из них, именно более общее, называется родом, а более частное — видом. Вследствие чрезвычайной важности этого случая подчинения полезно обозначать его особым термином — родо-видовое отношение. Символическим выражением его служат два круга, из которых один включен в другой.

Библиотека "Руниверс"

Отношение подчинения невозможно между двумя единичными понятиями, так как они оба не имеют объема. Но между общим понятием и единичным отношение подчинения возможно с тем лишь несущественным отличием от родо-видового подчинения, что здесь включен в класс не другой меньший класс, а индивидуум, и выразить это отношение символически приходится не двумя кругами, а точкой, помещенною на площади круга. Таково, напр., отношение между понятиями человек и Сократ [1]).

Два или более понятия одинаковой степени общности, несогласимые друг с другом, но подчиненные одному и тому-же более общему понятию, называются соподчиненными; напр., великоросс, малоросс, белорусс — понятия, соподчиненные в отношении к понятию русский.

Перекрещивающимися называются понятия, в содержании которых есть отличные друг от друга, но совместимые признаки (т. е. признаки, которые могут принадлежать предмету в разных отношениях), не связанные друг с другом законосообразно. Объемы таких двух понятий отчасти совпадают; иными словами, возможны предметы, подходящие одновременно как под одно, так и под другое понятие. Таковы, напр., понятия: беспозвоночное — паразит; химик — композитор (так, А. П. Бородин был композитором и профессором химии); трудный — приятный (так, напр., великое научное открытие — дело трудное, но приятное) и т. п. Символически выражается отношение перекрещивания двумя перекрещивающимися кругами (схему см. выше на стр. 109).

---

[1]) Некоторые представители математической логики (напр., Пеано) устанавливают существенное различие между включением класса в класс и подчинением индивидуума классу. Они правы с точки зрения даваемого ими определения этих терминов. Но к учению, изложенному выше, соображения Пеано не относятся. В самом деле, под словом класс, как общее понятие, мы разумеем множество особей, мыслимое разделительно; отношение такого разделительного множества к более общему классу то же, что и отношение индивидуума к классу.

Для установления своего различения представители математической логики берут, правда, не пары понятий, отвлеченно взятых, а пару понятий в суждении, именно субъект и предикат суждения; напр., они утверждают, что в суждениях „все люди — разумные существа" и „Сократ — человек" отношение между классом „человек" и классом „разумные существа" не однородно с отношением между индивидуумом „Сократ" и классом „человек". И здесь, однако, если принять изложенное мною учение об общем понятии и, сверх того, еще учение о том, что связь субъекта и предиката есть связь основания и следствия, отношение в обоих суждениях окажется однородным: и в том, и в другом суждении это не отношение подчинения, а отношение необходимого следования (между понятиями „люди" и „разумность" в первом суждении и понятиями „Сократ" и человечность во втором суждении), причем под словом „все люди", если рассматриваемое суждение мыслится, как общее, подразумевается разделительно „эта", „та" особь и т. д., из которых каждая необходимо разумна.

Библиотека "Руниверс"

Отношение между такою парою понятий может быть выражено также четырьмя частными суждениями. Напр., некоторые беспозвоночные суть паразиты, некоторые паразиты суть беспозвоночные, некоторые беспозвоночные не суть паразиты, некоторые паразиты не суть беспозвоночные.

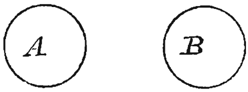
§ 47. Противоположность понятий бывает двух родов — противоречащая и противная.

Противоречащими называются понятия в том случае, когда в содержании одного из них отрицается часть признаков другого и при этом отрицаемые признаки не заменяются ничем положительным (таковы понятия: целое число, не целое число; во втором из этих понятий отрицается целость, но не указывается, мыслится ли при этом дробное или смешанное число).

Противными называются понятия в том случае, когда в содержании одного из них не только отрицается часть признаков другого, но и замещается несовместимыми с ними признаками (таковы понятия: целое число, дробное число).

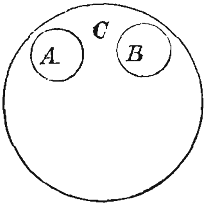
Понятие, противоречащее данному понятию, обыкновенно, обозначается тем же термином, что и данное понятие, с присоединением лишь к нему отрицания (напр., целое число, не целое число). Однако, и здесь, как и всегда, язык вовсе не служит однообразным и точным выражением форм мысли. Очень часто положительный термин в соединении с отрицанием «не» употребляется в речи для обозначения понятия, стоящего в отношении противной, а не противоречащей только противоположности к первоначальному понятию (так, напр., словом некрасивый обозначается не просто отрицание красоты, но и некоторая степень безобразия). Так как для логического анализа необходимо точно отличать две стадии противоположности — чистое отрицание без всякого замещения отрицаемых признаков чем бы то ни было и отрицание, сопутствуемое замещением отрицаемого признака другими признаками, то мы условимся в тех случаях, когда язык пользуется одним и тем же отрицательным термином и для противоречащих, и для противных понятий, отличать эти термины друг от друга следующим образом: писать отрицание «не» слитно с положительным термином в случае противной противоположности (красивый, некрасивый) и раздельно в случае противоречащей противоположности (красивый, не красивый).

Отношение друг к другу объемов противоположных понятий символически изображается кругами, площади которых ни в одной точке не совпадают.



Библиотека "Руниверс"

Так как все человеческие понятия принадлежат к единой системе человеческого мышления, то все понятия, даже противоположные друг другу, находятся в большем или меньшем родстве друг с другом. В самом деле, в содержании противоположных понятий только часть признаков исключают друг друга, среди же остальных признаков одни не противоречат друг другу, а другие даже тожественны друг другу (напр., признаки числа входят и в понятие целого числа и в понятие дробного числа). Так как в содержании всякой пары понятий есть большее или меньшее количество тожественных элементов (хотя бы, напр., тот признак, что всякая вещь, мыслимая в понятиях, есть объект мышления), то теоретически необходимо признать, что ко всякой данной паре понятий можно подыскать более общее понятие, к которому оба понятия относятся, как виды к роду, так что отношение их объемов символически должно быть выражено двумя кругами, не совпадающими друг с другом, но заключенными в третьем охватывающем их круге:



Практически такое подведение противоположных понятий под общий род, конечно, не всегда можно произвести, потому что содержания многих, в особенности наиболее общих понятий (напр., категорий), еще не подвергнуты достаточно глубокому анализу.

Чем более близки друг к другу противоположные понятия, т. е. чем больше в их содержании тожественных элементов, тем ближе стоит к ним по степени общности охватывающее их родовое понятие, напр., понятия змея и ящерица охватываются уже ближайшим более общим понятием пресмыкающееся.

Наоборот, если даны понятия, далекие друг от друга, т. е. имеющие слишком мало тожественных элементов в содержании, то родовым для них обоих может быть только понятие, очень общее сравнительно с ними. Нужен, так сказать, очень большой круг, чтобы охватить два маленьких круга, стоящих далеко друг от друга. Таковы, напр., понятия змея и сложноцветное, для которых общим родовым понятием могут служить только такие сравнительно с ними гораздо более общие понятия, как, напр., организованное существо.

Противоположные понятия одинаковой степени общности, подчиненные одному и тому же родовому понятию, не слишком далеко от-

Библиотека "Руниверс"

стоящему от них по степени общности, принято называть *соподчиненными*. Остальные противоположные понятия можно называть *диспаратными*.

Итак, мы разделили понятия на следующие группы на основании отношений родства между их содержаниями и объемами:

- Понятия
  - Согласимые
    - тожественные
    - находящиеся в отношении рода к виду
    - перекрещивающиеся
  - Противоположные (несогласимые)
    - противоречащие / противные
    - или
    - соподчиненные / диспаратные

§ 48. Понятия можно подвергать *обобщению* или, наоборот, *ограничению*.

Обобщение понятия производится путем устранения из содержания понятия какого-либо признака (вместе с признаками, необходимо связанными с ним). Вследствие этой операции получается понятие, относящееся к данному понятию, как род к виду; напр., если из содержания понятия квадрат устранить признак равенства углов друг другу, то понятие квадрата превратится в более общее понятие равностороннего параллелограмма; если из содержания понятия квадрат устранить признак равенства сторон, то понятие квадрата превратится в понятие прямоугольника, и т. п.

Ограничение понятия производится путем присоединения к его содержанию новых признаков, не вытекающих с необходимостью из признаков, уже заключающихся в нем. Вследствие этой операции получается понятие, относящееся к данному понятию, как вид к роду. Из понятия квадрат можно получить путем ограничения, напр., следующие понятия: квадрат, вписанный в окружность; квадрат, имеющий сторону, равную метру; сторона куба; верхнее основание усеченной правильной четыреугольной пирамиды и т. п.

Производя операции обобщения и ограничения, нетрудно усмотреть, что *объем и содержание* понятия находятся в *обратном отношении*, т. е. обогащение содержания сопутствуется уменьшением объема и наоборот. Однако, само собою разумеется, если какой-либо признак *b* необходимо связан с признаком *a*, так что везде, где есть *a*, есть и *b*, то в таком случае присоединение признака *b* к содержанию понятия, или, наоборот, неупоминание о нем *не изменяет объема понятия.*

Библиотека “Руниверс”

Так, прибавка к понятию равноугольный треугольник признака равносторонности не изменяет объема понятия, следовательно, не приводит к ограничению его.

Производя ряд последовательных обобщений данного понятия и восходя таким образом к все более общим понятиям, мы получаем лестницу понятий, в которой каждая новая ступень относится к предыдущей, как род к виду. Такой ряд не может быть бесконечным; рано или поздно мы дойдем до понятия, столь бедного по содержанию или обладающего содержанием, настолько нерасчлененным в нашем сознании, что оно не может быть разложено нами дальше и потому понятие не может быть обобщено. Таковы, напр., понятия вещи, существа, качества, состояния, действия, отношения и т. п. Они называются, обыкновенно, категориями. Вопрос о том, какие именно понятия нужно считать категориями и сколько их, еще не решен. Возможно, что некоторые чрезвычайно общие понятия, заслуживающие названия категории, еще не выработаны человеческим мышлением. Поэтому не следует во что бы то ни стало стараться подвести всякое данное понятие под одну из перечисляемых в традиционной логике категорий.

Производя ряд последовательных ограничений данного понятия и нисходя таким образом к все более частным понятиям, мы получаем лестницу понятий, в которой каждая новая ступень относится к предыдущей, как вид к роду. Такой ряд понятий может быть бесконечным, если ограничению подвергается бесконечное понятие и если присоединять к его содержанию новые признаки так, чтобы получающиеся видовые понятия также были бесконечными. Напр., от понятия человек можно перейти к ряду частных понятий—образованный человек; образованный, обладающий замечательной памятью человек; образованный, обладающий замечательною памятью и сильною волею человек и т. п. без конца.

Наоборот, если для ограничения взято регистрирующее понятие или если в процессе ограничения из бесконечного получено регистрирующее понятие, то ряд актов ограничения не может быть бесконечным: рано или поздно в результате получится единичное понятие, которое, не имея объема, не может содержать под собою видов и потому не может быть далее ограничено. Напр., понятие русский может быть ограничено до предела следующим образом: русский писатель, русский писатель, родившийся в 1828 г., русский писатель, родившейся в 1828 г. и написавший роман «Война и Мир».

Предел обобщения, как мы видели, возникает вследствие невозможности дальнейшего анализа содержания понятия, а предел ограничения может явиться вследствие невозможности дальнейшего раздробления объема понятия (когда понятие не имеет объема, т. е. когда объем понятия представляет собою, так сказать, математическую точку).

Библиотека "Руниверс"

Глава V.

Определение понятий.

1. Ясность и отчетливость представлений и понятий.

§ 49. Имеемый в виду отрезок мира иногда усматривается нами недостаточно определенно, т. е. так, что содержание его недостаточно отграничено (различено) от других качественно смежных с ним содержаний, вроде того, как, смотря на поверхность моря, мы иногда не можем определить точно, где оно кончается и где начинается небесный свод. Эта субъективно-психологическая особенность мысли отражается и на ее объективном составе: он слагается из чрезмерно разнородных объектов с разнообразными признаками, не сводимыми к единству. Руководясь данным выше определением понятия (§ 37), необходимо признать, что такие мысли могутъ быть только представлениями, но не понятиями.

Общие представления с содержанием, усматриваемым столь неопределенно, не имеют также и точно ограниченного объема. Поскольку объем их не имеет определенных границ и содержание их недостаточно обособлено от смежных содержаний, они называются неясными. Примером может служить представление «насекомого» в уме лиц, не знающих зоологии или мало занимавшихся ею. Такие лица на вопрос, принадлежат ли к числу насекомых муха, бабочка, стрекоза, жужелица, блоха и т. п., обыкновенно, правильно отвечают утвердительно, но далее на вопросы, насекомое ли паук, сенокосец, мокрица и т. п., тоже начинают отвечать «да» и, наконец, запутываются, начинают колебаться, замечая, что не могут с уверенностью решить, принадлежит ли указываемый объект к числу насекомых или нет.

Каждый человек, если он подвергнет строгому исследованию сферу своего мышления, принужден будет признать, что в его уме очень мало понятий, — все почти только представления и еще к тому же неясные представления. Только для той сферы объектов, которая служит предметом нашего специального изучения и нашей специальной практической деятельности в нашем уме вырабатываются понятия или по крайней мере ясные представления. Так, напр., понятие серебра, фосфора и т. п. есть только у химиков или лиц, обстоятельно знакомых с этою наукою, понятие права у юристов, понятие справедливости у лиц, занимающихся этикою и т. п.

Признаки ясного представления, четко отграниченные от качественно смежных с ними признаков других предметов, сами в свою очередь могут быть сложными и эта сложность их может оставаться для ума познающего субъекта неразличенною, неразложенною на свои составные части; в таком случае познающий субъект не смешает

Библиотека "Руниверс"

данного предмета или класса предметов с другими предметами или классами, но он не будет в состоянии описать или определить его. Такие представления называются неотчетливыми, напр., представление умножения целых (рациональных) положительных чисел в уме человека, не умеющего дать определения этой операции над числами.

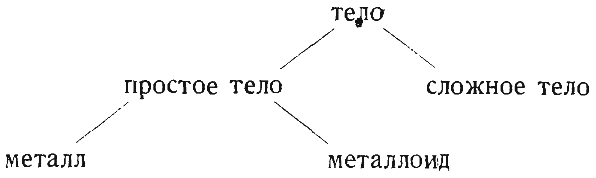
Неясные представления всегда вместе с тем и неотчетливы. Следовательно, возможны три вида представлений: 1) неясные и неотчетливые, 2) ясные и неотчетливые, 3) ясные и отчетливые. Понятия всегда ясны, но они могут быть неотчетливыми, напр. качество, величина, угол. Можно даже утверждать, что всякое отчетливое понятие лишь относительно отчетливо, т. е. подвергнуто анализу не до конца, а лишь до большей или меньшей степени глубины.

Ясность и отчетливость понятия есть точное расчлененное знание его содержания и объема. Расчлененностъ этого знания выражается в умении дать определение понятия, что касается его содержания, и произвести деление понятия, что касается его объема. Познакомимся теперь с тем, как производятся эти две операции над понятиями.

2. Определение понятий.

§ 50. Определение понятия есть суждение, устанавливающее содержание понятия путем указания совокупности признаковъ, необходимых и достаточных для того, чтобы отличить предмет или класс предметов, обозначаемый понятием, от всех других предметов.

Задаваясь целью определить, напр., понятие металл, можно начать, так сказать, с азов и указать признаки протяженности, непроницаемости, весомости и т. п., и т. п. Однако, такой путъ был бы несистематичным и потому легко приводил бы к ошибкам и недосмотрам. Путь, ведущий прямо к цели, намечается сам собою, если вспомнить, что в содержании каждого понятия заключено целиком содержание более общего, т. е. подчиняющего его себе понятия. Если нужно определить общее понятие, то следует поискать, не находится ли в его составе, в качестве центрального ядра, ближайшее родовое понятие, уже выработанное человеческим мышлением. Для этой цели произведем обозрение того отрезка мира и той системы подчиняющих и подчиненных понятий, к которой принадлежит понятие металл с точки зрения химии. Она такова:



Библиотека "Руниверс"

Установив, что металл есть простое тело, т. е., подведя его под ближайшее родовое понятие, очевидно, удалось отличить металлы от всех других предметов в мире, кроме класса металлоидов, которые наряду с классом металлов соподчинены понятию простого тела. Остается, следовательно, найти признак, отличающий вид металлов от соподчиненного с ним вида металлоидов. Этот признак, установленный химиею,—способность давать с кислородом основные окислы. Итак, понятие металл можно определить следующим образом: металл есть простое тело, дающее с кислородом основные окислы.

Описанный способ давать определение понятия называется определением через ближайшее родовое понятие и видовой отличительный признак (definitio per genus proximum et differentiam specificam).

Из самой сущности этого способа определения вытекает, что он не всегда применим. Так, наиобщие понятия, категории, не могут быть разложены на более общее родовое понятие (кроме столь бессодержательных, как, напр. «объект мышления», «нечто» и т. п.) и видовой отличительный признак, который не повторял бы целиком определяемого понятия. Для точной выработки таких понятий приходится итти своеобразным путем, именно исследовать взаимозависимость категорий друг от друга и находить место каждой категории в органически единой системе идеальных основ мира. Примером этих труднейших исследований могут служить «Критика чистого разума» Канта (учение о категориях и основоположениях чистого рассудка), «Наука логики» Гегеля (перев. Дебольского) и особенно краткая «Логика» Гегеля (перев. Чижова) в I. части его «Энциклопедии Философских наук», «Logik der reinen Erkenntnis» Когена, «Logik der exakten Wissenschaften» Наторпа, «Kategorienlehre» Эд. Ф. Гартманна и др.

Подобным путем идут в своих исследованиях также и математики, о которых С. Богомолов в книге «Вопросы обоснования геометрии» говорит, ссылаясь на Ресселя, что они видят сущность определения не в расчленении данного понятия на составные части, а «понимают свою задачу шире: какой-либо объект считается определенным при помощи данной системы основных идей, если он является единственным, имеющим к одной из них вполне определенное отношение, которое также принадлежит данной системе. Вот этот-то единственный объект и обозначается соответственным именем; так как подчас мы и не знаем, что это за объект, а уверены только в его существовании и единственности, то можно сказать, что он порождается вышеуказанным отношением» [1]).

[1]) Ч I, стр 145. См. Russell „The Principles ot Mathematics“ (1903)стр. 111. См. также С. Шохор-Троцкого „Опыт совместного обоснования теории вещественных и обыкновенных комплексных чисел“ (Казань, 1917) стр. 1-3.

Библиотека “Руниверс”

Для одного и того же понятия можно бывает иногда дать несколько различных определений. Напр., понятие ось земли можно определить, как «линию, соединяющую все точки земного шара, остающиеся неподвижными при суточном вращении земли», или как «линию, соединяющую полюсы земли», или как «общий диаметр всех земных меридианов» и т. п. Наиболее ценно то определение, которое вскрывает отношения между важнейшими для получения системы выводов понятиями. Впрочем, ценными могут оказаться в различных случаях разные определения в зависимости от того, для какой цели и в составе какой науки они даются.

Высоко ценятся, обыкновенно, генетические определения: в них указывается «происхождение» предмета. Таково например, определение прямого круглого цилиндра, как тела, образуемого путем вращения прямоугольника около одной из его сторон, которая при вращении остается неподвижною.

3. Номинальные и реальные, категорические и гипотетические определения.

§ 51. Логика различает, обыкновенно, номинальные и реальные определения, разумея под первыми определение предмета (мы имеем право так выразиться потому, что определение понятия есть определение понимаемого предмета). Однако, какое бы реальное определение мы ни взяли, всегда окажется, что в нем подразумевается также и номинальное определение; так, устанавливая, что «металл есть простое тело, дающее с кислородом основные окислы», я вместе с тем устанавливаю и то, что такой класс вещей называется словом металл. И, наоборот, всякое номинальное определение даже не подразумевает, а открыто содержит в себе реальное определение, т. е. определение предмета. В самом деле, возьмем, напр., номинальное определение: «слово дракон означает змею, изрыгающую пламя»; очевидно, определить смысл этого слова можно не иначе, как установив состав предмета, называемого им, т. е. дав реальное определение, что и выполнено в приведенном суждении. Отсюда видно, что разграничение номинальных и реальных определений не имеет существенного значения или, вернее, если присмотреться к истории этого вопроса, под ним кроется важное различение, не произведенное однако с достаточною степенью точности и обозначенное неудачным термином потому, что до сих пор представители логики не привыкли, для установления логических различий, сосредоточивать внимание только на объективной стороне суждения. В самом деле, рассматривая, напр., рассуждения Милля о реальных и номинальных определениях [1]), нетрудно заметить, что для целей

[1]) Система логики кн. I, гл. VIII, §§ 5-7.

Библиотека "Руниверс"

логики (в особенности поскольку она должна быть положена в основу теории науки) важно лишь следующее различие между определениями: определение может относится или к предмету, найденному (во внешнем или внутреннем мире) или же к предмету, поставленому познающим субъектом лишь в качестве предложения с целью узнать, какие следствия необходимо признать за истину, если допустить существование предмета определения. Так, например, предположив существование perpetuum mobile и условившись называть этим именем машину, способную поддерживать свое движение неопределенно долгое время и, сверх того, производить механическую работу, не требуя поддержки движения извне какою-либо силою, можно отсюда сделать ряд выводов; эти выводы, как и их основание, будут относиться не к миру, о котором известно, что он действителен, а к миру предположенному.

Указанное различие между определениями лучше всего обозначать терминами — категорический и гипотетический, т. е. теми же терминами, которые употребляются для обозначения различия суждений по относительности (см. ниже § 60). Итак, мы полагаем, что в логике нужно говорить не о номинальных и реальных определениях, а о гипотетических (условных) и категорических определениях.

4. *Ошибки в определении.*

§ 52. Правильное определение через род и видовой признак выражается в суждении, в котором понятие предмета и предиката находятся друг к другу в отношении тожества; напр., «квадрат есть равносторонний прямоугольник». Поэтому высказывание, обратное в отношении к определению, выражает также истину и притом сохраняет то-же количество (общность или единичность), какое присуще данному определению; так, «всякий квадрат есть равносторонний прямоугольник» и обратно «всякий равносторонний прямоугольник есть квадрат».

Отсюда ясна сущность двух важнейших ошибок, которые могут встретиться в определении понятия. В определении может быть упущен из виду какой-либо необходимый признак. Так, например, суждение «поэзия есть искусство» не может считаться определением понятия поэзии, потому что в этом суждении не указано отличие поэзии от музыки, живописи и т. п., заключающееся в том, что средством для выражения содержания этого искусства служит речь. Такие ошибочные определения называются слишком широкими, потому что, обедняя содержание данного понятия, они расширяют его объем. Они подменяют данное понятие более общим, родовым в отношении к нему понятием.

Библиотека "Руниверс"

Противоположный характер имеет ошибка слишком узкого определения. Она состоит в присоединении признака, не принадлежащего к составу данного понятия. Так, если кто-либо на вопрос «что такое поэзия»? ответит «поэзия есть искусство, выражением которого служит размеренная речь», то определение его окажется слишком узким: признак размеренности вовсе не необходим; так, романы Толстого, Достоевского и т. п. принадлежат к области поэзии, хотя и выражены не в стихотворной форме. Слишком узкое определение, усложняя содержание понятия, съуживает его объем, т. е. подменяет данное понятие более частным, видовым понятием.

Вырабатывая ряд определений понятий, связанных друг с другом, нужно остерегаться круга в определении (circulus in definiendo), являющегося тогда, когда понятие *A* определено через понятие *B*, а понятие *B* — через понятие *A*. Примером круга может служить следующая пара определений: логика есть наука о правильном мышлении; правильное мышление есть мышление, согласное с правилами логики. Наконец, еще более очевидное топтание на месте получается в случае тавтологии, т. е. такого определения, в котором предикат повторяет содержание субъекта в неразложенном виде; напр., «величина есть все то, что можно увеличивать и уменьшать» (т. е. изменять величину).

Иногда лицо, к которому обращаются с просьбою дать определение понятия, не будучи в силах решить эту задачу, подменяет определение перечислением соподчиненных видов, подходящих под данное понятие. Так, на вопрос «что такое наука»? отвечают: «наука — это математика, физика, химия, физиология и т. д.». Сущность этой ошибки состоит, следовательно, в том, что вместо обзора содержания понятия дается обзор объема его. Попытка достигнуть действительно определения науки, а не перечисления видов наук должна была бы выразиться в суждении вроде следующего: наука есть систематическое единство знаний о каком-либо предмете. Сократ в диалогах Платона часто изобличает своих собеседников в том, что они подменяют определение перечислением, напр., в диалоге «Больший Иппий» собеседник Сократа вместо того, чтобы ответить на вопрос, что такое красота, вступает на путь перечисления прекрасных предметов[1]).

Надобно, однако, заметить, что если мы имеем дело с предметом, мало исследованным, *трудно определимым и выраженным еще только* в форме представления, то перечисление может оказаться весьма полезным суррогатом определения. Иногда можно сознательно начать с перечисления для того, чтобы в своем уме и в уме собеседника поставить круг предметов, для выражения которых нужно выработать

[1]) Платон, „Больший Иппий“, перев. В. Соловьева и кн. С. Трубецкого, т. II, стр. 112 сс.

Библиотека "Руниверс"

понятие. Так, на вопрос, «что такое психологическое явление?» можно ответить, что и психическими явлениями называются чувства, желания и познавательные акты». Далее, однако, встает трудная задача подвергнуть три указанные типа явлений такому анализу, чтобы получить уже не перечисление, а настоящее определение.

5. Определение, как синтетическое суждение.

§ 53. Коснемся теперь трудного вопроса о том, правильно-ли широко распространенное убеждение, что определения суть суждения аналитические. Кто придерживается этого мнения, тот думает, что в предикате определения высказано многими словами то самое, что уже опознано в субъекте определения, но только высказано одним или немногими словами. В таком случае разница между субъектом и предикатом сводилась бы только к различию грамматической оболочки их, и необходимо было бы признать, что определения не расширяют нашего знания, а дают только новое изложение готового знания. Такой взгляд на определения уже потому сомнителен, что всем известно, как трудно дать удовлетворительное определение многих понятий, как часто встречаются в научной литературе заявления, что начинать научное исследование приходится, опираясь лишь на предварительные определения, а совершенные определения могут быть только результатом высокого развития науки.

Такие наблюдения наводят на мысль, что определение есть научное завоевание, дающее новое, еще не существовавшее знание и, следовательно, должно представлять собою синтетическое суждение. И в самом деле, если понятие есть органическое единство признаков, служащее основою для системы следствий, то знание понятий не сваливается же человеку готовым с неба, должен же быть момент в развитии науки, когда совершается открытие понятия, и это открытие должно выражаться в виде синтетического суждения. Не есть ли определение такое суждение? Нельзя ли утверждать, что категорические определения содержат в себе открытие понятия, а гипотетические определения — изобретение (порождение) понятия? Для обоснования этой догадки нужно показать, что субъект и предикат определения, хотя и имеют тожественный объем, не тожественны по содержанию и, следовательно, принадлежат к числу синтетических суждений, вроде того, как суждение «все равносторонние треугольники равноугольны» синтетично, хотя объем субъекта и предиката тожествен.

Для упрощения вопроса будем иметь в виду в дальнейшем только общие понятия. Научная выработка общих понятий исходит из донаучной классификации вещей, состоящей из общих предста-

Библиотека "Руниверс"

в л е н и й, неясных и неотчетливых, выраженных поэтому словами, значение и соозначение которых колеблется в обыденной речи и житейском мышлении. Такой отрезок мира, неясно и неотчетливо выделяющийся на фоне мирового целого, напр., как «это» называемое металлом на основании неустойчивых и мало ценных признаков вроде цвета, плотности, излома и т. п., есть предмет определения, а задача предиката состоит в том, чтобы выделить в «этом» систему ценных, отчетливо и ясно усматриваемых признаков, которая именно составит понятие, и к которой вслед за этим будет приурочен исключительным образом термин металл. Признаки эти, согласно учению современной химии, таковы: простое тело, дающее с кислородом основные окислы.

Какое-же суждение получается этим столь несовершенным, нащупывающим истину путем? Ясно, прежде всего, что оно не может быть общим, потому что донаучное употребление слова металл, служащее исходным пунктом определения, может, с одной стороны, применять его к таким веществам, которые не подойдут под понятие металла, а с другой стороны, наоборот, не применять его к веществам, на которые после определения значение термина распространится: ведь з а д а ч а определения состоит в том, чтобы найти в «этом» отрезке мира систему признаков, которая образует нечто единое, цельное, а все остальное, что находится в первоначальном «это» отбросить. Можно было бы поэтому выразить состав рассмотренного категорического определения так: некоторые предметы, существующие в природе и называемые металлами, суть простые тела, дающие с кислородом простые окислы. Итак, определение, по крайней мере, на своей первой ступени есть суждение ч а с т н о е. Ясно также, что это — суждение с и н т е т и ч е с к о е, содержащее понятие только в предикате.

Если определения суть синтетические суждения, то, вводя их в состав науки, необходимо д о к а з ы в а т ь их. Между тем в действительности, повидимому, определения вводятся без всяких доказательств, и это говорит в пользу мнения, что определения суть суждения аналитические, обосновываемые непосредственно законом тожества или, при попытке отрицать их, законом противоречия. В ответ на это заметим, что категорические определения, конечно, должны быть доказаны, но так как они суть ч а с т н ы е суждения, то доказательство их столь просто, что легко может быть незамечено неопытным глазом.

В самом деле, чтобы установить, напр., что в природе встречаются такие предметы, которые сочетают в себе признаки «простое тело» и «образование простых окислов с кислородом», достаточно одного, двух наблюдений. Если же нужно дать определение идеального предмета, напр., понятия квадрата, понятия логарифма, то достаточно одного акта умственного созерцания (интеллектуальной интуиции).

Библиотека "Руниверс"

Наконец, для обоснования гипотетического определения достаточно усмотреть, что в составе его предиката нет противоречия [1]).

Открытие понятия происходит, обыкновенно, в связи с донаучною классификациею и с житейским значением слов. Чаще всего эти значения слов выделяют из состава мира отрезок, выразимый в нескольких различных понятиях, из которых одни стоят ближе к житейскому словоупотреблению, а другие — дальше от него. Так, напр., в житейском словоупотреблении и плод гороха, и плод левкоя называется стручком, но ботаник, отличая двугнездые плоды этого типа от одногнездых, называет только первые словом стручек, а вторые (напр., плод гороха, фасоли, бобов и т. п.) словом боб.

Ученый, открывая понятие, пересматривает предложенный ему донаучною классификациею отрезок мира вместе с остальными близкими к нему отрезками и задается целью прежде всего найти наиболее ценное для науки понятие, но, кроме того, по возможности, стремится и к тому, чтобы выискать в этом материале понятие, наиболее близкое к обыденному словоупотреблению.

Методы этого искания понятия, сравнивания и различения предметов, выделенных донаучною классификациею, друг с другом и с другими смежными с ними предметами, могут быть весьма разнообразны в различных науках, и задача рассмотрения их относится не к логике, а к общей методологии и к частным методологиям наук [2]).

До сих пор я говорил об определении, как о суждении частном. Теперь я смягчу парадоксальность этого учения указанием на то, что такова лишь первая стадия определения, т. е. открытия понятия. Вторая стадия приводит к получению определения, как общего суждения, которое именно и служит, напр., в геометрии, вместе с аксиомами, посылкою для дальнейших завоеваний мысли, для доказательства теории и т. п. В самом деле, усмотрев, что «некоторые предметы, встречающиеся в мире (идеальном) и называемые словом круг, суть фигуры, ограниченные замкнутою кривою, все точки которой находятся на равном расстоянии от одной точки, находящейся на плоскости внутри фигуры» или что «некоторые предметы, встречающиеся в природе (в мире реальном) и называемые словом металл, суть простые тела, дающие с кислородом основные окислы», нетрудно далее установить следующие суждения: «все предметы (класс предметов), которые я отныне буду называть словом круг (не употребляя более этого слова, для обозначения других предметов, т. е. придавая этому слову значение научного термина) суть фигуры, ограниченные... и т. д.»

---

[1]) Лейбниц настойчиво требовал обоснования всех определений и полагал, что оно сводится к установлению возможности понятия путем критики, выясняющей, что в нем нет противоречия.

[2]) См. об этих методах несколько соображений в „Логике, как части теории познания" проф. А. И. Введенского, гл. XVIII.

Библиотека "Руниверс"

или «все предметы, которые я отныне буду называть словом металл (фиксируя за этим термином только то значение, которое дано в предикате), суть простые тела, дающие с кислородом основные окислы».

Теперь наше определение есть общее суждение, и, несмотря на это, доказательство его не представляет никакого труда, потому что оно получено путем отвлечения из состава доказанного уже истинного суждения и закрепления термина за тем классом предметов, который извлечен посредством этого отвлечения. Таким образом ясно также, что всякое категорическое определение содержит в себе и определение предмета, и определение термина; иными словами, всякое категорическое определение совмещает в себе как реальное определение (или определение идеи), так и номинальное определение. Точно также всякое гипотетическое определение есть одновременно и определение предполагаемого предмета и приурочение к нему термина; следовательно, оно совмещает в себе, наряду с гипотетическим определением, номинальное определение. Суждения эти попрежнему остаются синтетическими: предметом их служит «этот« отрезок мира, отмеченный в частном суждении словами «некоторые предметы и т. д.» и обозначенный теперь фиксированным термином, а предикат состоит из системы признаков, образующей понятие.

Мои взгляды на определения, как синтетические суждения, сходны с взглядами С. Л. Франка. Франк утверждает, что первоначально производится только «определение предмета», т. е. выявление определенности из неопределенного предмета (determinatio). Оно осуществляется в форме тетического суждения «*X* есть *A*», и Франк называет его первым определением [1]). Только вслед за этим тетическим суждением становится возможным определение понятия (definitio), задача которого состоит в том, чтобы установить содержание тетически намеченного предмета, именно найти ту «совокупность признаков», т. е. «те части всеединства, через отношение к которым однозначно определяется место в целом искомой части»[2]). Итак, «содержание понятия есть не объект, а итог определения; мы не имеем сначала готового содержания, чтобы потом определять его, а, напротив, из определения впервые рождается понятие, как определенное содержание» [3]).

Синтетический характер определений отстаивает также представитель марбургской школы трансцендентального идеализма Кассирер в своем сочинении «Leibniz'System in seinen wissenschaftlichen Grundlagen», по крайней мере, поскольку речь идет об особенно ценном виде определений, называемых генетическими или, по

---

[1]) С. Л. Франк, „Предмет знания", стр. 243

[2]) Там же, стр. 273.

[3]) Там же, стр. 270.

Библиотека "Руниверс"

Лейбницу, причинными. Примером генетического или причинного определения может служить следующее суждение: если прямая движется на плоскости, причем одна конечная точка ее остается неподвижною, то она описывает фигуру, ограниченную линиею, все точки которой находятся на равном расстоянии от одной внутренней точки [1].

В генетическом определении основанием служит сочетание сравнительно простых понятий, из которых в качестве необходимого следствия вытекает новое более сложное понятие. Мысля такое определение, ум наш усматривает как бы генезис понятия или, вернее, соответствующего ему предмета. Синтетический характер этих определений очевиден. Кассирер, развивая это учение в духе идеализма Когена, считает этот синтез «априорным», и говорит о достигаемой в этих определениях «интуиции» возможности предмета; под интуициею же он разумеет «методическое созерцание» идей в духе Платона [2].

Остается еще рассмотреть вопрос, почему мысль, будто определения суть суждения аналитические, многим умам представляется неоспоримою. Повидимому, к ней склоняют следующие два мотива. Во-первых, определения полагаются в основу науки сознательно и в грамматически выработанной форме, обыкновенно, в то время, когда наука достигла уже сравнительно высокой степени развития, и ученый или, еще чаще, педагог предпринимает изложение ее состава и выработанных в ней понятий и сведений с целью распространения знаний в обществе. В его уме, излагающем выработанное уже и даже ставшее для него привычным знание, легко может произойти смешение двух точек зрения на предмет: изложения готового знания и обоснования знания. Это смешение может побудить к ложной мысли, будто в определении исходным пунктом служит готовое понятие, содержание которого нужно только грамматически выразить многими словами в предикате. Ошибка эта тем более серьезна, что даже и изложение готового знания должно быть вместе с тем логическою системою, в которой первые основные положения служат посылками для вывода дальнейших положений; но если бы определения были аналитическими суждениями, они не годились бы для этой цели обоснования дальнейшего знания. Утверждение это опять таки может показаться парадоксальным; поэтому займемся обстоятельным рассмотрением его.

§ 54. Многие представители логики неохотно расстались бы с мыслью об аналитическом характере определений, между прочим, в силу следующего соображения. Аналитические суждения абсолютно

[1]) Пример этот намечен в письме Лейбница к Фуше, см. Философ. соч. Лейбница в изд. Гергардта, I, 385.

[2]) Там же, стр. 114, 118, 119.

Библиотека "Руниверс"

достоверны, так как для оправдания их достаточно ссылки на закон тожества или на закон противоречия. Оправдать синтетические суждения таким способом невозможно; методы обоснования их, повидимому, всегда менее прозрачны для мысли и потому менее достоверны. Неудивительно, что многие философы и даже некоторые представители частных наук (напр., некоторые математики) хотели бы положить в основу науки, в качестве высших посылок ее, только определения и заменить аксиомы определениями, полагая, что тогда у науки будет абсолютно надежный фундамент.

Выступая против этой тенденции, я во избежание бесплодных споров выскажу предмет обсуждения в совершенно точной, недвусмысленной форме. Допустим, что определения суть аналитические суждения, т. е., что субъект их содержит в себе предикат, так что между субъектом и предикатом их существует отношение тожества и, следовательно, оправдать их можно просто путем ссылки на закон тожества или, в случае попытки отрицать их, путем ссылки на закон противоречия. Итак, опасаясь многочисленности взглядов на природу аналитического суждения, условимся разуметь под этим термином только следующее: суждение, для оправдания которого достаточно ссылки на закон тожества или на закон противоречия, потому что при сличении его субъекта с предикатом оказывается, что между ними существует отношение тожества.

Покажем теперь ошибочность мысли, будто обоснование науки на одних таких суждениях, достигаемое путем превращения аксиом в определения, может быть осуществлено и может дать особенно высокую достоверность. Исходным пунктом для обсуждения вопроса может служить аксиома «прямая линия (в евклидовском пространстве) есть кратчайшее расстояние между двумя точками» [1]).

Вся ценность этого суждения, как посылки в геометрии Евклида, состоит в том, что оно есть: 1) выражение закономерной связи между двумя признаками, между прямотой линии (неизменностью направления) и наибольшею краткостью ее, и в том 2) что этот закон относится ко всему обширному классу предметов, именно к прямым линиям, разумея под словом прямая в субъекте суждения только признак неизменности направления. Таким образом сущность этого закона состоит в следующем: достаточно неизменности направления линии, и в результате получится кратчайшее расстояние между двумя точками. Первый признак есть основание, второй — следствие. Отсюда ясно, что аксиома «прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками» принадлежит к числу синтетических суждений, по крайней мере в том

[1]) Математики, обыкновенно, не считают этого положения аксиомою, находя, что оно может быть выведено из других аксиом о прямой. Однако, для нас этот вопрос не имеет значения: для иллюстрации нашей мысли предложенный пример остается все же пригодным.

Библиотека "Руниверс"

смысле, что между субъектом и предикатом ее *нет отношения тожества* и, следовательно, она не может быть оправдана ни ссылкою на закон тожества, ни ссылкою на закон противоречия.

Мне могут возразить, что выше мною развито учение о предмете суждения, как неисчерпаемо содержательном отрезке мира. Для напоминания может быть приведена наглядная схема суждения:

$$\overset{S}{\underbrace{:\;\;:\;\;:\;\;:}}\;\text{——}\;P$$

Согласно этой схеме, неопределенная площадь $\underbrace{:\,:\,:\,:\,:}$ содержит в себе вместе с другими свойствами прямой линии и краткость ее; значит, скажут нам, между субъектом и предикатом суждения здесь есть отношение тожества. Отклонить это возражение нетрудно: *субъект* суждения—та часть *предмета* суждения (опознанная или неопознанная), которая служит *основанием* предиката. Итак, тожество существует между *предметом* суждения и предикатом, но не между *субъектом* суждения и предикатом. Следовательно, возражение есть плод недоразумения, именно, смешения предмета суждения с субъектом суждения.

Превратим теперь аксиому в аналитическое суждение, и именно в такое аналитическое суждение, которое было бы уже не аксиомою, а определением понятия прямой линии. Выразим его так: прямою линиею (в евклидовом пространстве) называется такая линия, которая имеет неизменное направление и составляеет кратчайшее расстояние между двумя точками (если бы кто-либо пожелал выбросить из этого определения признак неизменности направления, от этого сущность дальнейших соображений не изменилась бы, но они стали бы менее наглядными, так как тогда было бы труднее сравнивать аксиому и определение). Примем это определение за аналитическое суждение в указанном выше смысле; это значит, что *субъектом* суждения, *обосновывающим* предикат, мы считаем «линию с неизменным направлением, составляющую кратчайшее расстояние между двумя точками», а предикатом (следствием) служит понятие «имеет неизменное направление и составляет кратчайшее расстояние между двумя точками». Разница между аксиомою (синтетическим суждением) и определением (аналитическим суждением) громадна: аксиома давала знание об *обширном классе* линий с неизменным направлением, а определение есть сравнительно с аксиомою *менее общее* суждение: она дает знание только о каком-то *виде* упомянутого класса, именно только о тех линиях, которые обладают неизменным направлением и, сверх того, составляют еще кратчайшее расстояние между двумя точками. Противник мой, быть может, заявит: «Разве вы не знаете, что неизменность направления и кратчайшее расстояние законосообразно связаны друг с другом! Следовательно, понятия

Библиотека "Руниверс"

«линия с неизменным направлением» и «линия с неизменным направлением, составляющая кратчайшее расстояние между двумя точками», имеют одинаковый объем, а потому упомянутая выше аксиома и определение суть суждения одинаковой степени общности». На это я отвечу: «Да, неизменность направления и кратчайшее расстояние законосообразно связаны друг с другом, но этот закон (синтетический) мне известен благодаря признанной мною аксиоме, т. е. благодаря синтетическому суждению, в котором признак «неизменность направления» (субъект суждения) обосновывает следствие (предикат) — кратчайшее расстояние. А вы эту аксиому отвергли и заменили ее определением, считая к тому же определение аналитическим суждением, вследствие чего оно не может дать вам знания о том законе, который мне известен. В самом деле, в вашем аналитическом суждении субъект есть сочетание двух признаков «неизменность направления» и «кратчайшее расстояние»; этим субъектом обоснован у вас предикат «кратчайшее расстояние»: такое обоснование абсолютно достоверно, так как, собственно говоря, оно состоит в том, что «линия, составляющая кратчайшее расстояние, есть линия, составляющая кратчайшее расстояние»; но не ясно ли, что эта абсолютная достоверность в то же время и абсолютно бесплодна, потому что из вашего суждения совсем не видно, какую роль играет присоединенный в субъекте второй признак «неизменность направления»: ведь и без него предикат абсолютно обоснован. Поэтому, имея в системе знания только ваше аналитическое определение, не возбраняется думать, что признак «неизменность направления» присоединен внешним образом, незаконосообразно, т. е. может в одних случаях присутствовать, а в других отсутствовать. Иными словами, из формы вашего аналитического суждения не видно, что понятия «линия с неизменным направлением» и «линия с неизменным направлением, составляющая кратчайшее расстояние (в трехмерном пространстве)» имеют одинаковый объем: остается поэтому возможность того, что понятие «линия, имеющая неизменное направление» есть родовое, а понятие «линия, имеющая неизменное направление и составляющая кратчайшее расстояние между двумя точками» есть видовое. Итак, моя аксиома при вашем аналитическом определении (если его не дополнить другими знаниями) низводится на степень частного суждения: «некоторые линии, имеющие неизменное направление, составляют кратчайшее расстояние между двумя точками». Ясно, что вся ценность аксиомы при замене ее аналитическим определением рушилась и, обладая лишь таким определением, нельзя будет из него делать те выводы, которые Евклид делает из синтетической аксиомы (из синтетического закона).

Положение здесь буквально такое же, как в том случае, когда кто-либо, имея суждение «желтые розы желты», стал бы на осно-

Библиотека "Руниверс"

вании этого аналитического суждения решать вопрос об отношении класса роз к признаку желтизны; ясное дело, что он не имеет права, исходя из предыдущего суждения, отважиться на утверждение, что «все розы желты», и может только поручиться за частное суждение «некоторые розы желты» (именно — «желтые розы — желты»).

Из предыдущих рассуждений следует, что аналитические суждения в том смысле, какой придан этому термину выше, представляют собою чистейшее пустословие. В действительности, в живом мышлении таких суждений вовсе не бывает (даже суждение «*А* есть *А*» имеет синтетический характер, — смысл его таков: «*А*, мыслимое два раза, тожественно себе»). Они могут фигурировать только на страницах логики и гносеологии или как фикции, или как выражение ложных теорий суждения. Кант в «Критике чистого разума», исследуя теории своих предшественников, повидимому, особенно Лейбница, приписал им такую теорию общих и необходимых суждений математики и был в значительной мере прав: Лейбниц действительно часто высказывается в духе этой ложной теории, хотя, конечно, поскольку он ее не формулирует с абсолютною отчетливостью путем противопоставления с теориею синтетических суждений (за неимением еще не родившегося противника), в его сочинениях можно найти не мало и таких мест, где окажется, что вопрос об оправдании общих и необходимых суждений смутно стоял в его уме в более сложной и более правильной форме. Однако Канту незачем было пускаться в исследование этой исторической проблемы. Его систематическому уму достаточно было найти у предшественников возможность такой теории обоснования математики и естествознания, и заслуга его состоит в том, что он вскрыл несостоятельность ее, установил понятие синтетического суждения и попытался решить, как возможно, чтобы синтетические суждения были общими и необходимыми, заставив почти всех последующих гносеологов видеть в этой проблеме центр тяжести обоснования науки. Но в его гносеологии наряду с синтетическими суждениями признано все-же существование аналитических суждений. Теперь остается только довершить дело Канта в некотором несущественном пункте; изгнать из гносеологии и логики окончательно всякие положительные учения об аналитических суждениях и сохранить изложение этого вопроса лишь настолько, насколько это необходимо для истории гносеологии, а также для предотвращения в будущем попыток вернуться к этой ложной теории.

§ 55. Вопрос о попытках заменить аксиомы определениями затронут здесь, собственно, только ради проблемы аналитических суждений. Но раз уж мы его коснулись, рассмотрим еще одну возможную постановку его. Некоторые представители этих попыток могут защищаться следующим образом. Они согласятся с тем, что определения

Библиотека "Руниверс"

суть синтетические суждения, и тем не менее будут настаивать на том, что аксиомы следует заменить определениями потому, что аксиома предъявляет претензию считаться выражением закона, а между тем выступает, повидимому, без всякого обоснования, тогда как определение имеет более скромный характер: оно выставляется, как условно принятое положение.

Очевидно однако, что и такая постановка вопроса невыгодна для науки, по крайней мере тем, что таким путем без всякой нужды понижается ценность науки. В самом деле, если определения условны, если они принадлежат, согласно предлагаемой мною терминологии, к числу гипотетических, то условною, гипотетическою становится и вся наука, опирающаяся на них. Между тем, если не всегда, то очень часто, напр., когда речь идет об идеальных предметах, созерцание их бытия несомненно; так, когда математик дает определение комплексного числа, когда Гильберт в «Grundlagen der Geometrie» посредством группы аксиом определяет понятие «между», понимание этих понятий есть не что иное, как созерцание идеальных предметов, о которых в них говорится. Сомнению может подлежать только воплощаемость таких идей в нашем царстве бытия, да и то эти сомнения иногда бывают лишь временными, как это оказалось, напр., для комплексных чисел. Но ведь наука о таких предметах занимается не их воплощением, а идеальною законосообразною структурою их и имеет категорический характер так же, как и определения этих предметов, опирающиеся на умственное созерцание их (на интеллектуальную интуицию).

Аксиомы о законосообразных связях, напр., упомянутая аксиома о прямой линии (в евклидовском пространстве), даны в таком-же несомненном умственном созерцании, стоят, следовательно, по своей достоверности и по своей ценности (как категорические суждения) на одной доске с такими определениями, и потому нет никаких оснований превращать их в определения.

Совсем иная картина получается тогда, когда определение действительно гипотетическое, и когда поэтому система выводов, опирающаяся на него, имеет ту-же ценность, т. е. составляет систему знаний, хотя и необходимо вытекающих из посылок, но все же лишь условных. Так, можно предположить существование небесного тела, которое условимся называть Террицидою и определим посредством следующих признаков: масса, равная $1/5$ массы земли, температура 2000° С, такая-то орбита и такое-то движение по ней. Исходя из этого определения, астроном может сделать множество выводов, напр., быть может, вывод, что 6 августа 1985 г. это тело столкнется с нашею Землею, что до столкновения и после него произойдут под влиянием Террициды такие-то изменения в нашей солнечной системе и т. п. Конечно, эта система знаний имеет резко иной характер, чем геометрия Гильберта или математическая логика Пеано.

Библиотека "Руниверс"

Глава VI.

Деление понятия.

§ 56. Установление определения есть акт, имеющий целью найти содержание понятия и таким образом открыть понятие, иметь в сознании как его содержание, так и объем в отчетливой и ясной форме.

Теперь нам нужно рассмотреть еще один акт знания, направленный на общие понятия (или на общие представления), специально на объем их, и называемый делением понятия. Состоит он в том, что данное общее понятие рассматривается, как родовое, и весь объем его разделяется на соподчиненные виды. Напр., понятие линейный угол может быть разделено на три вида: острый угол, прямой угол, тупой угол.

Виды, полученные в результате деления, могут быть приняты в свою очередь опять за роды и подвергнуты дальнейшему делению на еще более частные понятия и т. д., так что этим путем можно построить очень сложную систему понятий. Деление понятий, произведенное для целей науки или практической деятельности, называется классификацией.

Задача деления кажется на первый взгляд очень простою. На деле выполнить ее точно бывает иногда очень трудно. В самом деле, объем делимого понятия должен быть, так сказать, разделен на части; при этом сумма полученных частных объемов (сумма видовых объемов) должна быть не меньше и не больше делимого объема. Мало того, всякая особь, входящая в объем делимого понятия, должна войти в объем только одного из видовых понятий, но не в два или более вида. Это значит, что виды, получаемые при делении, должны быть понятиями, противоположными в отношении друг к другу (противными или противоречащими), каковы, напр., понятия острый угол, прямой угол, тупой угол. Иначе, мы, производя деление, будем отчасти, так сказать, топтаться на месте, т. е. переходя к новому виду, захватывать в его состав часть особей, вошедших уже в раньше упомянутые виды. Таково было бы положение, напр., если, став делить понятие линейного угла, мы указали бы на вид «прямой угол», потом на вид «центральный угол»: это виды согласимые, именно перекрещивающиеся, следовательно, часть их объемов совпадает.

Все перечисленные требования логически правильного деления (или классификации) легко могут быть выполнены, если применить для этой цели метод, называемый делением по присутствию и отсутствию какого-либо признака. Напр., целые рациональные числа можно разделить на два вида по присутствию или отсутствию признака «делимость на два без остатка»: четные и нечетные числа.

Библиотека "Руниверс"

Однократное применение такого деления дает не более двух вид(дихотомическое деление); но, применяя его многократно, напр., по разделяя дальше тем-же способом отрицательное понятие, которс часто оказывается более объемистым, чем положительное, можно пс лучить сложную систему классификации.

Деление по присутствию и отсутствию признака строго удовлє творяет указанным выше требованиям. Виды, полученные этим путем выражаются понятиями противоположными, именно противоречащимі друг другу: не может найтись предмет, обладающий и не обладающиі одним и тем же признаком, так как это было бы нарушением з а к о н а п р о т и в о р е ч и я. Сумма объемов их не может быть меньше объема делимого понятия: иначе, это означало бы, что наряду с двумя найденными видами есть еще третий вид, но тогда был бы нарушен з а к о н и с к л ю ч е н н о г о т р е т ь е г о.

Однако как ни легок этот прием деления, не всегда стоит к нему прибегать, потому что он дает иногда классификацию, мало ценную в научном отношении. Отрицательное понятие, получаемое этим способом, часто оказывается объединяющим в себе слишком разнородные подвиды, и потому пригодно для выводов лишь в какой-либо весьма ограниченной сфере. Примером может служить деление всех позвоночных на крылатых и не крылатых.

Поэтому и наука и житейское мышление нередко прибегает к другому методу деления, называемому делением п о в и д о и з м е н е н и я м (модификациям) какого-либо п р и з н а к а. Примером может служить приведенное выше деление линейных углов на острые, прямые и тупые или деление понятия «целое рациональное число, выраженное по десятичной системе» на виды: однозначное, двузначное, трехзначное, многозначное число (разумея под словом многозначное все числа, выраженные более, чем тремя знаками).

Сущность этого метода состоит в следующем: избирается какойлибо признак, присущий в с е м входящим в объем делимого понятия особям, но способный к видоизменениям, исчерпывающее перечисление которых и дает подразделение понятия на виды. Так, в первом приведенном примере избирается признак «отношение угла к величине угла в 90°»; все видоизменения этого отношения исчерпываются тремя понятиями: больше 90°, равно 90°, меньше 90°; отсюда получаются три вида углов — тупой, прямой, острый.

Признак, по видоизменениям которого производится деление понятия на виды, называется о с н о в а н и е м д е л е н и я (fundamentum divisionis).

Из приведенных примеров ясно, что этот метод деления понятия удается лишь в том случае, если основанием деления служит признак, который сам уже подразделен в нашем уме точно на виды, исключающие друг друга (противные в отношении друг друга понятия), и притом подразделен очевидно исчерпывающим образом (напр., быть боль-

Библиотека "Руниверс"

ше, быть меньше, быть равным). Такая точность и очевидность подразделений присуща очень немногим признакам, напр. временным, пространственным, числовым, вообще преимущественно таким признакам, которые могут быть предметом математических наук.

Деление может быть производимо также сразу на основании видоизменения двух или более признаков; так, треугольники можно делить на основании, напр., величины углов и равенства сторон: остроугольные разносторонние треугольники, остроугольные треугольники с двумя равными сторонами, остроугольные равносторонние треугольники, прямоугольные разносторонние треугольники и т. д. (7 видов).

§ 57. Ошибки, которых следует избегать при делении понятия, намечены уже выше. Деление не должно быть узким; так называется деление, в котором упущена из виду часть объема делимого понятия; напр., если бы кто разделил людей на политеистов и монотеистов, деление было бы узким, так как пропущены атеисты.

Деление не должно быть также широким, т. е. сумма объемов видов, полученных от деления. не может быть больше объема делимого понятия. Напр., если бы кто-либо разделил споровые растения на водоросли, грибы, мхи, хвощи, плауны, папоротники, голосемянные, это было бы деление широкое, так как голосемянные (ели, сосны и др.) не суть споровые растения.

Всего опаснее и чаще всего встречается третий вид ошибок — сбивчивое деление. Состоит оно в том, что деление начинается по видоизменениям одного признака, а потом сбивается на видоизменения другого признака. Так, напр., деление рациональных чисел на целые, дробные, именованные и отвлеченные — сбивчивое. Сначала в нем виды образуются по отношению к единице, а потом по присутствию и отсутствию наименования исчисляемых предметов. Поэтому некоторые из полученных видов суть понятия, согласимые друг с другом, напр. понятия целое число и именованное число (перекрещивающиеся понятия). Сбивчивое деление, обыкновенно, содержит в себе целое гнездо ошибок, именно бывает не только сбивчивым, но еще узким или широким или одновременно и узким, и широким (в разных отношениях). В самом деле, сбивчивость возникает тогда, когда сам классификатор не отдает себе отчета, по видоизменениям какого признака он производит деление; при этом легко упустить из виду какое-либо видоизменение или, наоборот, прибавить несуществующий в делимом понятии вид; так, в предыдущем примере пропущен вид — смешанные числа.

Разработанное, традиционное учение логики о делении понятия и, следовательно, также о классификации представляется простым, ясным и точным. Горе, однако, в том, что этот логический идеал классификации оказывается часто на деле совершенно неосуществимым. Когда речь идет об отвлеченно-идеальных предметах, напр., объектах математики, он в большинстве случаев осуществим, но он зачастую

Библиотека "Руниверс"

недостижим, когда классифицировать нужно реальные объекты, образующие систему с бесчисленным множеством переходных форм и разновидностей, в особенности если классификация предпринимается не ради какой-либо узкой, специальной задачи, а стремится быть «естественною», как, напр., в современной зоологии или ботанике. Трудная проблема классификации таких объектов почти совершенно еще не освещена логикою [1]).

Глава VII.

Форма суждения

1. Количество суждения. Частные суждения.

§ 58. Раньше, чем приступить к центральной задаче логики, к теории доказательства, нужно еще познакомиться с теми различиями между суждениями, которые имеют значение для доказательств; это различия по количеству, качеству, относительности и модальности.

В течение веков четыре классификации суждений, основанные на видоизменениях указанных четырех признаков, излагались почти одинаковым образом. Однако, современная логика и здесь все начинает подвергать глубоким изменениям и даже находит в традиционной классификации нарушения правил, так точно установленных самою классическою логикою. Краткие, меткие замечания по этому вопросу можно найти, напр., в «Основах логики» Липпса [2]). Чтобы не останавливаться слишком долго на мелочах, я буду рассматривать только то, что необходимо для развиваемой далее теории доказательств.

По количеству логика делит суждения на общие, напр., «все тела протяженны», частные, напр., «некоторые тела плавают на воде», и единичные, напр. «это тело (это бревно) плавает на воде». В первом суждении предикат приписывается целому объему общего понятия, во втором — неопределенной части объема, а в третьем — одной единственной особи.

По поводу этой классификации Липпс замечает, что она неправильна, если утверждать, как это делает часто логика, будто разница между общими и частными суждениями состоит в том, что в первых предикат приписывается целому объему субъекта, а во вторых — не целому объему субъекта. Липпс говорит, что во всяком суждении предикат приписывается целому объему субъекта; но субъектом суждения «некоторые тела плавают на воде» служит не класс тело, а какой-то еще неопределенный знанием класс

[1]) См в связи с этою проблемою статью Бенно Эрмана о классификации по типам, „Theorie der Typen-Eintheilungen“ Philos. Monatshefte, 1894.
[2]) См. стр. 67, 83, 87, с., 278 с.

Библиотека “Руниверс”

«некоторые тела» [1]). При дальнейшем развитии знания такой класс может стать определенным; так, физика установила, что плавают на воде тела, вытесняющие объем воды, по весу равный плавающему телу. Благодаря такому прогрессу знания частное суждение превращается в общее, напр., в данном случае: «все тела, вытесняющие при погружении в воду объем воды, по весу равный весу погружаемого тела, плавают».

В большинстве случаев знание, полученное после превращения частного суждения в общее, имеет менее общий объем, чем общие суждения о том понятии, к которому прибавлено слово «некоторые»; так, в приведенном примере общее суждение физики относится только к в и д у рода тел. Это значит, что частные суждения возникают в большинстве случаев тогда, когда опознанный субъект суждения не есть достаточное основание для предиката; только в соединении с каким-то видовым признаком *x* он составляет достаточное основание, и нужно открыть этот *x*, если мы хотим превратить частное суждение в общее.

Возможны, однако, и такие случаи, когда частное суждение превращается в общее, относящееся ко всему объему понятия, к которому раньше прибавлено было слово «некоторые». Так, положим, просматривая списки депутатов-крестьян, избранных в Государственную Думу в 1905 г. от *N* губернии, и зная, что от этой губернии избрано всего 8 депутатов-крестьян, я найду неполный список, содержащий в себе всего пять имен; если окажется, что каждый из этих пяти депутатов —старообрядец, я имею право высказать частное суждение: «некоторые (т. е. по крайней мере некоторые) депутаты-крестьяне, избранные в Государственную Думу в 1905 г. от *N* губернии, старообрядцы». Положим далее, найдя полный список депутатов, я узнаю из него, что каждый из восьми депутатов — старообрядец; тогда я получу право на общее (регистрирующее) суждение: «все депутаты-крестьяне, избранные в Государственую Думу в 1905 г. от *N* губернии — старообрядцы».

И в этом случае частное суждение было выражением несовершенного знания. Правда, в нем предмет «депутат-крестьянин, избранный в 1905 году в Государственную Думу от *N* губернии», достаточен для обоснования предиката; однако, это обоснование не прямое, а через посредство ряда звеньев, кроющихся в политической, экономической, религиозной и т. п. жизни крестьянства *N* губернии; поэтому неудивительно, что, имея в сознании опознанным только первое звено этого ряда оснований и следствий, я не мог утверждать общее суждение; да и после просмотра полного списка, получив право на общее суждение (благодаря полной индукции), я высказываю знание, хотя и более определенное, чем прежде, но все-же б е з п о н и м а н и я того, п о ч е м у N губерния послала в Думу от крестьян старообрядцев.

[1]) См. Липпс „Основы логики“, стр. 45 с.

Библиотека “Руниверс”

Итак, частное суждение есть выражение низшей ступени знания в сравнении с общим и единичным суждением: оно отличается от них неопределенностью объема субъекта, доходящею до того, что субъект «некоторые S» (не ни одно S) может оказаться только видом S, может оказаться и целым понятием S, а иногда даже и только одною особью из класса S. Для выражения столь неопределенного знания слово «некоторые» должно быть взято в значении «по крайней мере некоторый (т. е. «не ни один»). Так и принято в большинстве систем логики, когда слову «некоторые» придается значение термина, выражающего частное суждение. Иногда этому термину придается значение, более распространенное в живой речи, именно «только некоторые», как напр., в предложении, «некоторые люди обладают абсолютным слухом». Такие предложения служат выражением сразу двух суждений: «одни люди обладают абсолютным слухом, а другие не обладают им».

Большинство логиков принимает первое значение слова некоторые, несмотря на то, что оно очень редко встречается в обыденной речи; и даже в науке, как указал Н. А. Васильев, чаще встречается второе значение этого слова, чем первое [1]). По словам Н. А. Васильева, логика не указывает для этого «никаких оснований» (стр. 5), между тем как, по его мнению, можно привести веские доводы в пользу того, чтобы положить в основу классификации значение слова «только некоторые». В самом деле, он обращает внимание на то, что суждение «по крайней мере некоторые S суть P» имеет значение «некоторые S, а, может быть, и все S суть P» (стр. 11), и это «может быть, показывает, что перед нами находится проблематическое предложение; поэтому Васильев отказывается даже считать их суждениями, а видит в них только «наше субъективное колебание» между общим суждением и суждением «только некоторые S суть P» (стр. 11). Такие «неопределенные суждения» представляют собою, по его мнению, «скорее психологическую, чем логическую форму перехода от суждения о факте к суждению о правиле» (стр. 46). Наоборот, говорит он, суждение «только некоторые S суть P», напр., «некоторые люди блондины» есть вполне законченное знание, ассерторическое суждение о том, что предикат P не исключается, но и не требуется природою субъекта S, что предикат «блондин» совместим, но не обязателен для понятия «человека»; оно указывает на «случайность связи понятий S и P, на отношение перекрещивания между ними; поэтому Васильев предлагает называть эти суждения акцидентальными (стр. 18) и вообще изгнать из логики термин частное суждение, так как во всех суждениях субъект берется в полном объеме: «суждения о понятии

[1]) Н. А. Васильев, О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвертого (Казань, 1910), стр. 6.

Библиотека "Руниверс"

и о факте, суждения об единичном предмете, группе или классе будут суждениями обо всем понятии и обо всем факте, о целом предмете, о целой группе, о целом классе. Нет категории частности. Субъект всегда распределен в суждении» (стр. 46, 20). (С последнею мыслью Н. А. Васильева, совпадающею со взглядом Липпса, нельзя не согласиться). Наконец, последний довод Васильева в пользу «только некоторые» (акцидентальное суждение) и против «по крайней мере некоторые» (проблематическое суждение) таков: «Разница между акцидентальным и проблематическим та, что акцидентальное всегда своим субъектом имеет понятие и выражает какое - нибудь вневременное, вечное правило (так же как обще-утвердительное и обще-отрицательное). Во все времена «предикат» блондина будет совместим с понятием «человека». Напротив того, проблематическое суждение относится всегда к фактам и выражает всегда гипотезу о каком-нибудь фактическом отношении, необходимо имеющем определенный временной характер» (стр. 18).

Доводы Н. А. Васильева развиты очень остроумно и содержательно, однако они не достаточны для того, чтобы отступить от учения классической логики, в пользу которого можно привести следующие основания. Суждение «по крайней мере некоторые *S* суть *P*» действительно имеет неопределенный характер в том смысле, что предмет его «некоторые *S*» есть неопределенный еще в нашем знании класс, и в этом отношении перед нами находится особая психологическая стадия познавательного процесса; однако, это не мешает рассматриваемому суждению иметь другую, точную, объективную сторону, дающую ассерторическое знание: она соответствует смыслу слова «некоторые», выразимому словами «не ни один»; мало того, она соответствует даже и полному смыслу слов «по крайней мере некоторые», имея в виду всех некоторых, которых я рассмотрел или о которых я умозаключил, что они суть *P*; поэтому незачем, раскрывая смысл этих суждений, вводить слово «может быть». Возражая Н. А. Васильеву, И. И. Лапшин совершенно правильно замечает: «Слово некоторые» не заключает в себе никакой проблематичности: в нем нет никакой определенной мысли об «остальных». Никто не может запретить мне ничего не думать об этих остальных так же, как никто не может заставить меня в суждении: все люди смертны — обязательно думать о смертности букашек, таракашек и т. д.» [1]).

Без сомнения, это знание, хотя и ассерторическое, очень мало содержательно, но именно поэтому оно и есть интереснейший и важный объект исследования той науки (логики), которая изучает различные формы объективного состава знания. Более сложное знание, соответствующее слову «только некоторые», есть, как

[1]) И. И. Лапшин. Гносеологические исследования, вып. I. Логика отношений и силлогизм, 1917, стр. 52.

Библиотека "Руниверс"

правильно указывает Н. А. Васильев, а раньше него проф. А. И. Введенский («Логика, как часть теории познания», 3 изд., стр. 74), сочетание двух суждений («часть *S* есть *P*, а другая часть не есть *P*»), выраженное одним предложением. Наука подвергает специальному исследованию или элементы, или такие целые, которые, будучи сочетанием элементов, глубоко все же отличаются по своей природе от своих элементов. Н. А. Васильев указывает, что «акцидентальные суждения» («только некоторые *S* суть *P*») составляют, правда, соединение двух суждений, но «это соединение вроде химического, элементы утратили свои свойства суждений о фактах, их продукт стал суждением о правиле» (стр. 23). Это верно, но правило, о котором говорит Н. А. Васильев, выражается в двух единичных суждениях: «*S* не исключает, но и не требует *P*» (эти суждения мы считаем единичными согласно развитому выше учению о понятиях); с другой стороны, это сложное знание выразимо в виде таких сложных суждений, которые, несмотря на свою сложность, подвергаются специальному исследованию в логике, именно в виде разделительных суждений, как это указал сам Н. А. Васильев: «только некоторые *S* суть *P*» означает, что «все *S* или суть *P* или не суть *P*» (стр. 17). Итак, знание, выраженное в суждениях о «только некоторых *S*», не упущено логикою из виду, но ради него она не вводит особой категории суждений в свои основные классификации.

В заключение замечу еще, что Н. А. Васильев уже совершенно не прав, утверждая, будто эти суждения выражают отношение перекрещивания между понятиями. Они возможны также и в том случае, когда понятия относятся друг к другу, как род к виду, напр. «только некоторые растения суть цветковые».

Не прав Н. А. Васильев и тогда, когда утверждает, что в рациональном знании, напр. в математике, совершенно не применимы суждения о «по крайней мере некоторых *S*». И. И. Лапшин указывает, что такое суждение «предполагается той операциею мысли, которую Пуэнкаре называет le raisonnement mathématique par excellence — рассуждение par reccurence (заключение от n к $n+1$). Таких случаев в математике множество. Напр., проблема Ферма: $x^n + y^n = z^n$ невозможна для целых чисел (x, y, z) и дла $n > 2$. Это положение до сих пор не доказано в общем виде, но лишь для некоторых значений. Эйлер доказал его для $n = 3$ и для $n = 5$, Дирихле для $n = 14$, Куммер для n = некоторым простым числам. Мы можем сказать:

Некоторые $(x^n + y^n)$ не суть z^n.

Суждение это — O, которое превратится в E в ту минуту, когда будет найдено общее решение. А будет ли оно когда-нибудь найдено?» [1]).

---

[1]) Лапшин, там же, стр. 53.

Библиотека "Руниверс"

Так как Н. А. Васильев под видом акцидентальных суждений рассматривает на деле не простое суждение, а сложное, то не удивительно, что, сопоставляя его с простыми суждениями, он вынужден отвергнуть многие виды умозаключений, указанные классическою логикою для суждений «по крайней мере некоторые *S* суть *P*»; мало того, он принужден даже отвергнуть закон исключенного третьего и заменить его законом исключенного четвертого. Слишком много чести для акцидентальных суждений, т. е. суждений о случайности связи между *S* и *P*.

Перейдем теперь к вопросу о том, почему логика подвергает специальному исследованию суждения «по крайней мере некоторые *S* суть *P*», хотя уже признано, во-первых, что в них есть неопределенность, именно они относятся к неопределенному классу и, во-вторых, что даже и та сторона их, которая составляет определенное и ассерторическое знание («не ни одно *S*» и «все те некоторые *S*, которые я рассмотрел или о которых я заключил...»), весьма мало содержательна.

Прежде всего отмечу, что такое знание чрезвычайно распространено и в науке, и в обыденном мышлении; в составе всевозможных утверждений со словами «иногда», «часто», «многие», «большинство», «несколько» и т. п. вполне достоверна и доказана только та часть, которая при точном выражении ее должна быть высказана словами «по крайней мере некоторые *S* суть *P*, а об остальных я помолчу, пока не приобрету достоверных сведений». Вот этих достоверных сведений мы в житейском мышлении и даже, к сожалению, в научном нередко не имеем и говорим «часто», «иногда *S* есть *P*», откуда может возникнуть ложное мнение, будто уже установлено, что «в одних случаях *S* есть *P*, а в других *S* не есть *P*». Таково, напр., утверждение «заболевания истериею часто возникают на почве психической травмы»; в некоторых случаях наличность психической травмы не доказана, однако, в виду трудности достоверного доказательства таких отрицательных тезисов, приходится признать, что вопрос остается не выясненным и приведенное положение достоверно лишь в смысле «по крайней мере некоторые случаи заболевания истериею обусловлены психическою травмою».

Логика абстрагирует из состава знания эту мало содержательную часть его и, так как в живом конкретном знании она почти нигде не фигурирует в обособленном виде, то она и производит впечатление чего-то искусственного. Как известно, все науки часто бывают в таком положении, поскольку им приходится изучать абстракции. Почему же стоит производить в логике указанную абстракцию и изучать ее? — Во-первых, потому что суждения о «по крайней мере некоторых *S*» часто представляют собою единственное вполне достоверное знание в данной области; во-вторых, потому что они легко доказуемы; в-третьих,

Библиотека "Руниверс"

потому что они вследствие предыдущего своего свойства часто служат начальным звеном знания, а известно, как важно с самого начала зацепиться хоть за что-нибудь вполне достоверное и, наконец, в-четвертых, будучи элементарными, как продукт далеко идущей абстракции, они обнаруживают специфические свойства, которые в различных комбинациях оказывают различные, очень важные то полезные, то вредные влияния: напр., известно их своеобразное значение в силлогизме, не выгодное, когда они служат посылками, и выгодное, когда они служат выводом. Особенно важно то, что эти суждения могут быть использованы для легко достижимого и тем не менее достоверного опровержения ложных общих положений (с чем согласен и Н. А. Васильев, стр. 31).

Рассмотренные суждения имеют в виду неопределенный класс, следовательно, субъект их распределен. Можно ли называть их словом частные суждения? — Сохраним этот термин, во-первых, для того, чтобы не отступать от привычной терминологии, а, во-вторых, потому, что можно придать ему следующий смысл: в суждении «некоторые *S* суть *P*» мы высказываем знание о некоторой части класса *S*, оставляя открытым вопрос, не окажется ли весь класс *S* наделенным предикатом *P*.

На основании вышеизложенного деление суждений по так называемому, количеству принимает следующий вид; суждения бывают:

I. С определенным содержанием предмета; II. с неопределенным содержанием предмета. Суждения с неопределенным содержанием предмета суть частные; суждения с определенным содержанием предмета подразделяются далее на 1) общие и 2) единичные.

Основное деление в этой классификации имеет целью разграничить две формы знания, резко отличные по своей ценности: низшую, мало содержательную и высшую, более содержательную. Та же тенденция обнаружится почти везде и в дальнейших классификациях суждений.

Наконец, общие суждения еще делятся на регистрирующие и бесконечные. В первых предмет есть регистрирующее понятие, напр. «все современные американские государства имеют представительный образ правления», а во вторых — бесконечное понятие, напр. «все тела, наэлектризованные одноименным электричеством, отталкиваются друг от друга».

2. *Качество суждения. Относительность качества.*

§ 59. По качеству суждения делятся на утвердительные и отрицательные. Согласно учению классической логики, утвердительным называется такое суждение, в котором предикат *P*

Библиотека "Руниверс"

приписывается предмету *S*, утверждается за предметом *S*, напр. «шесть делится на два без остатка»; отрицательным же называется такое суждение, в котором предикат *P* не приписывается предмету *S*, отрицается в отношении к нему, напр. «семь не делится на два без остатка».

Система логики, принимающая такое учение об утвердительности и отрицательности суждения, должна вместе с тем считать отрицание «не» (а также и утверждение) не принадлежащим ни к составу предиката, ни к составу предмета и субъекта; согласно такой теории оба приведенные суждения о числе шесть и о числе семь имеют один и тот же предикат «делимость на два без остатка», но отношение предиката к предмету в этих двух суждениях различное, что и выражается присутствием или отсутствием слова «не». Что же это за отношение? Некоторые представители логики называют его отношением разделения (Аристотель, De interpretatione, I), другие говорят, что это отношение «отрицания», большинство же не указывает точно, что это за отношение. Во всяком случае для всех них строение этих двух суждений должно быть выражено схемами:

S есть *P*; *S* не есть *P*.

Это учение, очевидно, не совместимо с отстаиваемою нами теориею суждений, согласно которой субъект относится к предикату, как основание к следствию: субъект «число шесть» приводит к следствию «делимость на два без остатка», а субъект «число семь» с такою же необходимостью приводит к иному следствию «не делимость на два без остатка». Ясно, что такая теория обязывает относить «не» к составу предиката, т. е. считать два приведенные суждения имеющими различные предикаты «делимость на два» и «не делимость на два» и выражать основную структуру суждения всегда и везде одинаково: $\overset{S}{\underbrace{:\ \ :\ \ :}}$ — *P*, разумея под *P* в одних случаях положительные, а в других отрицательные понятия.

Учение классической логики об отрицательном суждении отвергается нами не только потому, что оно не совместимо с нашею теорией. У него есть еще недостатки, нарушающие последовательность самой классической логики. Качество «отрицательность» и «утвердительность» есть, согласно этому учению, абсолютное свойство суждения, так как обусловлено отношениями, существующими внутри суждения. Однако, сама классическая логика, рассматривая посылки умозаключений, считает буквально одно и то же суждение то утвердительным, то отрицательным, в зависимости от его отношения к другим посылкам. Значит, она сама считает это свойство суждения относительным. Так, возьмем две посылки «все лица, имеющие аттестат зрелости, имеют право поступления в универ-

Библиотека "Руниверс"

ситет действительными студентами» и «*NN* не имеет аттестата зрелости»; из этих посылок нельзя сделать вывода об *NN* по первой фигуре силлогизма (так как возможно, что, кроме обладающих аттестатом зрелости, какие-либо другие категории лиц также имеют право поступления в университет действительными студентами); невозможность получить обоснованный вывод классическая логика объясняет тем, что в первой фигуре силлогизма меньшая посылка должна быть утвердительною, а здесь меньшая посылка «*NN* не имеет аттестата зрелости» о т р и ц а т е л ь н а. Возьмем теперь это же самое суждение при другой большей посылке; «лица, не имеющие аттестата зрелости, не имеют права поступить в университет действительными студентами», «*NN* не имеет аттестата зрелости»; из этих посылок можно получить вывод по первой фигуре силлогизма («*NN* не имеет права поступить в университет действительным студентом»). Право на вывод классическая логика объясняет тем, что суждение «*NN* не имеет аттестата зрелости» должно считаться у т в е р д и т е л ь н ы м при этой большей посылке (в самом деле, «*NN* в х о д и т в класс лиц, не имеющих аттестата зрелости» и, следовательно, лишенных права на поступление в университет, согласно большей посылке). Итак, отрицательность или утвердительность суждения зависит от его отношения к д р у г о м у суждению или к понятию, находящемуся в другом суждении (субъекту или предикату). Следовательно, качество суждения есть о т н о с и т е л ь н о е свойство его.

Этот вывод подтверждается еще и тем, что простое г р а м м а т и ч е с к о е преобразование предложения устраняет или вносит в его состав отрицание«не»без изменения объективной стороны суждения, что и понятно, если качество суждения есть нечто относительное. Напр.,«шесть делится на два без остатка»равнозначно по своему объективному составу суждению «шесть не дает остатка при делении на два».

Неясность учения классической логики о том, какое же о т н о ш е н и е внутри суждения обусловливает утвердительность или отрицательность его, наводит на мысль, что она между прочим, смешивает психологическую и логическую сторону суждения, именно принимает п с и х и ч е с к и й а к т у т в е р ж д е н и я или о т р и ц а н и я (акт согласия или несогласия со смыслом высказывания) за источник качества суждения. Так как всякий психический акт утверждения, если не сопуствуется реально, то все же с законосообразною необходимостью подразумевает акт отрицания противоречащего ему высказывания, то отсюда и становится понятным, почему всякое высказывание может без изменения его смысла грамматически преобразовываться так, чтобы была подчеркнута либо сторона нашего согласия, утверждения, либо сторона несогласия, («шесть делится на два без остатка», «шесть не дает остатка при делении на два»); впрочем для этого чаще всего даже и грамматическое преобразование не тре-

Библиотека "Руниверс"

буется: интонация, мимика (напр. движения головы), а также связь с предыдущими и последующими высказываниями достаточно ясно показывают, реализуется ли в нашей субъективной психической жизни акт согласия или несогласия. Соответственно субъективному акту согласия или акту несогласия и в объективном составе суждения выдвигается на первый план всегда сосуществующие в нем положительность или отрицательность, присущие всякому определенному содержанию, как это было выяснено в главе о законе тожества и противоречия.

Обилием возможных смешений грамматической, психологической и логической стороны высказываний объясняется множество разнородных учений об отрицательном суждении, и совершенная неразрешенность до сих пор этого вопроса в логике. Учение, отстаиваемое мною, изложено в моей статье «Логическая и психологическая сторона утвердительныхъ и отрицательныхъ суждений» [1]; здесь я вкратце передам его содержание, уже подготовленное предыдущими замечаниями.

1. Утвердительность и отрицательность суждений, имеющая значение для теории логики, не абсолютна, а относительна: она основывается не на отношении частей суждения друг к другу, а на отношении целого суждения к понятию, входящему в состав другого суждения и служащему в нем предметом или предикатом. Сопоставляя две посылки «лица, имеющие аттестат зрелости, имеют право поступить в университет действительными студентами» и «*NN* не имеет аттестата зрелости» и рассматривая вторую из них в отношении к предмету первой «лица, имеющие аттестат зрелости», необходимо признать, что она относительно отрицательна. В силу какого отношения между смыслом суждения «*NN* не имеет аттестата зрелости» и понятием «лицо, имеющее аттестат зрелости»? В силу отношения противоречия. Иное дело, если посылки таковы: «лица, не имеющие аттестата зрелости, не имеют права поступить в университет действительными студентами» и «*NN* не имеет аттестата зрелости», здесь между смыслом суждения «*NN* не имеет аттестата зрелости» и предметом «лица, не имеющие аттестата зрелости» существует отношение тожества (частичного) и потому суждение «*NN* не имеет аттестата зрелости» — относительно утвердительное.

В других случаях строение посылок побуждает к сравнению одной посылки с предикатом другой. Напр., суждение «аммиак не есть простое тело» отрицательно в отношении к предикату суждения «металлы суть простые тела» (поэтому из двух таких посылок можно сделать вывод по второй фигуре силлогизма); но это же положение «аммиак не есть простое тело» утвердительно в отношении к предикату суждения «соли не суть простые тела» (поэтому из

[1]) В сборнике моих статей „Основные вопросы гносеологии" 1919, а ранее она была напечатана в журнале „Логос" (в русском и немецком издании его), 1912-1913, кн. I и 2.

Библиотека "Руниверс"

двух таких посылок нельзя сделать вывода по второй фигуре силлогизма).

Отношение противности сложно: оно содержит в своем составе и противоречие. Поэтому относительно отрицательным следует считать суждение и в том случае, когда смысл его находится в отношении противной противоположности к субъекту или предикату другого суждения. Суждение «аммиак есть сложное тело» отрицательно в отношении к предикату суждения «металлы суть простые тела» (поэтому два такие суждения дают правильный вывод «аммиак не есть металл» по второй фигуре силлогизма, которая требует, чтобы одна из посылок была отрицательною).

Итак, относительная утвердительность и отрицательность основана на связи или разделении, которое обусловлено таким несомненно логическим (и онтологическим) отношением, как тожество или противоположность (противоречащая и противная).

2. Отношение предиката к субъекту во всех суждениях, как в утвердительных, так и отрицательных, есть необходимое следование предиката из субъекта, причем понятие «не» относится к составу предиката, а не стоит между предметом и предикатом. Эта особенность защищаемой мною теории приводит к ряду отличий в учении о непосредственных умозаключениях, силлогизме и т. д. от теорий классической логики. Так как соответствующие учения классической логики до сих пор чрезвычайно прочно держатся в философской литературе и обладают многими почтенными свойствами, то в отделе об умозаключениях я всегда буду давать, по меньшей мере, два изложения — учение классической логики и учение, развиваемое мною.

3. Кроме относительной утвердительности и отрицательности суждений, можно допустить еще и абсолютную утвердительность или отрицательность, придавая этому термину следующий смысл. Рассматривая пары понятий, находящиеся друг к другу в отношении противоречащей противоположности, напр., «государственный деятель — не государственный деятель», «поэт — не поэт», условимся называть первые — положительными, вторые — отрицательными. Соответственно этому можно называть суждения, в которых предикатом служит отрицательное понятие, напр., «Шекспир поэт» абсолютно утвердительными, а суждения, в которых предикатом служит отрицательное понятие, напр. «Шекспир не государственный деятель» абсолютно отрицательными.

Надо однако тотчас-же заметить, что для логики эта абсолютная утвердительность и отрицательность имеет очень мало значения. В самом деле, в общей теории суждения существенное значение имеет вопрос об отношении предиката к субъекту, но это отношение ничуть не меняется от того, служит ли предикатом

Библиотека “Руниверс”

отрицательное или положительное понятие. Точно так-же на строе умозаключений это свойство предиката нисколько не отражается. Абсолютное деление суждений на утвердительные и отрицательные имеет большую цену только с методологической точки зрения, напр., при рассмотрении вопроса о сложности и трудности приемов доказательства некоторых суждений с предикатом non - Р, вроде суждения «на Кавказе нет золотоносных руд».

4. В виду того, что всякая определенность, будучи подчинена закону тожества и противоречия, содержит в себе и положительную и отрицательную сторону (синева не есть краснота, не есть звук и т. д., и т. д.), утвердительные суждения как абсолютные, так и относительные, не имеют никакого приоритета над отрицательными суждениями[1]).

§ 60. В теории умозаключений на каждом шагу приходится иметь в виду количество и качество суждений. Поэтому принято соединять обе приведенные классификации и обозначать качество и количество терминами общеутвердительное, общеотрицательное, частноутвердительное, частноотрицательное суждение.

Конечно, существуют еще единично-утвердительные и единично-отрицательные суждения, но эти термины встречаются очень редко потому, что логика до сих пор мало интересуется единичными суждениями и, напр., в теории силлогизма формулирует все правила, имея в виду лишь общие и частные суждения.

Для краткости принято даже изображать качество и количество суждения символами, именно: общеутвердительность — буквою а, частноутвердительность — i (первые две гласные латинского глагола affirmo, т. е. утверждаю), общеотрицательность—е, частноотрицательность—о (две гласные латинского глагола nego, т. е. отрицаю). Такимъ образом символы SaP, SiP и т. д. означают: «все S суть Р», «некоторые S суть Р» и т. д. Мы можем в дальнейшем также пользоваться этими символами, помня только, что, когда речь идет не о теориях классической логики, а о наших взглядах буквы а, i, е, о означают относительную утвердительность и отрицательность.

3. Относительность суждения.

§ 61. По видоизменениям относительности логика различает три класса суждений: категорические, условные (гипотетические) и разделительные (дисъюнктивные).

[1]) См. напр., теорию отрицательных суждений Зигварта и мои возражения против нее в статье „Логическая и психологическая сторона утвердительных и отрицательных суждений" в сборнике „Основные вопросы гносеологии", стр. 130-135.

Библиотека "Руниверс"

Согласно наиболее распространенному учению, условное (гипотетическое) суждение характеризуется тем, что в нем предикат признается принадлежащим субъекту в зависимости от у с л о в и я, которое «указывается в виде другого суждения, так что мы получаем пару категорических суждений, из которых истинность одного обусловливает истинность другого, напр., если радиусы двух кругов равны между собою (одно категорическое суждение, обусловливающее своею истинностью истинность следующего за ним), то эти круги равны (другое категорическое суждение)», а в категорическом суждении, напр. «сумма внутренних углов плоского треугольника равна двум прямым» отношение между субъектом и предикатом мыслится «не зависящим от каких-бы то ни-было условий [1]).

С таким учением об отличии условного суждения от категорического нельзя согласиться. «Условие», от которого зависит связь субъекта с предикатом, есть не что иное, как о с н о в а н и е (или ч а с т ь о с н о в а н и я), из которого предикат вытекает, как следствие: значит, согласно отстаиваемой нами теории оно входит в состав субъекта суждения, и всякое суждение, как условное, так и категорическое есть система, содержащая в себе, с одной стороны, совокупность условий, а с другой — вытекающее из них следствие. В условном суждении «если Коран от Бога, то Магомет пророк Божий» (пример Милля, Система Логики, кн. I гл. IV, §3), боговдохновенность Корана есть условие, из котораго следует пророческий характер Магомета. Но и в категорическом суждении, напр. «зерноядные птицы имеют сильный, мускулистый желудок» зерноядность есть условие, из которого следует наличность сильного мускулистого желудка. Очевидно, для различения категорических и условных суждений необходимо ссылаться не на многосмысленный термин условия вообще, а на какой-то особенный вид условий. Не трудно найти этот вид условий, рассмотрев хотя бы следующие два суждения: «земля и луна притягивают друг друга», «если бы земля столкнулась с луною, оба эти тела превратились бы в газообразное вещество». В первом суждении «земля и луна» есть нечто н а й д е н н о е познающим индивидуумом в составе мира (хотя бы то был идеальный или, напр., фантастический элемент мира), а во втором суждении предмет «земля и луна, столкнувшиеся друг с другом», есть нечто лишь п р е д п о л о ж е н н о е познающим субъектом (впоследствии может оказаться, что предполагаемое в самом деле находится в составе мира). Только в этом характере предмета и состоит различие между категорическим и условным суждением. Что же касается остальных сторон структуры этих суждений, она одинакова: и в условных (гипотетических) суждениях, как и в категорических, предикат вытекает из свойств предмета, как строго н е о б х о д и м о е с л е д с т в и е. В том и состоит природа условного (гипотетического)

[1]) А. И. Введенский, Логика, как часть теории познания, 3 изд., стр. 71.

Библиотека "Руниверс"

суждения, что поставив некоторое предположение, иногда совершенно произвольно, мы далее уже отказываемся от произвола и следим за тем, что становится необходимым принять, исходя из предположения. Мало того, возможны и такие условные суждения, в которых только какая-либо сторона предмета есть нечто предположенное, а остальные стороны его найдены в составе мира [1]). Конечно, все же различие ценности категорических и условных суждений очень велико: первые представляют собою гораздо более высокую ступень знания и являются целью его, так как дают сведения о подлинном составе мира, а вторые часто играют роль лишь предварительной ступени к категорическому знанию. Грамматический признак условности, слово «если», в высшей степени не надежен: это слово служит, как для обозначения предположенного условия, так и для найденного условия. Отсюда ясно, что всякое суждение может быть выражено с помощью слова «если». В самом деле, категорическое суждение «зерноядные птицы имеют сильный мускулистый желудок» отлично может быть выражено словами «если птицы зерноядны, они имеют сильный мускулистый желудок». Законы идеальных связей особенно охотно выражаются предложениями со словом «если»; однако это нисколько не препятствует им быть категорическими суждениями: так, теорема «если две линии параллельны третьей, они параллельны между собою» имеет тот-же смысл, который выражен словами «две линии, параллельные третьей, параллельны между собою».

Очень легко, конечно, исходя из таких законов, придти к настоящему условному суждению. Положимъ, я рассматриваю сложный геометрический чертеж, в составе которого находятся три прямые линии АВ, СД, EF, причем отношение этих линий друг к другу мною еще не исследовано. Раньше всякого исследования чертежа я могу высказать суждение «если АВ и СД параллельны EF, то они параллельны друг другу»; это — подлинно условное (гипотетическое) суждение. Липпс предлагает для обозначения условности пользоваться сложным выражением «в случае, если»; но в живой речи и оно не есть признак гипотетичности, так как часто употребляется вместо слов «всякий раз, когда».

Условные суждения выражаются посредством сложных предложений; отсюда, если слишком переоценивать грамматическое одеяние мысли, возникает убеждение, будто условные суждения должны считаться соединением, по крайней мере, двух суждений. На самом деле, этой необходимости нет. Такие примеры, как «зерноядные птицы имеют сильный, мускулистый желудок», показывают, как легко одно и то-же суждение грамматически выразить то посредством одного, то посредством двухъ и более предложений. В условном суждении все его содержание от слова «если» до

[1]) Сходное с изложенным учение об условном суждении развито в „Основах Логики“ Липпса, стр. 83 с.

Библиотека “Руниверс”

слова «то» служит выражением предмета и субъекта суждения; нередко и часть содержания, следующая за словом «то» входит в состав предмета суждения; напр., предложение «если Коран от Бога, то Магомет пророк Божий» может быть выражением суждения, в котором все содержание «если Коран от Бога, то Магомет» обозначает предмет суждения («Магомет, как автор Корана, книги, о которой предположено, что она боговдохновенна»).

Изложенное учение может навести на мысль, будто всякое категорическое суждение содержит в себе, хотя и не высказывает определенными словами, экзистенциальное суждение. В самом деле, экзистенциальными называются суждения о существовании предмета, напр. «Бог существует», «животные, имеющие строение отчасти ящеров, отчасти птиц, существовали», а каждое категорическое суждение имеет в виду предмет, как нечто найденное в составе мира. Однако приведенные примеры экзистенциальных суждений, особенно, если брать их не отвлеченно, а так, как они осуществляются в системе мышления, показывают что «существование» («существует», «есть», «бывает», «встречается»), о котором идет речь в экзистенциальном суждении, не совпадает с найденностью предмета, достаточною для категорического характера суждения. Предмет категорического суждения может быть найден в царстве реальных вещей, в царстве идей, в фантазии поэта, в мифотворческом сознании народа и т. п. и для категоричности суждения безразлично, какой из этих видов «существования» предметов (точнее, принадлежности предметов к составу мира) обусловил его найденность. Наоборот, задача экзистенциального суждения состоит именно в том, чтобы ответить на вопрос, какой вид бытия присущ или не присущ обсуждаемому предмету: так, кто горячо отстаивает тезис «Бог существует», имеет в виду бытие не в мифотворческой фантазии народа, не в виде индивидуально-субъективного построения и т. п., а независимо от человеческой душевной жизни.

Об экзистенциальных суждениях иногда говорят, что строение их глубоко отличается от строения других суждений: в них, повидимому, нет предиката или субъекта, следовательно, они не суть трехчленная система [1]).

Однако, изложенное мною учение показывает, что они подходят под общую схему. В самом деле, если задача этих суждений состоит в определении вида бытия предмета, то субъектом их служит наиобщее понятие существования предмета, а предикат определяет вид его существования; напр., точное словесное выражение суждения «Бог существует» таково: «бытие Бога есть бытие транссубъективное».

---

[1]) Липпс считает их лишенными субъекта, „Основы Логики“, § 99, стр. 65с.

Библиотека "Руниверс"

§ 62. Разделительными (дисъюнктивными) называются суждения, в которых предмету приписывается несколько предикатов, исключающих друг друга и в то-же время относящихся друг к другу так, что каждый из них необходимо принадлежит предмету, если все остальные не принадлежат ему; таково, напр. суждение «отношение центральных углов AOB и COD, опирающихся на несоизмеримые дуги AB и CD, или равно отношению дуг AB и CD, или меньше его, или больше его». Высказывая это суждение мы не знаем, какой именно из трех предикатов принадлежит предмету, но знаем, что вместе они не могут быть приписаны ему, и что если два из них не принадлежат предмету, то остающийся третий необходимо принадлежит ему. Таким образом знание, высказываемое разделительным суждением, сложно и в то-же время несовершенно: в нем остается нерешенным, какая из нескольких возможностей осуществлена. Поэтому разделительные суждения по ценности своей стоят ниже категорических и представляют собою одну из предварительных ступеней на пути к выработке категорического знания. Так, геометрия, высказав приведенное выше суждение, доказывает далее, что отношение углов AOB и COD не больше и не меньше, чем отношение дуг AB и CD; отсюда следует, согласно смыслу разделительного суждения, что остается только одна последняя возможность, которая и должна быть признана осуществленною, именно равенство между отношением углов и отношением дуг.

Разделительное суждение есть, собственно, не простое, а сложное суждение, т. е. сочетание нескольких суждений. В самом деле, простым можно назвать суждение, в котором есть предмет, субъект, предикат и отношение необходимого следования предиката из субъекта. Нужно несколько таких простых суждений для того, чтобы выразить смысл разделительного суждения. Напр., приведенное выше положение состоит из следующих условных суждений: «если отношение центральных углов AOB и COD не меньше и не больше отношения дуг, то оно равно ему»,«если отношение центральных углов AOB и COD не равно и не меньше отношения дуг, то оно больше отношения дуг» и т. д.; мало того, в нем подразумевается еще ряд категорически-проблематических суждений: «возможно, что отношение центральных углов AOB и COD равно отношению дуг», «возможно, что отношение центральных углов AOB и COD меньше отношения дуг» и т. д. [1]).

Грамматический признак разделительного суждения, слово «или» между предикатами, конечно, не надежен. Нередко слово «или» стоит между предикатами, совместимыми друг с другом, напр., «пшеница дает большой урожай или на черноземе или на хорошо удобренной почве». Такие суждения называются соединительно-раз-

---

[1]) См. Липпс „Основы Логики", § 140, стр. 89 с.

Библиотека "Руниверс"

делительными, так как они не исключают возможности соединения обоих предикатов (большой урожай пшеницы на черноземной хорошо удобренной почве).

Разделительные суждения не могут считаться видом суждений, соподчиненным с категорическими и условными, как это принято во многих курсах логики. Они представляют собою особую разновидность сложных суждений, стоящую вне связи с общею классификациею суждений по относительности и упоминаемую ввиду их выдающегося значения для теории умозаключений.

4. Модальность суждений.

§ 63. Под словом модальность суждения многие представители логики разумеют степень объективной необходимости мыслить связь субъекта с предикатом и различают с этой точки зрения три вида суждений: проблематические (возможные), ассерторические (действительные) и аподиктические (необходимые).

Учения о сущности этих трех видов суждений чрезвычайно разнообразны и нередко сбивчивы. Пожалуй, наиболее распространено то определение, которое дает Ибервег. «Проблематический характер», говорит он, «заключается в неуверенности (in der Ungewissheit der Entscheidung) относительно согласия комбинации представлений с действительностью, ассерторический характер состоит в непосредственной (основанной на собственном или чужом восприятии) достоверности, аподиктический характер состоит в опосредствованной (основанной на доказательстве, ἀπόδειξις) достоверности» [1]). Соответственно этому учению ассерторическое суждение есть простое непосредственное констатирование факта, опирающееся на восприятие, напр. «Петр Великий умер в 1725 г.»; аподиктическое суждение есть суждение, обоснованное путем умозаключения и подчеркивающее необходимость следования вывода из посылок словами «необходимо», «должно» и т. д., напр. «равносторонний треугольник необходимо равноуголен»(так как против равных сторон треугольника лежат равные углы), что же касается проблематического суждения, оно оставляет допустимым противоречащее ему суждение и выражает эту неопределенность словами «быть может», «пожалуй», вероятно» и т. п.; напр., в уме того, кто говорит «этой ночью, быть может, будет заморозок» (суждение было высказано в тверской губернии вечером 2-го июня 19... года, причем термометр показывал 2° С, небо было ясное, и дул северо-восточный ветер) остается оговорка «но возможно и то, что этою ночью не будет заморозка».

---

[1]) Ueberweg, System der Logik. 5 изд., § 69, стр. 207с.

Библиотека "Руниверс"

В этом учении нет ничего похожего на точно выработанную классификацию. «В основании этого деления нет единства», говорит Липпс: «с вопросом о степени достоверности в нем соединяется вопрос о способе обоснования ее» [1].

Далее, рядом с двумя видами суждений здесь поставлены высказывания, не имеющие характера суждений. В самом деле, сущность суждения состоит в том, что субъект есть основание, из которого необходимо следует предикат, так что рядом с ним противоречащее ему положение не может иметь места. Отсюда следует, что проблематические высказывания не суть суждения [2].

Наконец, и различие между ассерторическими и аподиктическими суждениями не может состоять в том, что в одних связь предиката с субъектом мыслится, как необходимая, а в других будто-бы она лишена характера необходимости: во всех суждениях предикат следует из субъекта необходимо. «Так называемое ассерторическое суждение (простое утверждение «*А* есть *В*»), говорит Зигварт, «не отличается по существу от аподиктического» (необходимо утверждать, что *А* есть *В*), поскольку в каждом суждении, высказываемом с полным сознанием, подразумевается необходимость высказывать его [3]. Поэтому Зигварт считает «традиционное различение ассерторического и аподиктического суждения не особенно удачным» [4].

Тоже самое говорит и Липпс: «строго говоря, сознание достоверности или объективной необходимости представления не допускает никаких различий по степеням. Оно существует или не существует вовсе, и вместе с ним существует или не существует суждение» [5].

Термин аподиктическая достоверность употребляется обыкновенно для обозначения высшей степени достоверности и часто высказывается «с эмфазою», как замечает Зигварт [6], и как это все, без сомнения, наблюдали. Тем более несостоятельна поэтому попытка отличать ассерторическое знание от аподиктического, как непосредственное констатирование факта и опосредствованное знание, полученное путем вывода: ведь опосредствованное знание обладает не большею степенью достоверности, чем его посылки: [7].

Таким образом мы отказываемся в логике от деления суждений по модальности, признавая все суждения одинаково обладающими характером необходимости.

---

[1] Липпс, Основы Логики, § 412, стр. 278.
[2] См об этом Sigwart, Logik, 3 изд., I т., § 31, стр. 236-242
[3] Там же, стр. 236.
[4] Там же, стр. 242.
[5] Липпс, Основы Логики, § 413, стр. 278.
[6] Sigwart, стр. 224.
[7] См. замечания об этом Зигварта (§ 31, стр. 23, 244) и Липпса, § 414, стр. 279.

Библиотека "Руниверс"

Это не мешает нам однако, интересуясь низшими ступенями знания и даже положениями, предваряющими знание, установить понятие проблематических высказываний, не признавая их суждениями. Предмет этих высказываний, содержит в себе не полное (не достаточное) основание для предиката, а только большее или меньшее количество частей основания (напр., в приведенном высказывании,—температура 2°С, ясное небо, северо-восточный ветер, как части основания для мысли о ночном заморзке), или хотя-бы только не заключает в себе элементов, не совместимых с предикатом.

Наличность частей основания или хотя-бы отсутствие препятствий для осуществления какого-либо В есть объективная возможность этого В при наличии А. Поэтому рядом с проблематическим высказыванием об А мы имеем право также на суждение о возможности В. Разница между таким высказыванием и суждением состоит лишь в том, что предмет первых есть А, предмет же вторых есть возможность В, поскольку наличествуют опознанные части А. Напр. историк, высказав, что «Димитрий Самозванец, быть может, был сыном Иоанна Грозного», тем самым считает себя в праве утверждать суждение: «возможность того, что Димитрий Самозванец был сыном Иоанна Грозного, существует»; предмет проблематического высказывания «Димитрий Самозванец», а предмет соответствующего ему суждения — «возможность для Димитрия Самозванца быть сыном Иоанна Грозного, поскольку имеются в виду лишь опознанные элементы Димитрия и Иоанна». В суждении о возможности сохранен весь опознанный объективный состав проблематического высказывания, но только перестроен так, чтобы добыть из него необходимую связь субъекта и предиката. Такие суждения о возможности условимся называть проблематическими суждениями.

§ 64. Наконец, хотя мы отвергли деление суждений по модальности, нельзя не обратить внимание на разницу между такими положениями, как «розовый куст на этой клумбе засох» (ассерторическое суждение) и, напр., суждениями математики, вроде теоремы «прямоугольный треугольник имеет площадь, равную половине произведения катетов». И те, и другие суждения одинаково необходимы, однако эта необходимость опознана во первых и во вторых суждениях весьма различным способом. Чтобы понять, в чем заключается разница, нужно обратить внимание на следующее обстоятельство. Во-первых, связи синтетической необходимости следования образуют в мире бесконечную цепь, состоящую из бесчисленного множества звеньев: S-M-N-P-R... Если даже и выхватить из этой цепи два несмежные звена, напр., S и R, то все-же отношение между ними есть необходимое отношение основания и следствия; однако, высказывая его, мы «делаем это слепо, подчиняясь какой-то необходимости «непонятной» нам, так как промежуточные звенья не замечены нами.

Библиотека “Руниверс”

Именно такой характер имеют в большинстве случаев суждения восприятия. Во-вторых, основание часто бывает весьма сложною совокупностью обстоятельств SABC... и, имея его в виду, как целое, мы опознаем в нем в различенной форме лишь сторону S; значит, наше суждение устанавливает только, что «тот предмет, в котором есть сторона S, содержит в себе основание для Р», но отсюда еще не видно, что именно в предмете служит основанием для Р. Суждения чувственного восприятия в большинстве случаев обладают именно таким строением. В самом деле, если, пройдясь по саду и осмотрев растения в нем, мы высказываем суждение «розовый куст на круглой клумбе засох», то это суждение имеет не менее необходимый характер, чем суждение «сумма углов этого остроугольного треугольника равна двум прямым углам»: если мне даны предметы этих суждений, я не могу не присоединить к ним их предикатов. Следовательно, и в первом, и во втором случае предмет суждения заключает в себе основание для предиката. И в первом, и во втором случае предмет есть бесконечно богатая по содержанию часть дѣйствительности, опознанная, т. е. различенная в сознании познающего лица только отчасти, и различие между двумя приведенными суждениями зависит только от того, какие элементы предмета опознаны в них. В предмете первого из этих суждений различено лишь то, что это «розовый куст» и что он находится «на круглой клумбе». Возьмем из живого предмета только эти различенные определения, абстрагируем их от всей полноты содержания «этого куста» и поставим их в сознании, — при этом мы тотчас заметим, что в них нет ничего, обязывающего присоединить к ним предикат «засох». Следовательно, опознанные стороны этого предмета не заключают в себе во всей полноте основания для предиката; значит, основание для предиката кроется в неопознанной глубине предмета, оно должно крыться в ней, потому что иначе не было бы принуждения приписывать «этому кусту» предикат, и оно выступило бы на свет знания, если бы мы могли исследовать строение всех тканей этого куста и все физиологические процессы в них. Иной характер имеет второе суждение. В нем основание для предиката кроется в различенной стороне предмета, и мало того, предмет различен в нем более, чем это необходимо для предиката: нет необходимости в том, чтобы треугольник был остроугольным или этим треугольником; если есть налицо плоскость, на ней три прямые линии, пересекающиеся друг с другом под какими угодно углами и ограничивающие часть плоскости, то вместе с этим должно оказаться, что сумма углов их пересечений равна двум прямым углам. Итак, есть два вида суждений. В одних суждениях предикат вытекает из неопознанных сторон предмета (суждения с неопознанным субъектом), и только восприятие связи в целом ручается за то, что предмет в самом деле содержит в себе основание для предиката; сосредоточивая внимание в этих суждениях на абстрактно мыслимой различенной стороне предмета, мы ясно чувствуем, что она еще не

Библиотека "Руниверс"

обязывает нас присоединить к ней предикат; большинство суждений восприятия имеет такой характер. В других суждениях предикат вытекает из опознанной стороны предмета (суждения с опознанным субъектом) и потому, даже и сосредоточиваясь только на ней, как на абстрактно мыслимой, мы сознаем, что предикат присоединяется к ней необходимо; таковы некоторые суждения в наиболее высоко развитых науках, напр., в математике. Умы, склонные сосредоточивать внимание преимущественно на опознанной стороне вещей, пренебрежительно относятся к суждениям восприятия и даже не доверяют им; это понятно, если принять в расчет, что одна опознанная сторона вещей в таких суждениях не обосновывает предиката. Наоборот, ум чуткий к конкретной живой реальности во всей ее полноте, напр., ум художника, скорее усматривает необходимость суждений восприятия, чем абстрактных положений науки. На самом же деле и те, и другие суждения одинаково необходимы, и разница между ними состоит лишь в неодинаковой различенности предмета. Поскольку идеал знания требует опознания всех сторон действительности, можно утверждать, что первые суждения, хотя они и заключают в себе истину, все-же отступают от идеала, так как они недоразвиты: вполне развитое истинное суждение есть то, в котором предикат вытекает из предмета, поскольку он опознан [1]).

Такие суждения можно условиться называть а п о д и к т и ч е с к и м и, имея в виду не только то, что греческое слово ἀπόδειξις означает действие п о к а з ы в а н и я, но и то, что оно означаеть з а в е р ш е н и е.

§ 65. Отвлекая от состава суждения все логические элементы его, именно отношение необходимого следования между предикатом и субъектом, а также качество, количество и относительность, можно назвать их ф о р м о ю суждения, а весь остальной состав — м а т е р и е ю суждения.

Специальным предметом изучения логики является формальная сторона суждения, следовательно, формальная, а не материальная сторона истины. Отрывая путем отвлечения форму от материи, можно установить искусственно понятие ф о р м а л ь н о й л о г и ч е с к о й п р а в и л ь н о с т и при отсутствии материальной истинности. Так, напр., силлогизм «верблюд есть магнит, магнит притягивает к себе железные предметы, следовательно, верблюд притягивает к себе железные предметы» ф о р м а л ь н о п р а в и л е н, хотя и нелеп материально: в нем соблюдены правила первой фигуры силлогизма, и, действительно, если допустить, что «верблюд есть магнит», то две приведенные посылки обосновывают вывод, что «верблюд притягивает железные предметы».

Упражнение в анализе таких фиктивных, только формально правильных умозаключений может быть даже полезным для ясного обо-

[1]) Н. Лосский, Обоснование интуитивизма, стр. 266 с.

Библиотека "Руниверс"

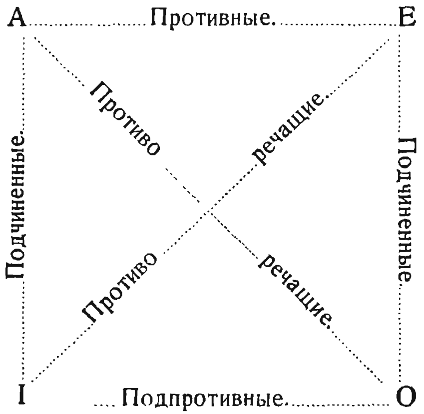
собления в уме логической формы от материи. Однако не следует упускать из виду, что реально форма от материи неотделима, что, напр. самая жизненная сторона суждения — необходимое следование предиката из субъекта в таких высказываниях лишь допущена, но фактически отсутствует, и поэтому не надо преувеличивать самостоятельность логической формы. Даже, занимаясь искусственно подобранными упражнениями в логических анализах, следует заботиться о том, чтобы по возможности задачи (кроме задач, иллюстрирующих ошибки) состояли из подлинных суждений, не только формально правильных, но и материально истинных.

5. Отношения между суждениями.

§ 66. Суждения, как и понятия, могут быть согласимыми или несогласимыми, т. е. противоположными в отношении друг к другу. Противоположность их может быть противоречащею или противною.

Строя теорию умозаключений, часто приходится иметь дело с парами высказываний, имеющих одну и ту-же материю S и P, но отличающихся друг от друга формою, именно количеством и качеством. Поэтому в логике принято рассматривать все отношения между парами, получаемыми путем сопоставления четырех суждений, общеутвердительного—*A*, общеотрицательного—*E*, частноутвердительного—*I*, частноотрицательного—*O*: «все *S* суть *P*», «ни одно *S* не есть *P*», «некоторые *S* суть *P*», «некоторые *S* не суть *P*».

Для запоминания отношений между этими суждениями применяется в виде мнемотехнического приема «квадрат противоположностей» или «логический квадрат»:



Отношение между парами суждений по левой и правой стороне квадрата (*A* и *I*, *E* и *O*) называется подчинением. Отношение между высказываниями, соединенными диагональю квадрата или верх-

Библиотека "Руниверс"

нею стороною его (*А* и *О*, *Е* и *I*, *А* и *Е*), есть противоположность, именно *А* и *О*, а также *Е* и *I* находятся в отношении противоречащей противоположности, *А* и *Е* в отношении противной противоположности.

Существенные свойства высказываний, находящихся в отношении противоречащей противоположности друг к другу, таковы: они не могут быть вместе истинными (по закону противоречия), и не могут быть также вместе ложными (по закону исключенного третьего); итак, одно из них необходимо есть истина, а другое — ложь. Противные в отношении друг к другу высказывания вместе не могут быть истинными (по закону противоречия), но они могут быть оба ложными (закон исключенного третьего не относится к ним). Так, оба высказывания «все птицы строят гнезда», «никакие птицы не строят гнезд» ложны; истина заключается в третьей возможности «некоторые птицы строят гнезда, некоторые птицы не строят гнезд». Возможно это потому, что высказывание «никакие птицы не строят гнезд» не только отрицает часть содержания первого высказывания, именно, что все птицы строят гнезда, но еще и прибавляет некоторое новое положение, именно настаивает, что никакая птица не обладает этим инстинктом. В этой прибавке может заключаться ложь. Возможен, конечно, и такой случай, когда одно из противных высказываний есть истина, а другое — ложь, напр. «все металлы электропроводны» — истина, «ни один металл не электропроводен» — ложь.

Такими-же свойствами обладают единичные и общие высказывания с одинаковыми предметами и противными предикатами, напр., «все французы скупы» и «все французы щедры».

Высказывания «некоторые *S* суть *Р*», «некоторые *S* не суть *Р*» называются в отношении друг к другу подпротивными. Они не могут быть вместе ложными. Но так как предмет их различен, хотя и выражен одинаковыми словами «некоторые *S*», то они могут быть вместе истинными.

Глава VIII.

Недоразвитость знания и заблуждение.

§ 67. Многие стороны предмета остаются в суждении неопознанными, и даже важнейший элемент суждения, субъект его, т. е. та часть предмета, которая служит основанием предиката, может оставаться сполна или отчасти неопознанною. В этом, как мы видели, и состоит различие между ассерторическими и аподиктическими суждениями (§ 64).

Библиотека "Руниверс"

Эта недоразвитость знания не есть заблуждение, но она легко может привести к заблуждению. Пример пояснит, в чем состоит различие между неполнотою знания и ложью. «Вода кипит при 100°С» говорим мы. Известно, однако, что вода, нагретая до ста градусов Цельсия, не закипит, если давление атмосферы выше нормального или, наоборот, она закипит и при менее высокой температуре, если давление ниже нормального. Это более точное знание выражается в суждении «вода при нормальном давлении атмосферы кипит, если нагреть ее до 100°С».

Предыдущее высказывание было менее точным, но нельзя утверждать, что оно есть ложь. Оно станет ложью, если придать ему смысл общего суждения «вода при 100°С во всяком случае закипит», т. е. принять «температуру воды в 100°С» за достаточное основание для предиката «кипение».

В большинстве случаев высказывание производится осторожно: предмет суждения мыслится, как такой отрезок мира, в составе которого различены и указаны некоторые стороны основания для предиката, а другие стороны основания не упомянуты или даже и вовсе не опознаны на современном уровне развития науки. Обыкновенно, они становятся опознанными тогда, когда кругозор наблюдений человека расширяется, напр., когда кипение наблюдается не только в обычной обстановке, но и на высоких горах, т. е. при разреженной атмосфере, или в замкнутых сосудах под высоким давлением и т. п. Высказывание «вода кипит при 100°С» имеет в виду нормальное давление, не высказывая этого точно словами; собственно говоря, оно есть частное суждение, т. е. суждение о неопределенном еще (неопознанном) классе случаев; это — знание, не ложное, но недоразвитое. Усовершенствование его будет достигнуто тогда, когда недостающие элементы субъекта его (основания) будет указаны; тогда субъектом его окажется понятие более частное, чем «вода, нагретая до 100°С», при этом выяснится, что объем его менее общ, чем могло казаться при недоразвитом знании. Заблуждение тогда именно возникает, когда мы преждевременно делаем высказывание общим: содержание его субъекта обеднено, в нем пропущены необходимые элементы, поэтому объем высказывания слишком широк.

Не следует, однако, обманываться надеждою на то, что идеал точного, вполне развитого знания легко достижим. Так, напр., рассматриваемое выше суждение после дополнения к нему условия «нормальности давления атмосферы» не стало вполне точным знанием. Вода, нагретая до 100°С, и при нормальном давлении может не закипеть, если в ней есть растворенные соли; далее, для нормального закипания необходима примесь к воде растворенных газов. Итак наше суждение становится все более сложным, все более част-

Библиотека "Руниверс"

ным: «вода, нагретая до 100°C, содержащая в себе растворенные газы и не заключающая в себе растворенных солей, при нормальном давлении атмосферы кипит». Само-собою разумеется, и теперь идеал точности не достигнут. Современный физик может указать еще ряд условий, и нет никакого сомнения в том, что, расширяя круг своих наблюдений, исследуя более сложные и более редкие комбинации явлений, физика будет находить все новые и новые дополнительные условия без конца. Все научные суждения о реальном бытии не совершенны и подлежат этому процессу развития. Но этого мало, суждения об идеальном бытии также несовершенны: вспомним хотя-бы о том, какие ограничения приходится ввести в суждения геометрии Евклида, с тех пор, как математика стала исследовать различные виды неевклидовского пространства. Даже аксиомы и постулаты, как будет указано ниже, в большинстве случаев явным образом далеки от идеального совершенства. Следовательно, вся система человеческого знания в целом и в частях не то, чтобы ложна, но несовершенна и находится в процессе развития, увеличивающего точность знания путем усложнения опознания (различения). Кто не согласится с этим учением о недоразвитом знании, тому придется считать все положения современной науки прямо ложными. Принять-же изложенное учение можно не иначе, как, допустив, что в составе суждения опознанные элементы сознаются на фоне неопознанного бытия, которое, несмотря на свою неопознанность (неразличенность), но благодаря все-же своей сознанности, в общих чертах правильно руководит актом суждения.

Кроме описанной, есть еще другая форма несовершенства знания, прямо противоположная первой. Она состоит в том, что предикат приписывается предмету, в котором есть элементы, не необходимые для обоснования предиката, т. е. не входящие в состав субъекта суждения. Эти элементы могут быть даже опознанными и указанными посредством ряда слов в предложении для обозначения предмета суждения, но при этом очень часто остается неопознанным, соучаствуют-ли они в обосновании предмета или нет. Такое суждение может быть самою очевидною истиною, и тем не менее оно есть недоразвитое знание. Первичные суждения восприятия в высшей степени наделены этим недостатком. На основании наблюдений над определенным отрезком медной проволоки можно высказать вполне правильное суждение «эта медная проволока — хороший проводник электричества», однако, если еще не произведены или еще не известны мне исследования, устанавливающие, что для хорошей проводимости электричества нет надобности в том, чтобы была именно «медь», а также в том, чтобы она имела форму «проволоки», то мое знание недоразвито: в нем к субъекту суждения припаяны лишние элементы, и я не умею отделить их от субъекта. Знание станет более точным, когда мне станет известно, что наряду с своим единичным

Библиотека "Руниверс"

суждением я имею право также на гораздо более общее суждение «все металлы — хорошие проводники электричества». В свою очередь, конечно, и это суждение содержит еще в себе лишние для предиката элементы и станет более точным, когда рядом с ним физика установит еще более общий закон хорошей проводимости электричества.

Такое недоразвитое знание таит в себе опасности, потому что из несовершенного оно легко может превратиться в ложное: стоит лишь сказать, будто «только проволока из меди электропроводна», и перед нами заблуждение.

Одно и то-же суждение может содержать в себе оба противоположные недостатка: с одной стороны, некоторые элементы субъекта могут оставаться неопознанными, а с другой стороны от него могут быть не отделены некоторые лишние элементы. Развитие знания, освобождающее его от этих двух недостатков, осуществляется, следовательно, в двух противоположных направлениях, с одной стороны, — путем опознания ограниченности суждений (меньшей общности, чем можно было думать, на основании грамматической формы первоначальных суждений), а с другой стороны, — путем установки все более широких обобщений.

§ 68. Во избежание недоразумений здесь следует сказать несколько слов о строении ложных высказываний. Одни из них содержат в субъекте лишние элементы; наоборот, в других субъект заключает слишком мало элементов для того, чтобы обосновать предикат. Первые ошибки легко можно понять, как продукт синтеза, осуществленного познающим индивидуумом. Но второй тип ошибок на первый взгляд кажется необъяснимым с точки зрения интуитивизма. Поэтому покажем, что и они объясняются таким же способом. Положим, кто-либо утверждает: «все люди с асимметрическим типом лица прирожденные преступники». Преступность не вытекает из асимметрического типа лица и приведенное обобщение не может считаться доказанным ни индуктивно, ни дедуктивно; тем не менее могут найтись лица, высказывающие его с твердым убеждением в его истинности. Объяснить это можно таким образом. Положим, в уме *NN* представление асимметрического типа лица вызывает неприятное эстетическое чувство или допустим, что в квартире *NN* была произведена кража, и преступник оказался с лицом резко асимметричным и т. п.; такие чувства или такие неприятные случайности личного опыта, присоединяясь к представлению асимметрического лица, служат мотивом для того, чтобы *NN* охотно сочетал с ним (синтезировал) также представление об опорочивающем таких людей свойстве, о прирожденной преступности, или, по крайней мере, такой комплекс психических особенностей *NN* служит причиною прочной ассоциации (синтеза) в его уме двух представлений асимметричности лица и преступности. Итак,

Библиотека "Руниверс"

перед нами действительная необходимость следования, однако не в строении объекта, а в психическом процессе *NN*. Правильным выражением этой связи служит суждение: «в моем уме, враждебно настроенном к лицам асимметрического типа, за представлением о них неизбежно возникает представление о прирожденной преступности.»

Глава IX.

Однозначная и многозначная связь в суждении.

1. Связь в прогрессивном и регрессивном направлении.

§ 69. Связь основания и следствия, содержащаяся в суждении, имеет существенное значение для умозаключений. Свойствами ее объясняются различные виды умозаключений и принципы, лежащие в основе их.

Рассмотрим поэтому детальнее, чем прежде, эту связь в суждении, именно проследим ее в двух направлениях — прогрессивно и регрессивно, т. е. от основания (от субъекта и предмета) к следствию (предикату) и, наоборот от следствия к основанию.

Положим, даны три суждения: «дерево есть горючее вещество», «спирты суть горючие вещества», «жиры суть горючие вещества». Схематически эти суждения выразимы следующим образом:

. . S . . — P;
. . . . .

. . K . . — P;
. . . . .

. . N . . — P;
. . . . .

Очевидно, связь в прогрессивном направлении (от предмета к предикату) однозначна, а в регрессивном (от предиката к предмету) — она многозначна. В самом деле, при наличности предмета необходимо наличен определенный предикат; путь вперед от предмета к предикату строго определен. Наоборот, предикат не связан с одним лишь определенным предметом; путь назад от предиката к предмету, не определен; в данном, например, случае перед нами открываются три дороги и ни одна не имеет преимущества перед другою.

2. Многозначность связи предиката и предмета.

§ 70. Необходимо объяснить неравноценность связи элементов суждения в прогрессивном и регрессивном направлении. Первый

Библиотека "Руниверс"

ответ, приходящий в голову и даваемый действительно классическою логикою в аналогичном случае, именно в теории условно-категорических умозаключений (при объяснении невозможности умозаключений от присутствия следствия к присутствию основания и от отсутствия основания к отсутствию следствия), таков: можно предположить, что связь основания и следствия однозначна в прогрессивном направлении и многозначна в регрессивном направлении; иными словами, основание приводит к одной определенной системе следствий и не может в разных случаях давать разные следствия, что же касается следствия — одно и тоже следствие может быть получено из разных оснований. Так, горючесть есть следствие столь различных оснований, как химическое строение дерева, или строение спирта, или строение жиров и т. д., и т. д. Назовем такое обилие оснований для одного и того же следствия словом множественность оснований.

Это учение я считаю ошибочным и полагаю, что оно приводит к безвыходным затруднениям, если не в логике, то в методологии наук. Связь основания и следствия, по моему мнению, однозначна не только в прогрессивном, но и в регрессивном направлении. Соображения по этому поводу будут представлены мною ниже, а теперь я прямо выскажу то учение, которое считаю правильным. Суждение, как известно, содержит в себе связь основания и следствия, однако никоим образом нельзя утверждать, будто оно состоит только из основания и следствия: первое звено суждения есть познаваемый предмет; в его составе находится основание (субъект суждения) для предиката-следствия, но, сверх того, он обладает, обыкновенно, еще множеством свойств, не имеющих значения для обоснования предиката. Отсюда ясно, что связь элементов суждения должна быть в прогрессивном направлении однозначною, а в регрессивном многозначною даже и в том случае, если окажется, как это мы будем доказывать ниже, что связь основания и следствия однозначна в обоих направлениях: в самом деле, предмет, содержа в себе основание, служит безошибочным показателем наличности предиката-следствия, но обратно предикат не может быть показателем того, какой предмет, обосновал его, потому что предмет содержит в себе также элементы, безразличные для предиката; эти элементы в разных случаях различным образом присоединяются к обосновывающему предикат ядру предмета, и потому многие весьма разнообразные предметы могут иметь один и тот же предикат. Итак, мы объясняем многозначность связи элементов суждения в регрессивном направлении не множественностью оснований для одного и того же следствия, а множественностью предметов для одного и того же предиката.

Библиотека "Руниверс"

3. *Несостоятельность учения о множественности причин. Однозначность связи следствия с основанием, действия с причиною и т. д.*

§ 71. Логическая связь, как установлено выше, есть не что иное, как онтологическая связь, вступившая в состав объективной стороны суждения. Неправильное учение о логической связи, именно учение о множественности оснований, возникло в логике не самостоятельно, а под влиянием ложного представления об одном из важнейших для науки видов онтологической связи, о связи причины и действия. В самом деле, многие ученые и философы допускают множественность причин, т. е. полагают, что одно и то же действие может производиться в разных случаях разными причинами. Достаточно, повидимому, одного, двух примеров, чтобы убедиться в этом; так, нагревание тела может быть причинено близостью другого тела с более высокою температурою, но оно может быть произведено также и совершенно иными причинами, напр., трением, химическою реакциею, электрическим током и т. д.; взрыв может быть причинен разложением динамита, но он может произойти также от вспышки бензина, пороха и т. п. Итак, повидимому, множественность причин несомненна; отсюда следует, что связь процессов в природе однозначна только в прогрессивном направлении, от причин к действиям, а в регрессивном направлении, от действий к причинам, она многозначна. Не трудно, однако, показать, что в таком случае наука о природе была бы невозможна. В самом деле, ученый нередко принужден открывать причины, исходя только из произведенных ими действий. Но если бы существовала множественность причин, то такое знание никогда не могло бы быть достоверным; оно было бы лишь более или менее вероятным. Допущение определенных причин на основании такого исследования имело бы характер только гипотез, и эти гипотезы никогда не могли бы превратиться в теории: в самом деле, если существует множественность причин, то приходится признать, что превращение гипотезы в теорию достигается лишь тогда, когда удается (напр., благодаря усовершенствованию техники наблюдения) прямо наблюдать прежде лишь предположенную причину объясняемого явления или, по крайней мере, причину его причины.

Таким образом становится очевидною прежде всего невозможность наук о безвозвратном прошлом. Геолог, определяющий по возрастанию или убыванию величины частиц в различных слоях одного и того же пласта, осаждался ли этот пласт на дне водного бассейна при высыхании, или, наоборот, при углублении его, объясняющий образование долины размывающим действием воды и т. п., на каждом шагу принужден умозаключать о причинах, исходя из сохранившихся действий их, и если эти умозаключения только

Библиотека "Руниверс"

вероятны, то вся почти геология становится системою гипотез, не превратимых в теорию ни при каком прогрессе науки. В таком же положении находится вся история, когда она воспроизводит прошлое по развалинам древних городов, надписям, монетам и т. п. Даже и тогда, когда историк рисует прошлое на основании заслуживающих доверия мемуаров очевидца, он умозаключает от действия к причине, так как сами мемуары суть лишь следствие описанных событий.

Не следует успокаивать себя мыслью, что остаются еще науки, основанные на наблюдении современных нам причин и действий, науки, устанавливающие законы прогрессивной связи такой-то причины с таким-то действием. И эти науки стали бы недостоверными, если бы существовала множественность причин. В самом деле, научное обоснование любого закона природы требует ряда приемов и приспособлений, в состав которых входит знание о причинах по производимым ими действиям. Так, напр., зоолог, поскольку он неизбежно должен опираться не только на свои личные восприятия, но и на исследования, рисунки, описания и фотографические снимки других ученых, принужден признать, что в его сознании наука в своих исходных пунктах опирается бесконечно чаще на знание, отправляющееся от действий к причинам, чем на знание прогрессивное, направленное от причин к действиям. О практической жизни нечего и говорить: она шагу ступить не может без попыток узнать причину по ее действию. Пусть, напр., судья при расследовании обстоятельств преступления подсчитает, как часто ему приходится восстановлять прошлое этим путем, или пусть читатель познакомится с умозаключениями этого рода у Шерлока Холмса, любимого героя романиста Конан Дойля.

Приведенные примеры уже с очевидностью показывают что тот, кто признает множественность причин и потому сомневается в возможности достоверных умозаключений от действия к причине, тем самым подрывает достоверность всякого знания.

Этот вывод служит достаточным мотивом для того, чтобы усомниться в множественности причин. Покажем прежде всего, что факт множественности причин не доказан. В самом деле, устанавливают его только путем ссылки на отдельные примеры. Но эти ссылки не убедительны прежде всего потому, что в них действие берется не во всей его конкретной полноте, а в отвлеченной форме, выраженное лишь общим понятием, например, взрыва вообще, причиною которого может быть и разложение динамита, и вспышка бензина, пороха и т. п. Но если взять действие в более индивидуализированной форме, например, принять в расчет характер звука, определить форму осколков разорвавшейся металлической оболочки и т. п., то можно будет дойти до того, что все другие причины, кроме динамита, будут исключены. Если понадобится определить, от какого

Библиотека "Руниверс"

количества динамита произошел взрыв, то надо изучить действие еще более подробно и взять его в еще более конкретной форме. Можно представить себе, что при достаточно подробном знании действия удалось бы даже определить, произошел ли взрыв от толчка или от химического воздействия на динамит и т. п. Наконец, если взять действие во всей его конкретной полноте и абсолютной индивидуальности, то нельзя будет отрицать, что причиною его может быть только один определенный, абсолютно индивидуальный комплекс событий [1]). Таким образом ряд индивидуально определенных событий в природе однозначен не только прогрессивно, но и регрессивно.

Мало того, предыдущие соображения показывают, что действие, мыслимое без индивидуальных черт, т. е. выраженное в общем понятии, также может быть приурочено только к одной определенной причине, но тоже лишенной некоторой группы индивидуальных черт, т. е. выраженной тоже в общем понятии. Чем общее понятие действия, тем общее должно быть понятие и той причины, которая соответствует ему. Например, беря не единичный случай взрыва, но и не самое общее понятие взрыва вообще, а останавливаясь на понятии «взрыва такого то типа», необходимо признать причиною его «динамит» вообще (т. е. без определения количества его и т. п.); восходя к самому общему понятию взрыва вообще, приходится мыслить также и причину его в самой общей форме, именно как внезапный огромный перевес давления, производимого каким-либо телом на окружающую среду, в сравнении с давлением этой среды на тело.

Иными словами, всякий раз, когда приводят пример множественности причин, когда говорят, будто действие *P* производится то причиною *S*, то *K*, то *N*, оказывается, что *S*, *K* и *N* сложны, и вполне возможно, что, несмотря на свои различия, они содержат в себе также общую одинаковую сторону *d*, которая и есть в точном смысле причина *P*. Например, *S* есть *def*, *K* есть *drg*, *N* есть *dmt*, причем только *d* есть причина *P*, а *ef*, *gr*, *mt* не участвуют в порождении *P*. Так, самые разнообразные причины нагревания тел—трение, химические реакции, электрический ток и т. п. — могут заключать в себе общую сторону, которая и служит настоящею единственною причиною нагревания во всех случаях. Прогресс науки подтверждает эту мысль: обыкновенно, она устанавливает сначала ряд сравнительно частных законов причинной связи — «где есть *S*, там необходимо возникает *P*», «где есть *K*, так необходимо возникает *P*», «где есть *N*, там необходимо возникает *P*», а впоследствии открывает более общий закон «где есть *d*, там необходимо возникает *P*», закон обобщающий все установленные раньше положения.

---

[1]) Там же, стр. 297.

Библиотека "Руниверс"

Неосновательность доводов в пользу множественности причин можно пояснить еще следующим способом. Точь в точь такого же типа примеры, какими обосновывают учение о множественности причин, можно привести и в пользу утверждения множественности действий, следовательно, настаивать на том, будто одна и та же причина может производить то одно, то другое действие. Например, можно утверждать, что действия наказания весьма различны: наказание может привести в одних случаях к исправлению, в других к лицемерию, в третьих — к озлоблению, связанному с открытою нахальною порочностью и т. д. Кто вывел бы из таких примеров учение о множественности действий, тот мог бы вместе с тем в логике притти к учению о множественности следствий. Тогда рушилась бы не только всякая наука о природе, но и погибла бы логика.

Само собою разумеется, приведенный пример не служит доказательством множественности действий — в силу соображений, аналогичных тем, какие были приведены против множественности причин. Наказание *A* привело в различных случаях к разным результатам — *D*, *E*, *F*; однако нельзя утверждать, будто причина этих результатов кроется в одном и том же *A*; полная причина наблюдаемого эффекта заключается в комбинации наказания с свойствами души наказываемых лиц *B*, *C*, *L*; итак, перед нами не многозначная прогрессивная связь:

$$A — D$$
$$A — E$$
$$A — F,$$

а однозначная:

$$AB — D$$
$$AC — E$$
$$AL — F.$$

§ 72. Приведенные соображения устанавливают с несомненностью только то, что множественность причин не доказана. Теперь необходимо дополнить их доказательством того, что множественности причин действительно нет, что всякое действие может быть произведено всегда только одною и тою же причиною. Это положение имеет столь же принципиальный характер, как и закон, согласно которому одна и та-же причина производит всегда одно и то же действие. Такие принципы не могут быть обоснованы ни индуктивно из частных фактов, ни дедуктивно из более общих принципов. Они могут быть установлены лишь непосредственно, путем умозрения. Имея в виду развитое выше идеал-реалистическое учение об общем, не трудно найти обоснование рассматриваемого принципа; то же самое умозрение, благодаря которому очевидно, что всякое событие

Библиотека "Руниверс"

имеет причину, служит ручательством, как однозначности связи причины с действием, так и однозначности связи действия с причиною. В самом деле, согласно идеал-реалистическому учению об общем, действие, одинаковое в различных случаях (в разных местах пространства и в различные времена), существует, поскольку оно одинаково, не во многих экземплярах: оно есть буквально одно и то же, численно тожественное бытие, а потому невозможно, чтобы оно имело несколько различных причин, вроде того, как невозможно, чтобы один и тот же человек имел несколько матерей.

Аналогичные соображения в пользу однозначности онтологической связи в обоих направлениях могут быть приведены и для других отношений, для отношения между средствами и целями, для двух членов математической функциональной зависимости и т. п. Отсюда, далее, и в логике необходимо притти к мысли, что связь основания и следствия однозначна в обоих направлениях. При этом умозрение, только что приведенное для обоснования мысли, что всякое действие всегда может быть произведено только одною и тою же причиною, повторимо в аналогичной форме и для обоснования принципа — всякое следствие может быть получено только из одного единственного основания, т. е. множественность оснований невозможна.

Библиотека "Руниверс"

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Гносеологическое введение в логику . . 5—58

1) Гносеология, как основа логики, стр. 5—7; 2) отношение между субъектом и объектом, стр. 7—22; 3) строение объекта и знания о нем, стр. 23—49; 4) определение психологии знания, гносеологии и логики, стр. 50—52; 5) логика, как теоретическая наука, стр. 52—54; 6) Логика, как наука об открытии и изобретении, стр. 55—58.

ГЛАВА I. Представление и понятие, как элементы суждения. . . . . . 58—63

ГЛАВА II. Логические законы мышления. . 63—84

ГЛАВА III. Теории понятия. . . . . 85—106

1) сущность понятия, стр. 85—86; 2) идеал-реалистическая теория общих понятий, стр. 87—96; 3)номинализм, стр. 96—99; 4) концептуализм, стр. 99—103; 5) сходства и различия номинализма, концептуализма и идеал-реализма, стр. 104—105; 6) отвлечение, открывающее идеи, стр. 105—106.

ГЛАВА IV. Объем и содержание понятий. Отношения между понятиями. . . 107—114

ГЛАВА V. Определение понятий. . . . . 115—130

1) ясность и отчетливость представлений и понятий, стр. 115—116; 2) определение понятий, стр. 116—118; 3) номинальные и реальные, категорические и гипотетические определения, стр. 118—119; 4) ошибки в определении, стр. 119—121; 8) определение, как синтетическое суждение, стр. 121—130.

ГЛАВА VI. Деление понятия. . . . . . 131—134

Библиотека “Руниверс”

ГЛАВА VII. Форма суждения. . . . . 134—156

1) количество суждения, частные суждения, стр. 134—140; 2) качество суждения, относительность качества, стр. 140—145; 3) относительность суждения, стр. 145—150; 4) модальность суждений, стр. 150—155; 5) отношения между суждениями, стр. 155—156.

ГЛАВА VIII. Недоразвитость знания и заблуждения. . . . . 156—160

ГЛАВА IX. Однозначная и многозначная связь в суждении. . . . . . . 160—166

1) связь в прогресивном и регрессивном направлении, стр. 160;2) многозначность связи предиката и предмета, стр. 160—161; 3) несостоятельность учения о множественности причин, однозначность связи следствия с основанием, действия с причиною и т. д. стр. 162—166.

Библиотека "Руниверс"